

Московский городской педагогический университет

Всероссийское периодическое издание

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

2019

№ 4 (32)

Выходит 4 раза в год

ISSN (print): 2223–6872

ISSN (online): 2223–6880

Москва

2019

Системная психология и социология: научно-практический журнал. М.: МГПУ, 2019.
№ 4 (32). 120 с.

ISSN (print): 2223–6872

ISSN (online): 2223–6880

Редакционная коллегия

Романова Евгения Сергеевна (главный редактор, Москва),
Рыжов Борис Николаевич (зам. главного редактора, Москва),
Арзуманов Юрий Леонидович (Москва), Бершедова Людмила Ивановна (Москва),
Волкова Елена Николаевна (Санкт-Петербург), Дочкал Владимир (Братислава, Словакия),
Дубровина Ирина Владимировна (Москва), Жданова Светлана Юрьевна (Пермь),
Иванов Денис Васильевич (Новосибирск), Карпова Наталия Львовна (Москва),
Левченко Ирина Юрьевна (Москва), Ленков Сергей Леонидович (Тверь),
Лех Витковски (Слупск, Польша), Лидак Людмила Валентиновна (Пятигорск),
Прюс Франц (Грайфсвальд, Германия)

Редакционный совет

Рыжов Борис Николаевич (председатель, Москва),
Шейнов Виктор Павлович (зам. председателя, Минск, Беларусь)
Абушкин Борис Михайлович (Москва), Ананишнев Владимир Максимович (Москва),
Аншакова Валентина Васильевна (Астрахань), Бакшутова Екатерина Валерьевна (Самара),
Волковская Татьяна Николаевна (Москва), Вяткин Бронислав Александрович (Пермь),
Георгиева Росица (София, Болгария), Забродин Юрий Михайлович (Москва),
Иванников Вячеслав Андреевич (Москва), Казак Тамара Владимировна (Минск, Беларусь),
Коган Борис Михайлович (Москва), Консон Григорий Рафаэльевич (Москва),
Лобанов Александр Павлович (Минск, Беларусь), Миронова Татьяна Ивановна (Кострома),
Рац Александр Яковлевич (Санкт-Петербург), Романова Евгения Сергеевна (Москва),
Рубцова Надежда Евгеньевна (Тверь), Рычихина Элина Николаевна (Москва)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций Регистрационный номер ПИ № ФС77–37716 от 29.09.2009 г.

Заключением Президиума ВАК Минобрнауки России № 13–6518 от 01.12.2015 г.
включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук

Учредитель: Московский городской педагогический университет

Подписной индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России»: 80651

Зав. редакцией О. В. Чибискова

Адрес редакции: Москва, Петровско-Разумовский пр., 27

Тел.: +7 495 612 6716

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Электронная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
Регистрационный номер ЭИ № АС77–37715 от 29.09.2009 г. <http://www.systempsychology.ru>

© ГАОУ ВО МГПУ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Психологические исследования

Романова Е. С., Абушкин Б. М. Ценностно-смысловая направленность личности обучающихся как фактор развития их личностного потенциала	5
Кормачёва И. Н., Клепикова Н. М. Прокрастинация: феномен и научная проблема	18
Хисамбеев Ш. Р. Произвольное выполнение действия как стадия развития субъектности.....	30
Кузьмина Т. И. Исследование самосознания лиц с нарушением интеллекта посредством ситуационных методик	39

История психологии и психология истории

Иванов Д. В. Системные идеи о человеке борющемся в отечественной психологической традиции (вторая половина XIX – начало XX в.)	52
Бершедова Л. И., Набатникова Л. П., Рыжов Б. Н. Илья Репин: круг жизни	65

Социологические исследования

Кисляков П. А. Системно-личностные детерминанты безопасного просоциального поведения личности	79
Добринина О. А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции З. Баумана.....	92

Дискуссия

Кондратьев В. М. Проблема соотношения морали и права в образовании человека	103
Kondratyev V. M. The Problem of Balance between Morality and Law in Human Education	109

Юбилей

Антонина Николаевна Ждан — корифей отечественной психологии!.....	113
---	-----

Информация

Сведения об авторах журнала «Системная психология и социология», 2019, № 4 (32)	115
Требования к оформлению статей	118

CONTENTS

Psychological Researches

Romanova E. S., Abushkin B. M. Value-Semantic Orientation of Students' Personality as a Factor for Development of Their Personal Potential	5
Kormacheva I. N., Klepikova N. M. Procrastination: Phenomenon and Scientific Problem.....	18
Khisambeev Sh. R. Voluntarily Execution of an Action as a Stage of Subjectivity Development.....	30
Kuzmina T. I. Exploring the Self-Consciousness in Persons with Intellectual Disabilities using Case Study Technologies.....	39

History of Psychology and Psychology of History

Ivanov D. V. Systemic Ideas about Struggling Man in Russian Psychological Tradition (the Second Half of the XIX – Early XX Centuries)	52
Bershedova L. I., Nabatnikova L. P., Ryzhov B. N. Ilya Repin: the Life Circle	65

Sociological Researches

Kislyakov P. A. System-Personal Determinants of Safe Prosocial Behavior	79
Dobrina O. A. Social Risks of Modernity and Threats to Identity: Systematic Analysis of Z. Bauman's Concept.....	92

Discussion

Kondratyev V. M. The Problem of Balance between Morality and Law in Human Education (with a Translation into English).....	103
---	-----

Anniversary

Antonina Nikolaevna Zhdan is the Luminary of Russian Psychology!	113
--	-----

Information

Authors of the Journal «Systems Psychology and Sociology», 2019, № 4 (32)	115
Author Guidelines	118

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2019.32.4.01

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИХ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Е. С. Романова,
Б. М. Абушкин,

МГПУ, Москва,

RomanovaES@mgpu.ru,

AbushkinBN@mgpu.ru

Психологическая работа с обучающимися предъявляет большие требования к диагностическим подходам, объективизирующим их индивидуальный мир настоящих и будущих интересов. В работе представлен диагностический подход, позволяющий дать оценку ориентации обучающихся в мире личностных интересов, характерных для сформировавшейся активной личности, и в мире социальных факторов, предопределяющих эффективность профессиональной деятельности.

Экспериментальное исследование на выборке из 450 школьников показало высокую эффективность предлагаемых подходов для диагностики особенностей личностной самореализации подростков. В частности, результаты исследования выявили целесообразность применения диагностического инструментария в работе с обучающимися для их включения в творческий процесс саморефлексии. В основу самооценки обучающимися своих личностных качеств заложена практика сравнительного оценивания результатов разных методик, диагностирующих определенные аспекты их личностного развития. Полученные в исследовании данные позволили увидеть суть проблемы саморазвития обучающихся, основанной на широком интересе подростков ко всем возможным запросам социальной и профессиональной практики. Личностный потенциал подростков, необходимый для успешной ориентации во всем этом многообразии возможностей, отступает на второй план перед яркостью и привлекательностью будущих перспектив. Выявляемые в ходе диагностики и обсуждаемые с обучающимися противоречия в желаниях и возможностях приобретают необходимую конкретность для решения поставленной задачи развития личностного потенциала обучающихся. В работе представлены статистически обработанные результаты, которые дополняют методику материалом для критериального оценивания.

Ключевые слова: социальные ценности; ценностно-смысловая направленность; личность; личностный потенциал; профессиональное самоопределение; метод парных сравнений; социализация; самореализация; самовыражение; психологическая работа; психологическая диагностика; обучающиеся.

Для цитаты: Романова Е. С., Абушкин Б. М. Ценностно-смысловая направленность личности обучающихся как фактор развития их личностного потенциала // Системная психология и социология. 2019. № 4 (32). С. 5–17. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.01.

Романова Евгения Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, исполняющий обязанности директора Института психологии, социологии и социальных отношений Московского городского педагогического университета, заведующая кафедрой общей и практической психологии Института психологии, социологии и социальных отношений Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

Абушкин Борис Михайлович, кандидат психологических наук, доцент, заместитель директора Института психологии, социологии и социальных отношений Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: AbushkinBM@mgpu.ru

© Романова Е. С., Абушкин Б. М., 2019

UDC 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2019.32.4.01

VALUE-SEMANTIC ORIENTATION OF STUDENTS' PERSONALITY AS A FACTOR FOR DEVELOPMENT OF THEIR PERSONAL POTENTIAL

E. S. Romanova,

B. M. Abushkin,

MCU, Moscow,

RomanovaES@mgpu.ru,

AbushkinBN@mgpu.ru

Psychological work with students needs great demands on diagnostic approaches that objectify their individual view of present and future interests. The article presents a diagnostic approach aimed at assessing the orientation of students in the world of personal interests that are usual for active personality, and in the world of social factors that determine the effectiveness of professional activity.

The experimental study on a sample of 450 school students showed the high efficiency of the proposed methods to diagnose the features of personal self-realization of adolescents.

In particular, the results of the study revealed the desirability of using diagnostic tools for working with students to include them into the creative process of self-reflection. Student self-assessment is paired with evaluating his own personal qualities and is based on the practice of comparative evaluation of the results of different techniques that diagnose various aspects of students' personal development. The obtained data allowed to see the essence of the problem of self-development in students, based on the broad interest of adolescents to all possible demands of social and professional practice. The personal potential of adolescents that is necessary for successful orientation in all this diversity of opportunities steps aside before the brightness and attractiveness of future prospects. The contradictions revealed in the course of diagnostic, that are discussed with students in terms of desires and opportunities, require the necessary specificity to solve the task of developing the personal potential in students.

The article presents statistically processed results that add to this technique extra material for its further criterion evaluation.

Keywords: social values; value-semantic orientation; personality; personal potential; professional self-determination; method of pair comparisons; socialization; self-realization; self-expression; psychological work; psychological diagnostics; students.

For citation: Romanova E. S., Abushkin B. M. Value-Semantic Orientation of Students' Personality as a Factor for Development of Their Personal Potential // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 4 (32). P. 5–17. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.01.

Romanova Evgeniya Sergeevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Acting Director of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations at the Moscow City University, Head of the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

Abushkin Boris Mikhailovich, PhD in Psychology, Associate Professor, Deputy Director at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: AbushkinBM@mgpu.ru

Введение

Современные научные исследования констатируют неравномерность психического развития в детской популяции. Влияние целого ряда факторов на развитие обучающихся приводит к неоднородному их личностному и социальному развитию. В первую очередь следует иметь в виду фактор большого разнообразия индивидуальных особенностей детей, который имеет положительное значение в силу многообразия сфер материальных и интеллектуальных запросов общества. Вместе с тем в школьные годы необходимо осуществить такое развитие детей, которое обеспечит их готовность к решению всех запросов общества.

Предлагаемый подход к организации диагностико-развивающей и психологической работы с обучающимися разрабатывался с целью решения следующих задач: 1) оценка индивидуального личностного и социального развития; 2) проведение консультаций, основанных на индивидуальных психологических профилях обучающихся, их ценностных установках и понимании ими перспектив своего социального развития (консультационно-развивающая работа).

Актуальность исследования связана также со значительным перераспределением обучающимися своего учебного и личного времени в пользу пребывания в социально обезличенных сетевых ресурсах Интернета, уводящих школьников в мир плохо ими понимаемых ценностей при полном отсутствии своего личностного отношения в ситуациях оценки предлагаемых выборов разных форм поведения. В результате у молодых людей формируется привычка такого рода отношения к окружающей их реальности. В противовес этой стихийно формирующейся логике их личностного и социального развития предлагается целенаправленная, устойчивая психологическая работа, формирующая их собственный индивидуальный запрос на свое место в обществе, основанный на их личностном и социальном потенциале. Выполненная работа позволяет определить глубину и особенности проблемы личностного развития обучающихся и выработать направления и содержание диагностической и развивающей работы.

Теоретические основы ценностно-смысловой направленности личности

Современная высококонкурентная социальная практика, предъявляющая предельные требования к интеллектуальным и личностным качествам подрастающего поколения в первую очередь ориентируется на конкретные ценности и убеждения человека, предопределяющие его самодетерминацию. Среди психологических исследований, посвященных проблемам самореализации личности, особое место занимают работы Б. Г. Ананьева, К. А. Абульхановой, А. Г. Асмолова, Д. А. Леонтьева и др. [1; 3; 4–6; 8]. До настоящего времени одной из ключевых проблем этих исследований остается фрагментарность в изучении особенностей самореализации и самодетерминации обучающихся. Актуальность данной проблемы определяется взаимосвязью самореализации с личностным, социальным и профессиональным развитием субъекта [2; 9]. Ценностно-смысловая направленность личности может рассматриваться как центральное звено, объясняющее особенности развития обучающихся в разные возрастные периоды в личностном и социальном планах. Психологическое содержание данной работы связано с понятием личностного потенциала.

В качестве параметров измерения и оценки личностного потенциала в концепции Д. А. Леонтьева выступают такие характеристики, как субъективная толерантность, оптимизм, личностная автономия, копинг-стратегии, контроль за действием, жизнестойкость, рефлексивность, самоэффективность. Личностный потенциал в соответствии с функциями саморегуляции включает в себя три компонента:

- потенциал самоопределения — отражает личностные ресурсы целеобразования и целеполагания, способность адекватно оценивать собственные возможности и возможности, предоставляемые обстоятельствами в определенной ситуации;
- потенциал самореализации — демонстрирует ресурсы личности, обеспечивающие переход к деятельности и успешное достижение цели. При этом значительная роль отводится оптимизму как личностной диспозиции;
- потенциал сохранения — выражается в способности преодолеть неблагоприятные

условия и воздействия, не утратив цельности личности.

Актуализация данных характеристик, по мнению автора, позволяет наиболее полно раскрыть содержание личностного потенциала [8].

В зарубежной литературе используется понятие «психологический капитал», который рассматривается как необходимое условие достижения социального равновесия взрослого человека, выражающегося в его благосостоянии, социальной и профессиональной устойчивости, профессиональном самоопределении [11; 14; 15]. В работах Дж. А. Боннано рассматриваются вопросы содержания и психологического наполнения конструкта устойчивости взрослого человека [12]. Необходимым аспектом развития является формирование позитивного мышления на основе таких детерминант, как аффективные и социальные саморегуляторные убеждения [13].

К. Ф. Лэм, С. Т. Гурланд в своей работе обсуждают проблему самодетерминации как необходимого условия психологического развития человека. В свою очередь, по их мнению, самодетерминированная мотивация профессиональной деятельности человека выступает надежным индикатором эффективности этой деятельности [17].

Исследование ценностно-смысловой направленности личности занимает большое место в работах зарубежных исследователей [16; 19]. Мотивационные профили изучаются с точки зрения самоопределения [20]. Такой фактор, как толерантность к неопределенности, рассматривается в качестве модифицированной социально-когнитивной модели лидерства в условиях неопределенности [18].

Методики исследования

Анализ диагностических возможностей различных методик исследования индивидуально-психологических особенностей человека в контексте решения представленной выше проблемы определил выбор наиболее оптимальных по показателям валидности методик диагностики, вошедших в состав батареи диагностических методик для исследования

личностного и социального развития обучающегося по направлениям выявления характерологических особенностей, специфики эмоционально-волевой сферы, мотивационно-ценностной сферы и общей направленности личности.

Диагностические методики и связанные с ними показатели оценки группируются по основным направлениям, отражающим разные аспекты личностного потенциала.

Разработанная в электронном формате диагностическая батарея тестов включает в себя:

- методику выявления социального типа личности (Д. Кейрси);
- методику выявления индивидуального уровня развития волевой регуляции, способности сознательно управлять собственными действиями, состояниями и побуждениями (А. Г. Зверков, Е. В. Эйдман);
- методику выявления эмоциональной направленности личности (Б. И. Додонов, модификация Б. М. Абушкина);
- методику выявления основных ценностей, определяющих социальное поведение человека (Е. С. Романова, Б. М. Абушкин);
- методику выявления ведущих личностных смыслов будущей профессиональной деятельности обучающихся (Е. С. Романова, Б. М. Абушкин);
- методику выявления сферы профессиональной деятельности обучающихся (Е. С. Романова, Б. М. Абушкин).

Разнообразие диагностических подходов, содержащихся в выбранных методиках, повышает достоверность диагностической работы. Технология перекрестной валидации стала основным методическим подходом при подборе методик: именно он способен обеспечить объективность получаемой информации об особенностях сформированности личностного потенциала.

Главный диагностический результат при такой организации оценочной деятельности и в ходе опроса, и в последующем количественном и качественном анализе — это информация, во-первых, о реальном личностном профиле обучающегося, который в конечном итоге продемонстрировал испытуемый, и, во-вторых, информация о том, в какой мере

эти личностные качества действительно осознаны обучаемым и могут быть охарактеризованы, с одной стороны, как личностный потенциал и, с другой — как социальный потенциал. Благодаря технологии перекрестной валидации выявляются несоответствия и противоречия в ответах испытуемых по отдельным методикам предлагаемой диагностической батареи. Поскольку в каждой методике испытуемые по-разному адресуются к своему личностному и социальному опыту, то в силу неполной осознанности своих личностных качеств они чаще всего склонны давать социально желательные ответы, не отражающие их реального (еще не раскрытого) потенциала.

У обучаемых с устойчивым, осознанным пониманием своих возможностей и интересов в настоящем и будущем картина расхождения в результатах ответов по разным методикам будет минимальна, что является основанием для вывода об их высоком личностном потенциале. Чем больше расхождений, тем очевиднее факт, что обучающийся имеет большие резервы в своем личностном саморазвитии в направлении, которое востребовано обществом в настоящее время.

Особенностью данной диагностической работы является то, что акцент делается на звеньях личностного профиля обучающегося, которые в наименьшей степени осознаются и неустойчиво выделяются тестируемым. При таком размытом осознании своих индивидуально-психологических качеств обучающиеся в повседневных ситуациях выбора (самодетерминации) будут руководствоваться случайными ситуативными факторами.

Методика выявления социального типа личности (Д. Кейрси). Показатели выявления социального типа личности (Д. Кейрси), направленные на исследование структуры личностных качеств человека, необходимых для формирования социально значимого поведения, в наиболее полной мере отражены в диагностическом направлении, основанном на личностной теории К. Юнга и его последователей. Теоретически обоснованы четыре биполярные шкалы. К этим шкалам относятся:

- особенности темперамента и связанных с ним социальных форм поведения:

экстраверты – интроверты (E – I, от *англ.* Extraversion – Introversion);

- содержательные особенности формирования человеком проблемного поля при решении задач разного уровня в социальном и профессиональном плане с учетом принятых социальных норм (на полюсе N) или без их учета (на другом полюсе S): сенсорики – интуитивы (S – N, от *англ.* Sensation – Intuition);

- особенности личностной активности, ориентированной на социальную значимость реализуемых нами поступков. Поведение, имеющее высокий социальный смысл в части соблюдения социальных норм и правил поведения (на полюсе T), и поведение, имеющее в значительной мере ситуативную направленность, допускающее многообразие возможных решений с игнорированием социальных установок общества (на другом полюсе F): думающие – чувствующие (T – F, от *англ.* Thinking – Feeling);

- особенности личностной и социальной позиции человека. Планирование деятельности на основе высокой социальной ответственности, основанное на стабильности личностного и социального потенциала (на полюсе J), и вариативность, импульсивность в организации деятельности (на другом полюсе P): рассудительные – импульсивные (J – P, от *англ.* Judging – Perceiving).

Накопленный статистический материал на популяционных выборках разных стран позволяет различать людей по их устойчивым личностным и социальным предпочтениям, рассматриваемым как индивидуальные особенности устойчивого личностного и социального потенциала в профессионально-социальном плане (см. табл. 1).

Методика волевого самоконтроля включает в себя три показателя: волевой самоконтроль, настойчивость, самообладание. Оценка осуществляется по отношению к средне-статистической норме на основе стенов.

Методика выявления эмоциональной направленности личности позволяет на основе эмоциональных переживаний подростков в ходе их постоянного социального взаимодействия с окружением установить ценностные ориентиры их личностного развития:

- стремление к общению, открытость, оптимизм, эмпатия;

**Перечень диагностических показателей и соответствующих им критериев оценки
по методике выявления социального типа личности**

№	Диагностируемые показатели	Критерии оценки
1	Глубина дифференциации по шкале «Сенсорик – интуитив» (S – N)	Коэффициент четкости выбора ($K_{\text{ч}}$): $[(\text{балл для S}) - (\text{балл для N})] / \text{общее число вопросов}$. Осознанный выбор: $K_{\text{ч}} = 1,0 - 0,7$. Недостаточно осознаваемый выбор: $K_{\text{ч}} = 0,6 - 0,4$. Личностный выбор не осуществлен: $K_{\text{ч}} = 0,3 - 0,0$
2	Глубина дифференциации по шкале «Думающий – чувствующий» (Т – F)	Коэффициент четкости выбора ($K_{\text{ч}}$): $[(\text{балл для T}) - (\text{балл для F})] / \text{общее число вопросов}$. Осознанный выбор: $K_{\text{ч}} = 1,0 - 0,7$. Недостаточно осознаваемый выбор: $K_{\text{ч}} = 0,6 - 0,4$. Личностный выбор не осуществлен: $K_{\text{ч}} = 0,3 - 0,0$
3	Глубина дифференциации по шкале «Рассудительный – импульсивный» (J – P)	Коэффициент четкости выбора ($K_{\text{ч}}$): $[(\text{балл для J}) - (\text{балл для P})] / \text{общее число вопросов}$. Осознанный выбор: $K_{\text{ч}} = 1,0 - 0,7$. Недостаточно осознаваемый выбор: $K_{\text{ч}} = 0,6 - 0,4$. Личностный выбор не осуществлен: $K_{\text{ч}} = 0,3 - 0,0$
4	Глубина дифференциации по выбранному личностному типу	Суммарный коэффициент четкости выбора ($K_{\text{Сч}}$), рассчитываемый как среднее значение по трем коэффициентам четкости по личностным компонентам. Осознанный выбор: $K_{\text{Сч}} = 1,0 - 0,7$. Недостаточно осознаваемый выбор: $K_{\text{Сч}} = 0,6 - 0,4$. Личностный выбор не осуществлен: $K_{\text{Сч}} = 0,3 - 0,0$
5	Тип социального темперамента	Один из четырех социальных темпераментов: SP — сенсорно-импульсивный; SJ — сенсорно-рассудительный; NF — интуитивно-чувствующий; NT — интуитивно-думающий

- увлеченность учебой, радость постижения нового, удовлетворенность результатами;
- стремление к лидерству и превосходству;
- решительность, азарт, физический комфорт;
- стремление к успеху и одобрению от взрослых людей;
- стремление понять сущность явления.

Фиксируются три уровня выраженности личностного качества — высокий, типичный и низкий.

Методика выявления основных ценностей, определяющих социальное поведение человека. Обучающийся должен распределить ценности от наиболее значимой к менее значимой (от первого до десятого места). Обучающемуся на экране монитора предъявляется в случайном порядке одна из ценностей. Задача испытуемого осмыслить содержание и значение для себя данной ценности в повседневной практике. После того как испытуемый нажмет на номер выбранного места, высвечивается следующая ценность. Особенность методики заключается в том, что испытуемый не видит названия всех ценностей одновременно. При появлении очередной ценности у него может возникнуть желание оценить ее как более значимую по сравнению с прошедшими, а подходящее для нее место уже занято. Испытуемый ставит ее на более низкое место, чем хотел. Эмоциональное переживание усиливает его осознание этой ценности как наиболее желательной.

Испытуемый заранее знает, что ранжирование ценностей он будет выполнять дважды. При повторном ранжировании он сознательно будет резервировать высокое место для этой ценности. Таким образом, при повторном выполнении данной методики выбор испытуемого будет в целом удовлетворять целям нашей диагностики. Дальнейший анализ осуществляется по результатам второго распределения. Испытуемым предлагаются следующие ценности:

- отстаивание своего мнения (ориентация на отстаивание своего мнения);
- внутренний социальный контроль (приверженность к соблюдению всех социальных норм);
- твердая воля (стремление не отступать перед трудностями);

– интеллектуальная активность (ориентация на полное использование своих способностей);

- стремление к лидерству (ориентация на лидирующие позиции в своем окружении);
- стремление к уникальности (ориентация на развитие своего таланта);
- пунктуальность (пунктуальность, стремление к порядку в делах и в жизни);
- стремление к новизне (ориентация на расширение социальных контактов и новых ситуаций);

– ответственность (ориентация в делах на чувство долга, умение держать слово);

– коллективизм (ориентация на взаимодействие и постоянную взаимопомощь в группе).

Методика выявления ведущих личностных смыслов своей профессиональной деятельности. Аналогично предыдущей методике обучающийся должен распределить личностные смыслы от наиболее значимого к менее значимому (от первого до седьмого места). Испытуемым предлагается перечень личностных смыслов в профессиональной сфере:

– деятельность, основанная на координации и принятии оперативных управленческих решений;

– творческие виды деятельности, где в первую очередь востребован талант;

– интеллектуальная деятельность исследовательской направленности;

– деятельность, направленная на достижение высоких личных целей (в карьере и благосостоянии);

– ориентация на исполнительскую деятельность (в сфере производства, строительства, торговли, транспортного обслуживания и др.);

– деятельность, связанная с профессиональным риском и экстремальными условиями;

– деятельность, связанная с разработками в технических областях.

Методика выявления сферы профессиональной деятельности обучающихся. Аналогично предыдущей методике обучающийся должен распределить сферы профессиональной деятельности от наиболее значимой к менее значимой (от первого до восьмого места). Испытуемым предлагаются следующие сферы профессиональной деятельности. Это стремление к профессии в сфере:

- познания человека;
- развития общества и общественных отношений;
- познания физических законов мира;
- проблем окружающей среды;
- биомедицины;
- разработки промышленных технологий;
- экономики и менеджмента;
- цифровых и телекоммуникационных технологий.

Результаты исследования и их обсуждение

Особенности личностного самоопределения обучающихся по методике диагностики социального типа личности основывались на анализе следующих трех шкал: «сенсорик – интуитив» (S – N); «думающий – чувствующий» (T – F); «рассудительный – импульсивный» (J – P). Опросник представляет собой набор определенного количества вопросов с альтернативным выбором, адресующим к одному или другому полюсу по каждой шкале.

Результаты по всей выборке испытуемых (450 чел.) показали отчетливые предпочтения обучающимися ситуативных, иррациональных форм поведения, в которых не в первую очередь просматриваются социальные границы и правила (см. рис. 1).

личных интересов, выходящих на уровень личностного потенциала.

Вместе с тем по шкале «рассудительный – импульсивный» (J – P) доля обучающихся, реализующих свои устойчивые интересы на основе фундаментальных социальных норм и реализуемых социальных практик составляет почти 63 % от выборки.

Полученные результаты отражают общую картину неполного осознанного использования обучающимися своих индивидуальных возможностей.

Второй особенностью используемого диагностического ресурса в методике выявления социального типа личности является оценка четкости в предпочтении одного или другого полюса по используемым шкалам. Устойчивая личностная позиция обучающегося, которую можно рассматривать как компонент его личностного потенциала, определит направленность его выбора в отношении одного из полюсов шкалы, обеспечив тем самым большее количество баллов на одном из полюсов. Определенность выбора фиксируется коэффициентом четкости, рассчитываемым как относительный показатель, представляющий собой разность баллов, на каждом из полюсов отнесенную к общему количеству баллов.

Если количество выбранных позиций, адресованных к каждому полюсу одинаково,

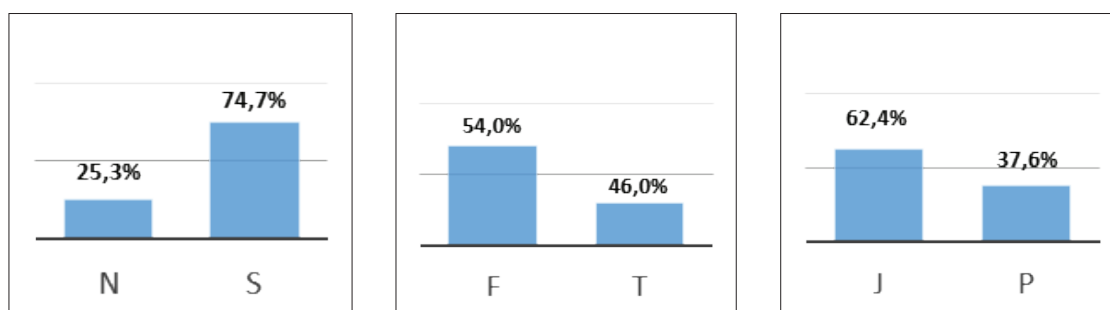

Рис. 1. Распределение обучающихся по диагностируемым шкалам:

N — интуитив, S — сенсорик, T — думающий, F — чувствующий, J — рассудительный, P — импульсивный

Такой выбор можно рассматривать как фактор, характеризующий потенциальные личностные качества, проявляющиеся в свободных формах регулирования своих отношений с социумом и еще не прошедших «кристаллизацию» до отчетливых, осознаваемых

то показатель будет равен нулю. В таком случае можно констатировать: испытуемый хаотично или с позиций социальной желательности осуществлял выбор, не имея возможности задействовать свой личностный потенциал ввиду его несформированности.

Если все баллы окажутся на одном полюсе, то показатель будет равен единице. Данная ситуация свидетельствует о том, что испытуемый четко представляет свои личностные интересы, а его личностный потенциал сформирован.

На рисунках 2, 3 и 4 показаны реальные результаты по четкости определения своих личностных характеристик для обучающихся отдельно 15 и 16 лет (как наиболее многочисленных выборов).

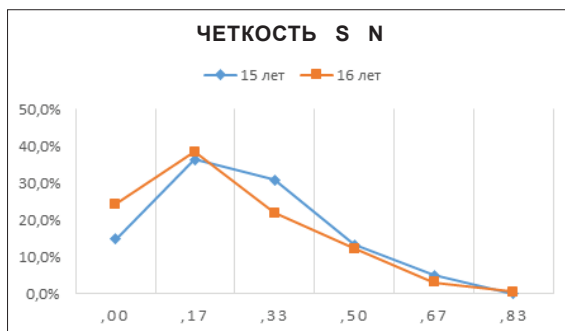

Рис. 2. Коэффициент различия в выборе по полюсам «интуитивы – сенсорики» (N – S)

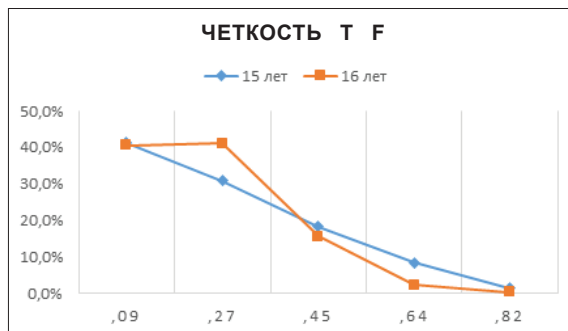

Рис. 3. Коэффициент различия в выборе по полюсам «думающие – чувствующие» (Т – F)

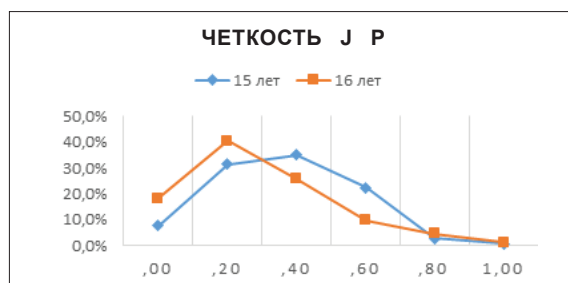

Рис. 4. Коэффициент различия в выборе по полюсам «рассудительные – импульсивные» (J – P)

Уровень, когда коэффициент превышает 0,5, может рассматриваться достаточным для оценки сформированности личного потенциала. Как показывают полученные результаты, этот уровень достигается в среднем примерно у 30 % обследованных обучающихся (от 15 до 40 %). Принципиальных и характерных различий в сравниваемых возрастных группах не выявлено.

Выделение четырех типов социального темперамента (в рамках теоретических представлений Д. Кейрси) основывается на представлении о равенстве их психической полноценности, жизненной стойкости, успешности в борьбе за существование.

На рисунке 5 представлены результаты соответствия обучающихся конкретным социальным типам.

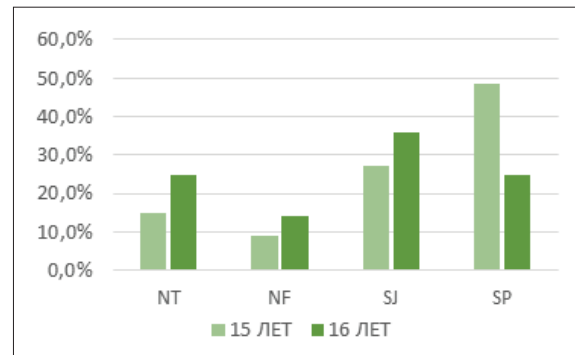

Рис. 5. Распределение социальных типов для обучающихся 9-х и 10-х классов:

NT — интуитивно-думающий, NF — интуитивно-чувствующий, SJ — сенсорно-рассудительный, SP — сенсорно-импульсивный

Достоверность выбора данных социальных типов определяется показателем его четкости. Отдавая предпочтение привычным для себя формам поведения в конкретных ситуациях, обучающиеся, возможно, впервые получают проекцию своего поведения на обуславливающие его личностные предпочтения и привычки. Последующая работа обучающегося с уточнением своего личностного типа, осознания его особенностей и вытекающих из него ценностных интересов рассматривается как необходимая часть консультационно-развивающей работы по формированию личностного потенциала обучающегося.

Результаты выбора обучающихся по методике выявления основных социальных ценностей представлены в таблице 2. Распределение основных социальных ценностей осуществлялось по количеству человек (в % от выборки), поставивших эти ценности на первые два места по их значимости в решении обучающимися своих личных актуальных задач.

Результаты выбора обучающихся по методике выявления личностных смыслов в будущей профессиональной деятельности представлены в таблице 3. Распределение личностных смыслов осуществлялось по количеству человек

(в % от выборки), поставивших эти ценности на первые два места по их личной значимости в будущей профессиональной деятельности.

Результаты выбора обучающихся по методике выявления сферы своих профессиональных интересов представлены в таблице 4. Распределение профессиональных областей осуществлялось по количеству человек (в % от выборки), поставивших эти области на первые два места по их личной значимости.

Полученные данные в целом свидетельствуют о наличии у обучающихся значительных расхождений в самооценке своих личностных

Таблица 2

Процент учащихся, выбирающих конкретные ценности в качестве значимых для себя

Коллективизм (ориентация на взаимодействие и постоянную взаимопомощь в группе)	38,3
Ответственность (ориентация в делах на чувство долга, умение держать слово)	28,4
Стремление к новизне (ориентация на расширение социальных контактов и новых ситуаций)	23,0
Твердая воля (стремление не отступать перед трудностями)	19,7
Отстаивание своего мнения (ориентация на отстаивание своего мнения)	18,6
Стремление к лидерству (ориентация на лидирующие позиции в своем окружении)	16,4
Стремление к уникальности (ориентация на развитие своего таланта)	15,8
Пунктуальность (пунктуальность, стремление к порядку в делах и в жизни)	14,2
Внутренний социальный контроль (приверженность к соблюдению всех социальных норм)	13,6
Интеллектуальная активность (ориентация на полное использование своих способностей)	12,0

Таблица 3

Процент учащихся, выбирающих конкретные личностные смыслы в качестве значимых для себя

Стремление к творческим видам деятельности, где в первую очередь востребован талант	37,2
Стремление к деятельности, направленной на достижение высоких личных целей (в карьере и благосостоянии)	33,3
Стремление к деятельности, связанной с разработками в технических областях	29,5
Стремление к деятельности, основанной на координации и принятии оперативных управленческих решений	29,0
Стремление к интеллектуальной деятельности исследовательской направленности	26,8
Стремление к деятельности, связанной с профессиональным риском и экстремальными условиями	24,6
Ориентация на исполнительскую деятельность (в сфере производства, строительства, торговли, транспортного обслуживания и др.)	19,6

Таблица 4

Процент учащихся, выбирающих конкретные профессиональные сферы в качестве значимых для себя

Стремление к профессии в сфере познания человека	37,2
Стремление к профессии в сфере экономики и менеджмента	35,5
Стремление к профессии в сфере развития общества и общественных отношений	33,3
Стремление к профессии в сфере цифровых и телекоммуникационных технологий	31,7
Стремление к профессии в сфере биомедицины	18,0
Стремление к профессии в сфере разработки промышленных технологий	16,9
Стремление к профессии в сфере познания физических законов мира	13,7
Стремление к профессии в сфере проблем окружающей среды	13,7

качеств (четыре социальных темперамента) и связанных с этими личностными предпочтениями ценностей и личностных смыслов, представляющих интерес для обучающихся. Сопоставительный анализ индивидуальных результатов по конкретному человеку, основанный на поиске близости и взаимосвязи результатов по каждой методике позволяет описать и оценить те особенности личностного и социального развития обучающегося, которые необходимо специально формировать, чтобы достичь их соответствия наиболее актуальным требованиям к личностному потенциалу современного человека.

Заключение

Рассмотренный в статье диагностический подход и результаты исследования показывают, что использование целевых опросников в работе с обучающимися позволяет включить

обучающихся в творческий процесс саморефлексии в заданном поле психологических характеристик. Основу самооценки обучающимися своих личностных качеств составляет практика сравнительного оценивания результатов разных методик, диагностирующих целевые аспекты личностного развития обучающихся. Полученные в исследовании данные позволили увидеть суть проблемы саморазвития обучающихся, основанной на широком интересе подростков ко всем возможным запросам социальной и профессиональной практики. Личностный потенциал подростков, необходимый для успешной ориентации во всем этом многообразии возможностей отступает на второй план перед яркостью и привлекательностью будущих перспектив. Выявляемые в ходе диагностики и обсуждаемые с обучающимися противоречия в желаниях и возможностях приобретают необходимую конкретность для решения поставленной задачи развития личностного потенциала обучающихся.

Литература

1. **Абульханова К. А.** Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. № 4. С. 3–21.
2. **Акопов Г. В.** Сознание человека в глобализирующемся мире // V съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество»: материалы участников съезда: в 3 т. М.: Российское психологическое общество, 2012. Т. 1. С. 64.
3. **Ананьев Б. Г.** Строение характера // Психология индивидуальных различий / ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ; Астрель, 2008. С. 294–300.
4. **Асмолов А. Г.** Кризисы психологии в сетевом столетии (выступление на V съезде РПО) // Российский психологический журнал. 2012. № 1. С. 7–11.
5. **Бодапев А. А., Васина Н. В.** Акмеология. Настоящий человек. Каков он и как им становятся? СПб.: Речь, 2010. 224 с.
6. **Иванников В. А.** Анализ потребностно-мотивационной сферы с позиции теории деятельности // Мир психологии. 2003. № 2. С. 139–145.
7. **Крегер О., Тьюсон Дж.** Почему мы такие? 16 типов личности, определяющих, как мы живем, работаем и любим. М.: Альпина Паблишер, 2013. 356 с.
8. **Леонтьев Д. А.** Промежуточные итоги: от идеи к концепции, от переменных к системной модели, от вопросов к новым вопросам // Личностный потенциал: структура и диагностика / [А. Ж. Аверина и др.]; под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 669–675.
9. **Романова Е. С.** Организация профориентационной работы в школе: методическое пособие. М.: Академия, 2013. 304 с.
10. **Щукина М. А.** Субъектный подход к саморазвитию личности: возможности теоретического понимания и эмпирического изучения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 2. С. 7–22.
11. **Avey J. B., Luthans F., Smith R. M., Palmer N. F.** Impact of positive psychological capital on employee well-being over time // Journal of Occupational Health Psychology. 2010. Vol. 15. № 1. P. 17–28.
12. **Bonnano G. A.** Clarifying and extending the construct of adult resilience // American Psychologist. 2005. Vol. 60 (3). P. 265–267.

13. **Caprara G. V., Steca P.** Affective and social self-regulatory efficacy beliefs as determinants of positive thinking and happiness // *European Psychologist*. 2005. Vol. 10 (4). P. 275–286.
14. **Cole K., Daly A., Mak A.** Good for the soul: The relationship between work, wellbeing and psychological capital // *The Journal of Socio-Economics*. 2009. Vol. 28. P. 464–474.
15. **Culbertson S., Fullagar C. J., Mills M. J.** Feeling good and doing great: The relationship between psychological capital and well-being // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2010. Vol. 15. № 4. P. 421–433.
16. **Gagné M., Deci E. L.** Self-determination theory and work motivation // *Journal of Organizational Behavior*. 2005. Vol. 26. P. 331–362.
17. **Lam C. F., Gurland S. T.** Self-determined work motivation predicts job outcomes, but what predicts self-determined work-motivation? // *Journal of Research in Personality*. 2008. Vol. 42. P. 1109–1115.
18. **Lane M. S., Klenke K.** The ambiguity tolerance interface: a modified social cognitive model for leading under uncertainty // *Journal of Leadership & Organizational Studies*. 2004. Winter. Vol. 10. № 3. P. 69.
19. **Niemiec C. P., Ryan R. M., Deci E. L.** Self-determination theory and the relation of autonomy to self-regulatory processes and personality development // Hoyle R. H. (ed.). *Handbook of Personality and Self-Regulation*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2010. P. 169–190.
20. **Vansteenkiste M., Sierens E., Soenens B., Luyckx K., Lens W.** Motivational profiles from a self-determination perspective: the quality of motivation matters // *Journal of Educational Psychology*. 2009. Vol. 101. P. 671–688.

References

1. **Abulkhanova K. A.** The principle of subject in Russian psychology // *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2005. № 4. P. 3–21.
2. **Акопов G. V.** Human consciousness in a globalizing world // V Congress of the all-Russian public organization «Russian psychological society». The Proceedings of the Congress participants: in 3 Vol. Moscow: Russian Psychological Society, 2012. Vol. I. P. 64.
3. **Ananyev B. G.** Character structure // *The Psychology of Individual Differences* / ed. by Yu. B. Gippenreyter, V. Ya. Romanov. 3-d revised and updated edition. Moscow: AST; Astrel, 2008. P. 294–300.
4. **Asmolov A. G.** Crises of psychology in the network century (the report at the Vth Congress of the Russian Psychological Society) // *Russian psychological journal*. 2012. № 1. P. 7–11.
5. **Bodalev A. A., Vasina N. V.** Acmeology. Real human. Who is he and how to become a human? Saint-Petersberg: Retch, 2010. 224 p.
6. **Ivannikov V. A.** Analysis of the motivational sphere in terms of activity theory // *World of psychology*. 2003. № 2. P. 139–145.
7. **Kroeger O., Thuesen J.** Why are we like this? The 16 Personality Types that determine how we live, love, and work. Moscow: Alpina Publisher, 2013. 356 p.
8. **Leontyev D. A.** Preliminary outcomes: from idea to conception, from variables to systemic models, from questions to new questions // *Personal potential: structure and assessment* / [A. Zh. Averina et al.]; ed. by D. A. Leontyev. Moscow: Smisl, 2011. P. 669–675.
9. **Romanova E. S.** Organization of career guidance work in school: methodical manual. Moscow: Akademiya, 2013. 304 p.
10. **Shchukina M. A.** Subjectivity approach to self-development of the personality: theoretical understanding and empirical study // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. № 2. P. 7–22.
11. **Avey J. B., Luthans F., Smith R. M., Palmer N. F.** Impact of positive psychological capital on employee well-being over time // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2010. Vol. 15. № 1. P. 17–28.
12. **Bonnano G. A.** Clarifying and extending the construct of adult resilience // *American Psychologist*. 2005. Vol. 60 (3). P. 265–267.
13. **Caprara G. V., Steca P.** Affective and social self-regulatory efficacy beliefs as determinants of positive thinking and happiness // *European Psychologist*. 2005. Vol. 10 (4). P. 275–286.
14. **Cole K., Daly A., Mak A.** Good for the soul: The relationship between work, wellbeing and psychological capital // *The Journal of Socio-Economics*. 2009. Vol. 28. P. 464–474.
15. **Culbertson S., Fullagar C. J., Mills M. J.** Feeling good and doing great: The relationship between psychological capital and well-being // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2010. Vol. 15. № 4. P. 421–433.

16. **Gagné M., Deci E. L.** Self-determination theory and work motivation // *Journal of Organizational Behavior*. 2005. Vol. 26. P. 331–362.
17. **Lam C. F., Gurland S. T.** Self-determined work motivation predicts job outcomes, but what predicts self-determined work-motivation? // *Journal of Research in Personality*. 2008. Vol. 42. P. 1109–1115.
18. **Lane M. S., Klenke K.** The ambiguity tolerance interface: a modified social cognitive model for leading under uncertainty // *Journal of Leadership & Organizational Studies*. 2004. Winter. Vol. 10. № 3. P. 69.
19. **Niemiec C. P., Ryan R. M., Deci E. L.** Self-determination theory and the relation of autonomy to self-regulatory processes and personality development // Hoyle R. H. (ed.). *Handbook of Personality and Self-Regulation*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2010. P. 169–190.
20. **Vansteenkiste M., Sierens E., Soenens B., Luyckx K., Lens W.** Motivational profiles from a self-determination perspective: the quality of motivation matters // *Journal of Educational Psychology*. 2009. Vol. 101. P. 671–688.

ПРОКРАСТИНАЦИЯ: ФЕНОМЕН И НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

**И. Н. Кормачёва,
Н. М. Клепикова,**
НГПУ, Новосибирск,
*irina@kormacheva.ru,
nataliaklepikova@yandex.ru*

В статье представлено исследование проблем прокрастинации и предложено ее определение как феномена на основе различных методологических подходов. При анализе характера включенности прокрастинации в реальность психического мира затронуты следующие аспекты: граница между прокрастинацией и схожими поведенческими проявлениями (леность, осознанная стратегия); взаимосвязь прокрастинации с самооценкой, неэффективными копинг-стратегиями, перфекционизмом и другими личностными особенностями и отсутствие связи с национальностью, гендером, уровнем образования и интеллекта. При исследовании прокрастинации как системы рассмотрены психофизиологический, психодинамический, поведенческий, когнитивный, субъектный, мотивационный подходы, теории лени и комплексные теории. Доказано, что прокрастинация является системой; описаны психофизиологические источники прокрастинации; назван признак, отличающий прокрастинацию от лени; описан иррациональный и частично бессознательный характер прокрастинации. В выводах представлено определение феномена прокрастинации. Отмечено, что прокрастинация отражается на действенно-практической сфере личности, тесно связана с когнитивно-познавательной сферой, а ее источники следует искать в психофизиологии, эмоционально-волевой и потребностно-мотивационной сферах личности. Обозначено наличие двух планов прокрастинации: внешнего (поведенческого) и внутреннего (компоненты прокрастинации). Названы четыре компонента прокрастинации: когнитивный, эмоциональный, волевой и мотивационный. Подчеркнуто, что только совокупность всех четырех компонентов системы и типичных поведенческих проявлений содержательно наполняют данный феномен, а также отличают прокрастинацию от других схожих феноменов.

Ключевые слова: прокрастинация; феномен; система; компоненты прокрастинации; реальность психического мира человека.

Для цитаты: Кормачёва И. Н., Клепикова Н. М. Прокрастинация: феномен и научная проблема // Системная психология и социология. 2019. № 4 (32). С. 18–29. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.02.

Кормачёва Ирина Николаевна, аспирант кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, руководитель психологического центра «Ирис», Новосибирск.

E-mail: irina@kormacheva.ru

Клепикова Наталья Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.

E-mail: nataliaklepikova@yandex.ru

PROCRASTINATION: PHENOMENON AND SCIENTIFIC PROBLEM

I. N. Kormacheva,
N. M. Klepikova,
NSPU, Novosibirsk,
irina@kormacheva.ru,
nataliaklepikova@yandex.ru

The article is devoted to the study of the problem of procrastination and proposes its definition as a phenomenon in terms of various methodological approaches. Analyzing the nature of the inclusion of procrastination into the reality of the mental world, the following aspects are shown: the boundary between procrastination and similar behavioral manifestations (laziness, conscious strategy); the relationship of procrastination with self-esteem, ineffective coping strategies, perfectionism and other personal characteristics as well as the lack of connection with nationality, gender, level of education and intelligence. In the study of procrastination as a system, psychophysiological, psychodynamic, behavioral, cognitive, subjective, motivational approaches, theories of laziness and complex theories are considered. Procrastination is proved as a systemic structure. The psychophysiological sources of procrastination are described as well; the sign distinguishing procrastination from laziness is named; irrational and partially unconscious character of procrastination is described. The conclusions present a definition of the phenomenon of procrastination. It is noted that procrastination is reflected in practical sphere of personality and is closely related to cognitive sphere and its sources are in psychophysiology, emotional-volitional and need-motivational spheres of personality. The presence of two plans of procrastination is indicated: external (behavioral) and internal (components of procrastination). Four components of procrastination are named: cognitive, emotional, volitional and motivational. It is emphasized that only these four components of the system and typical behavioral manifestations significantly describe this phenomenon, as well as distinguish procrastination from other similar phenomena.

Keywords: procrastination; phenomenon; system; components of procrastination; mental reality.

For citation: Kormacheva I. N., Klepikova N. M. Procrastination: Phenomenon and Scientific Problem // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 4 (32). P. 18–29. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.02.

Kormacheva Irina Nikolaevna, post-graduate student at the Department of General Psychology and History of Psychology at the Novosibirsk State Pedagogical University, Head of the Psychological Center «Iris», Novosibirsk, Russia.

E-mail: *irina@kormacheva.ru*

Klepikova Natal'ya Mikhaylovna, PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of General Psychology and History of Psychology at the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: *nataliaklepikova@yandex.ru*

Введение

Изменения настоящего времени во всех сферах жизни современного человека привели к распространению проблем, которые ранее не обсуждались в отечественной психологии. Одной из таких проблем является прокрастинация (от *лат.* *procrastinare* — передвинуть вперед, на завтра), ставшая значимой при оценке личности человека в современном обществе. По разным исследовательским данным, прокрастинации подвержены

15–25 % взрослого населения и 80–95 % учащейся молодежи [7; 9; 14; 17; 31; 37]. Прокрастинация, значительно снижающая эффективность работы как отдельного человека, так и группы лиц в целом, а также оказывающая негативное влияние на учебный, производственный и иные процессы, сегодня активно обсуждается в психологической науке и практике в России и за рубежом. Однако до сих пор не решен ряд проблем, связанных с разработкой данного понятия: продолжают множественные дискуссии вокруг

содержательного наполнения понятия «прокрастинация», определения ее структурных элементов, источников, видов, а также причисления к какому-либо уровню методологии. В связи с этим можно отметить ряд вопросов в самой проблематике, касающейся изучения прокрастинации.

1. *Разработка проблемы на современном этапе.* Понятие «прокрастинация» следует рассматривать как систему, имеющую ряд составляющих и «обладающую в своей совокупности особой функцией» по отношению к другому объекту [22: с. 77], что может стать значимым при изучении всей проблематики по этой теме в рамках системного подхода [20; 22; 23].

2. *Структура прокрастинации.* Прокрастинация не является простым элементом некоей системы, она сама может быть представлена различными единицами анализа. Наблюдаемый (поведенческий) компонент прокрастинации представляет собой откладывание выполнения важных дел на последний момент, поэтому от иных проявлений, имеющих схожую видимую форму (леность или осознанная стратегия поведения), ее позволяют отличить лишь внутреннее строение и отражающие ее признаки.

3. *Проблема дефиниции понятия «прокрастинация».* Отсутствие общепринятого понимания понятия прокрастинации порождает достаточно большое количество несистематизированной информации, в том числе различные подходы, концепции, теоретические находки и эмпирические данные, которые пока не до конца осмыслены современной психологией. Чаще всего прокрастинация рассматривается исходя из методологических предпочтений ученых. Прокрастинация понимается как психическое состояние [15], стратегия и копинг-стратегия [3; 6; 38], социально-психологическая практика [8], феномен [14], несформированность регулятивного потенциала [9], отсутствие желания [15], стремление к острым ощущениям [29], тенденция [17], склонность [24], привычка [2], поведенческий паттерн [17; 31], сознательное действие [4; 6] и т. д.

К определению понятия «прокрастинация»

Термин «прокрастинация» был введен в научный оборот П. Рингенбахом в конце 70-х гг. XX в. Этим ученым была написана монография «Прокрастинация в жизни человека» (1977), ставшая своего рода точкой отсчета формирования научной проблемы. В плане объяснения и описания феномена прокрастинации следующими поколениями ученых использовались понятия «тенденция», «склонность», «влечение», «привычка», «желание». С этого времени и до настоящих дней определение прокрастинации в психологическом плане является достаточно сложной задачей в связи с многочисленными определениями самих понятий, призванных к разрешению вопроса как в зарубежных работах (К. Лэй [31; 32], П. Д. Г. Стил [37; 38], Н. А. Милграм и Р. Тенне [34], Дж. Феррари [36], В. МакКоун [33]), так и в отечественных исследованиях (Е. В. Борусяк [3], А. К. Болотова [1], Я. И. Варваричева [4], М. С. Дворник [8], Л. И. Дементий [9], Н. Н. Карловская [14], Е. П. Ивутина [12], М. А. Киселева [15], В. С. Ковылин [17], И. Н. Кормачёва [16; 18], А. С. Семина [25], Ф. О. Семенова [24]). Не углубляясь в философские аспекты каждого из подобных описаний, в общих чертах можно определить, какое из определений наиболее точно описывает понятие «прокрастинация».

Так, ряд авторов, среди которых В. С. Ковылин, определяют прокрастинацию как тенденцию откладывать выполнение необходимых дел на неопределенный срок [17: с. 22]. Слово «тенденция» означает относительно устойчивое направление развития чего-либо, однако, по данным разных ученых, прокрастинация достаточно устойчива и не подразумевает внутреннего устремления к нарастанию или снижению (как, например, тенденция к росту).

Другие называют прокрастинацию склонностью (влечением, расположением) к откладыванию важных и неприятных мыслей и дел, иначе говоря, имеют в виду некий позитивный окрас внутреннего «импульса» отложить или не выполнять стоящие перед человеком

в данный момент времени задачи [25]. Однако многочисленные эмпирические данные свидетельствуют о том, что прокрастинаторы сами недовольны сложившейся ситуацией, хотели бы ее прекратить, но не могут этого сделать, поэтому термин «склонность» (влечение, расположение) недостаточно отражает психологическую суть прокрастинации (В. П. Зинченко, Б. Г. Мещеряков).

Прокрастинацию называют также привычкой (вредной привычкой), подразумевая сформировавшийся способ поведения, приобретенный впоследствии характер потребности и не вызывающий усилий со стороны человека [2]. Хотя частично прокрастинация соответствует описанию привычки, она не связана с положительными эмоциональными переживаниями, которые обязательно являются составной частью любой привычки.

Кроме того, распространился взгляд на прокрастинацию как на синоним лени [5]. Однако лень, по сути, представляет собой потребность в экономии энергии, а прокрастинация включает в себя значительную активность, только направленную не на выполнение запланированных дел, а на менее значимые.

Если понимать прокрастинацию как механизм, помогающий справиться с тревожностью, связанной с процессом завершения какого-либо дела и/или принятия решения [6; 7], то подобное видение противоречит самому определению понятия «механизм», который, по мысли В. Г. Леонтьева, обеспечивает человеческую деятельность, преобразуя активность в требуемое поведение согласно изменениям в мотивационной сфере [19]. Прокрастинация же, наоборот, выражается в поведении, противоречащем имеющимся у человека мотивам.

Рассмотрение прокрастинации как «желания отложить на потом» важные решения или дела (С. Ярославская) [27] подразумевает особое переживание существующей потребности, сопровождающееся осознанием желаемого, мотива и способов достижения желаемого. Прокрастинация же предполагает отсутствие одного из компонентов: человек либо отрицает само желание отложить дела («На самом деле я хочу выполнить задачу»),

отрицает мотив («Мне незачем откладывать, других важных дел у меня нет»), либо отрицает понимание способов достижения желаемого («Я не знаю, чем займусь, если не буду делать то, что запланировал»).

Понимание прокрастинации как психологического состояния [15] также достаточно спорно в связи с тем, что психологическое состояние напрямую зависит от воздействия внутренних и внешних стимулов, в то время как прокрастинация может проявляться во всех сферах жизнедеятельности независимо от характера поступающих стимулов.

Видение прокрастинации в качестве осознанного поведенческого паттерна [17] или сознательной социально-психологической практики [8] не дает достаточного объяснения негативным переживаниям, возникающим при прокрастинации, так как осознанная стратегия поведения, реализованная несколько раз, должна бы привести человека к спокойному состоянию во время ее очередной реализации, чего не происходит при прокрастинации.

Анализ прокрастинации как копинг-стратегии (И. Янис, Л. Манн), копинговой реакции [3], дезадаптивной стратегии совладания со стрессом [6] также концентрируется на той части дискомфорта, который появляется в связи с переживанием предстоящего дела, но игнорирует дискомфорт, вызываемый самой прокрастинацией.

Наиболее адекватным термином в отношении прокрастинации является понятие «феномен» [9; 14], которое представляет собой обнаруженное во внешнем мире внутреннее содержание, соединяет реальное и идеальное и отвечает принципу их единства, по С. Л. Рубинштейну [21: с. 101–103]. Часто наряду с термином «феномен» в качестве синонимичного используется термин «явление», что не может быть верным, поскольку второе отражает лишь внешние формы предмета, благодаря которым предмет может быть обнаружен. Понятие «явление прокрастинации» будет указывать на лишь внешние проявления, а значимым представляется и внутреннее содержание этого феномена.

Таким образом, рассмотрев представленные выше определения прокрастинации, можно заключить, что понятие «феномен»

позволяет представлять ее в целом, в единении внешнего (проявляемого) и внутреннего планов действия.

Прокрастинация в реальности психического мира человека

Попытки осмысления феномена прокрастинации и его места в реальности психического мира человека привели к его многочисленным эмпирическим исследованиям [2–4; 6; 7–10; 12; 14; 16; 18; 24; 25; 28–30; 31; 33–35]. Само изучение и осмысление прокрастинации ведется в контексте потенциального познания и восприятия человеком себя и окружающей действительности, его побуждений и действий.

Человек проявляет себя и опознается как член человеческого сообщества по своим личностным качествам, отображающим богатство его внутреннего мира. Процесс опознания себя, своего «лика» достаточно сложен, многообразен и здесь действуют свои законы [11: с. 90], поэтому неудивительно, что в проблематике исследований по прокрастинации представлены работы, в которых она связывается с личностными особенностями человека. Это такое ярко выраженное, присущее человеку на разных этапах взросления поведение, которое может быть названо протестным [24]. Это негативная оценка человеком перспектив в будущем и позитивная оценка прошлого опыта, где присутствует восприятие себя прошлого и своей слабой способности планирования личностной перспективы [36]. Это низкие локус контроля и экстраверсия, неадекватная самооценка, склонность к мечтательности, отчужденность, замкнутость, необщительность, эмоциональная неустойчивость, раздражительность и утомляемость, низкая нормативность поведения и низкий самоконтроль личности [13; 18; 31–35].

Реальность внутреннего мира человека проявляется в мотивации, значимых мотивах, побуждающих его к осуществлению действий. Отмечена тесная взаимосвязь феномена прокрастинации с мотивационной сферой личности.

Прокрастинацию в контексте проявлений мотивационной сферы личности связывают

с отсутствием четких правил, недостаточным материальным стимулированием и существованием двойной иерархии власти (официальная и реальная) в обществе, где человек способен выразить себя, проявив собственный потенциал. Появление прокрастинации связывают также с отсутствием условий для реализации актуальных потребностей членов человеческого сообщества. Акцентируют связь прокрастинации с недостаточной уверенностью личности в успешном завершении выполняемой задачи [13; 26]. Иначе говоря, большинство исследователей связывают прокрастинацию с низкой мотивацией, хотя не дают ответа на вопрос о характере данной взаимосвязи. Осуществлена попытка соотнести мотивацию и прокрастинацию в качестве противоположных полюсов одного континуума. Преуспел в этом канадский психолог Пирс Дэвид Гарет Стил со своей «теорией временной мотивации», значительно расширившей понимание прокрастинации, но до настоящего времени не имеющей достаточного эмпирического подтверждения на российской выборке испытуемых. Стил выделяет личность прокрастинатора на фоне выбора максимально выгодного ему вида деятельности, того задания, которое принесет очевидную пользу. Такие личности, по мнению исследователя, импульсивны и тратят время на выполнение того задания, с которым связывают большие ожидания на «получение бонуса» и/или признание со стороны и в выполнении которого они сами заинтересованы. Время, предназначенное для выполнения заданного, но неинтересного действия затягивается даже при условии, что результат принесет «ожидаемый важный бонус» и/или признание в будущем [37; 38]. Личность использует «выделенное» время на достижение удовольствия в «данный момент».

Связывается прокрастинация и со слабо сформированным регулятивным потенциалом человека, его волевой потенцией, что выражается в его неспособности управлять целостностью ситуации [3; 9; 10; 12; 14; 16; 18 и др.]. В ходе исследований были выявлены взаимосвязи прокрастинации с такими копинг-стратегиями, как дистанцирование, принятие ответственности, бегство — избегание,

конфронтация. Названы были также наиболее характерные для личности прокрастинатора защитные механизмы — замещение и регрессия [3; 9; 10; 12; 16; 18; 25]. Человек дистанцируется от ситуации и самого принятия решения, избегает разговоров о важном вопросе, подлежащем рассмотрению, вступает в конфронтацию с окружением при оказании давления и ориентировании на проблему. Его реальность «замещается» другими важными «наполнителями», создающими видимость решения насущного вопроса.

В современной психологической науке интересным остается вопрос о природе отношений прокрастинации и такого явления, как перфекционизм, а именно: что из них первично, какой из этих феноменов включает в себя другой, какой из них является причиной или следствием и т. д. [6; 7; 10; 13; 17; 28 и др.]. Общий вывод в этом вопросе заключается в том, что прокрастинация проявляется во всех случаях «деструктивного» перфекционизма у человека, в то время как «позитивному» перфекционизму она несвойственна [6; 10].

В настоящее время исследователи, изучающие прокрастинацию, соглашались лишь в том, что данный феномен, отражающий реальность внутреннего мира человека, тесно связан с его эмоциональными переживаниями. Поскольку эмоции выражают отношение человека к окружающей действительности (С. Л. Рубинштейн), то не удивительно, что прокрастинацию связывают с тревогой (тревожностью), депрессией, высокими показателями компонентов стресса [14; 28]. При этом тревога (тревожность) может иметь разные источники, в том числе страх неудачи, негативной оценки, боязнь допустить ошибку, проявить некомпетентность, не оправдать ожиданий, выполнить работу недостаточно идеально, страх потери самостоятельности и контроля над ситуацией, чрезмерного обособления, страх перед успехом [4; 13].

Анализ научно-психологической литературы позволяет с определенной долей уверенности отметить, что не найдено в настоящее время однозначных доказательств связи прокрастинации с уровнем образования, интеллектом, национальностью и гендерными особенностями человека [4; 30]. По всей

видимости, данные характеристики не играют особой роли при рассмотрении феномена прокрастинации. Скорее всего, это вопросы последующих исследований реальности внутреннего мира человека с учетом новых составляющих экспериментаторской работы.

В целом можно сделать вывод о том, что прокрастинация уверенно встраивается в реальность психического мира человека, она тесно связана с его личностными особенностями, мотивационной сферой, регулятивным потенциалом, копинг-стратегиями, перфекционизмом, тревогой, тревожностью, депрессией и стрессом.

Основные подходы к проблеме прокрастинации

В настоящее время в отечественной и мировой психологической науке представлен ряд теорий прокрастинации, осуществляющих попытки назвать ее компоненты и источники. Такие исследования условно можно объединить в несколько подходов — психофизиологический, психодинамический, поведенческий, когнитивный, субъектный, мотивационный, комплексный. Наличие разнообразных подходов к феномену прокрастинации позволяет говорить о сложившейся научной проблеме.

Так, психофизиологический подход, базирующийся на нейробиологической теории, сводит прокрастинацию к особенностям функционирования разных зон мозга: долгосрочные планы формируются в префронтальной коре, а сиюминутные — в лимбической системе. При этом лимбическая система достаточно легко устанавливает приоритет «срочных» желаний, в результате чего возникает постоянное откладывание крупных или важных дел. Эмпирические исследования, выполненные в рамках данного подхода, подтверждают взаимосвязь между прокрастинацией и импульсивностью, которая также является порождением лимбической системы. В ходе таких исследований экспериментаторы задавались вопросом об источниках прокрастинации и нашли их в психофизиологии человека, однако такой подход недостаточно полно объясняет внутреннее строение

прокрастинации, ее признаки, наличие ее у одних людей и отсутствие у других, проявления у человека только в конкретной сфере жизнедеятельности и т. д. [14; 17; 38 и др.]. Сторонники теории лениности личности подчеркивают схожесть психологических механизмов, лежащих в основе лениности и прокрастинации: психофизиологические особенности нервной системы (инертность нервных процессов); особенности волевой сферы (слабая настойчивость, самостоятельность, саморегуляция); особенности мотивационной сферы (стратегия избегания неудач, слабая мотивация) [2; 5 и др.]. Ученые, придерживающиеся таких взглядов, обходят стороной вопрос об эмоциональной составляющей прокрастинации, так как именно здесь кроется ее ключевое отличие от лениности, поскольку последняя связана с положительными переживаниями (удовольствие). Сама же прокрастинация часто связывается и с негативными переживаниями, среди которых называют самообвинение, депрессию и тревогу.

В рамках психодинамического подхода прокрастинацию рассматривают как стремление защитить представление о себе [17]. Особую роль здесь отводят стремлению Эго снизить тревогу, депрессию и стресс, возникающих при появлении субъективно «опасных» дел (страх оценки, перфекционизм, страх успеха и др.) [6; 7; 10; 14; 24; 28 и мн. др.]. Рассматриваются предпосылки прокрастинации, имеющие свое начало в детском возрасте и детско-родительских отношениях. Схожесть ситуаций и необходимых к рассмотрению заданий, которые встречались ранее, в детстве и в присутствии родителей, у взрослого прокрастинатора вызывают это самое явление прокрастинации (У. Х. Миссильдайн). В результате у личности снижаются мотивация и способность управлять собственной активностью. Серьезным недостатком психодинамического подхода является диктуемая им необходимость разбираться с каждым случаем прокрастинации индивидуально, в идеале — в режиме консультирования, в то время как распространенность феномена заставляет человека искать пути решения проблемы в рамках взаимодействия, работы с группой (учебной или производственной).

Поведенческий подход, разработанный с опорой на ключевые принципы бихевиоризма, акцентирует внимание на стратегиях поведения прокрастинаторов как однажды апробированных и закрепленных в ходе многочисленного повторения [17]. Сторонники этого подхода (Дж. Эйнсли и др.) считают прокрастинацию «базовым импульсом» человека. Ему проще выполнить небольшое задание, не занимающее много времени, нежели исполнять ряд взаимосвязанных действий. Выполнив краткие действия, человек тут же получает вознаграждение — он чувствует свою успешность. Желание быстрого успеха как сложившаяся иррациональность заслоняет необходимость размеренной работы на перспективу, поэтому иррациональную часть прокрастинации нельзя игнорировать при рассмотрении данного феномена.

Когнитивный подход выделяет тесно взаимосвязанные источники прокрастинации: иррациональные (не соотносящиеся с реальностью) убеждения; заниженную самооценку (в том числе страх предъявлять другим результат собственного труда); неспособность самостоятельно принимать решения в сложной, неоднозначной или негативной ситуации [14; 17 и др.]. В рамках данного подхода прокрастинацию или ее компоненты часто представляют как копинг-стратегию (избегание, дистанцирование и др.) или механизм психологической защиты (замещение, регрессия) [3; 12; 25]; уделяется недостаточное внимание регулятивному компоненту прокрастинации, что не дает полной картины структуры феномена.

В плане реализации субъектного подхода прокрастинация предстает как противоположный полюс шкалы целеустремленности; другими словами, причина прокрастинации видится в недостаточной сформированности регулятивного потенциала личности [9 и др.]. Этот подход излишне упрощает понимание прокрастинации, являющейся системой, в которой регулятивный компонент лишь ее составная часть.

В рамках мотивационного подхода чаще всего прокрастинация и мотивация выступают как противопоставленные друг другу понятия: мотив побуждает человека к действию, а его отсутствие порождает прокрастинацию, а также наоборот, эффективная мотивация

выступает как способ борьбы с прокрастинацией [26]. Самые современные мотивационные теории (теории иррациональной мотивации, теория перспектив и др.) обсуждают также социальные (поведение при принятии рискованных решений, стремление найти единомышленников вместо изменения решения), когнитивные (неосознанное мышление, фреймы, ложное понимание вероятности предстоящих случайных событий) и эмоциональные (страх перемен, удовольствие от стабильности) компоненты прокрастинации [26]. Данный подход ставит на первое место мотивационную составляющую прокрастинации, хотя по сей день нет убедительных исследований, доказавших первостепенность мотивации в структуре прокрастинации.

Существует также несколько теорий, которые можно отнести к комплексному подходу. Исследователи осуществили попытку объединить современные разработки по проблеме прокрастинации и обозначить ее компоненты, выйдя за рамки какого-либо одного из перечисленных выше подходов. Так, четырехкомпонентная теория прокрастинации включает следующие составляющие: 1) поведенческую (результат освоения и закрепления стратегии), 2) когнитивную (нарушения чувства времени), 3) эмоциональную (невротизация, импульсивность и тревога как результат эмоциональных перегрузок, заниженной самооценки, застенчивости и самокритики) и 4) подсознательную (протестное поведение, глубинные внутриличностные конфликты) [29; 33; 35].

Теория временной мотивации П. Д. Г. Стилла, о которой говорилось выше, интегрирует следующие компоненты: изменение поведения в зависимости от приближенности сроков окончания задачи, сочетание потребности и уверенности в ее успешном удовлетворении, поведение в ситуациях риска. В конечном итоге Стилл создал формулу прокрастинации, в которую включил следующие переменные: мотивация, саморегуляция, чувствительность к отсрочке (импульсивность), прогнозируемый успех дела, ожидаемая ценность результата, срок вознаграждения и предполагаемые риски [37]. Теории комплексного подхода на данный момент наиболее широко раскрывают суть прокрастинации, ее источники и структуру.

На современном этапе сама разработка проблематики, касающейся прокрастинации, с точки зрения системного подхода позволит выделить многообразие и иерархичность связей и проявлений феномена прокрастинации как системы, отметить особенности ее развития [20; 22; 23].

В целом большинство подходов отличается односторонностью взгляда и отражает лишь те компоненты прокрастинации, которые доступны с их исследовательских позиций. Однако их комплексный анализ позволяет обобщить накопленный опыт и выделить те аспекты, которые важны при системном описании феномена прокрастинации: прокрастинация — это система, включающая в себя несколько компонентов; существуют психофизиологические источники прокрастинации; психофизиологические, волевые и мотивационные компоненты лености и прокрастинации схожи, однако эмоциональный компонент проводит между ними принципиальное различие; прокрастинация иррациональна и частично не осознается; изучение прокрастинации требует комплексного взгляда, который позволяет получить наиболее точное описание феномена.

Выводы

Научно-психологический взгляд на проблему прокрастинации позволяет определить и представить этот феномен следующим образом.

1. С точки зрения методологии наиболее точным для представления прокрастинации является термин «феномен», так как он отражает единство внутреннего и внешнего, идеального и реального ее содержания.

2. В самом широком психологическом смысле прокрастинация представляет собой личностный феномен, поведенческий аспект которого проявляется в откладывании дела, а внутренний план включает в себя когнитивный, эмоциональный, волевой и мотивационный компоненты.

3. Прокрастинация отражается на действенно-практической сфере личности, тесно связана с когнитивно-познавательной деятельностью, хотя ее источники следует искать не только в психофизиологии, но также

в эмоционально-волевой и потребностно-мотивационной сферах личности.

4. Внешний план прокрастинации представляет собой поведение, которое можно коротко охарактеризовать как откладывание фактического выполнения дела на последний момент.

5. Внутренний план прокрастинации включает в себя понимание негативных последствий промедления, негативное отношение к собственному откладыванию (тревога, депрессия, страх, злость), наличие актуального мотива, слабый регуляционный потенциал личности.

6. Прокрастинация связана с личностными особенностями, самооценкой, неэффективными копинг-стратегиями, перфекционизмом и не связана с национальностью, гендером, уровнем образования и интеллектом.

7. Прокрастинация негативно влияет на активность человека и особенно ярко проявляется во время осуществления учебной, производственной и иных видов деятельности.

8. Прокрастинация подразумевает прежде всего задержку в самостоятельном продвижении человека к ожидаемому результату. Внешние факторы (в том числе организация трудового или учебного процесса, характеристики задачи и пр.) являются вторичными по отношению к внутреннему плану прокрастинации.

9. Наличие четырех компонентов внутреннего плана, сочетающихся с описанным внешним проявлением, может свидетельствовать о прокрастинации. Только системная совокупность внутреннего и внешнего плана

позволяет отличить прокрастинацию от других феноменов и явлений, представленных в реальности психического мира человека.

Заключение

Проблема прокрастинации, ставшая предметом исследования современного научного сообщества, требует такого подхода к ней, который позволяет определить ее содержание, структурные компоненты и источники. Источники прокрастинации находятся в психофизиологии человека, в особенностях функционирования его мотивационной и волевой сфер. Эмпирические исследования позволяют определить, как именно прокрастинация встроена в реальность психического мира человека.

Прокрастинация — это личностный феномен, «вмонтированный» в реальность психического мира человека, имеющий сложное внутреннее устройство и типичные проявления во внешнем мире. Прокрастинация как система включает в себя несколько компонентов: когнитивный (понимание негативных последствий промедления), эмоциональный (тревога, депрессия, страх, злость), волевой (слабый регуляционный потенциал личности) и мотивационный (наличие актуального нереализуемого мотива). Совокупность всех четырех компонентов системы и типичных поведенческих проявлений позволяют говорить о прокрастинации, а также отличать ее от других феноменов, схожих во внешних проявлениях.

Литература

1. **Болотова А. К., Чеврениди А. А.** Временной модус прокрастинации в ретроспективе: виды, предикторы и последствия // *Культурно-историческая психология*. 2017. Т. 13. № 4. С. 101–108. DOI: 10.17759/chp.2017130411
2. **Боровская Н. В.** Психологические и психофизиологические предпосылки лениости студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2008. 23 с.
3. **Борусяк Е. В.** Прокрастинация как одна из форм неэффективных копинг-стратегий студентов // 18-й Международный научно-промышленный форум «Великие реки 2016» / отв. ред. А. А. Лапшин: в 3 т. Н. Новгород: ННГАСУ, 2016. Т. 2. С. 312–315.
4. **Варваричева Я. И.** Исследование связи прокрастинации, тревожности и IQ у школьников // *Здоровье нации — основа процветания России: материалы научно-практических конгрессов IV Всероссийского форума*. М.: НЦССХ им. А. Н. Бакулева РАМН, 2008. Т. 2. С. 147–149.

5. **Варваричева Я. И.** Психологические механизмы феномена лени. [Электронный ресурс]. URL: http://www.psy.msu.ru/science/conference/lomonosov/2007/thesis/Varvaricheva_YI.pdf (дата обращения: 17.03.2019).
6. **Гараян Н. Г.** Перфекционизм и враждебность как личностные факторы депрессивных и тревожных расстройств: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2010. 42 с.
7. **Гараян Н. Г., Андрусенко Д. А., Хломов И. Д.** Перфекционизм как фактор студенческой дезадаптации // Психологическая наука и образование. 2009. № 1. С. 72–81.
8. **Дворник М. С.** Типология социально-психологических практик отсрочки. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sociosphere.com/files/conference/2013/Sociosphere_4-13/1_part/150-155_m_s_dvornik.pdf (дата обращения: 16.02.2019).
9. **Дементий Л. И., Карловская Н. Н.** Особенности ответственности и временной перспективы у студентов с разным уровнем прокрастинации // Психология обучения. 2013. № 7. С. 4–19.
10. **Золотарева А. А.** Диагностика индивидуальных различий перфекционизма личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 25 с.
11. **Иванов Д. В., Галюк Н. А.** Человек как субъект воспитания: теоретический и прикладной аспекты // Журнал прикладной психологии. 2006. № 6–3. С. 84–93.
12. **Ивutiна Е. П., Шуракова Е. С.** Академическая прокрастинация как проявление защитно-совладающего поведения у студентов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 4 (1). С. 146–151.
13. **Ильин Е. П.** Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб.: Питер, 2011. 221 с.
14. **Карловская Н. Н., Баранова Р. А.** Взаимосвязь общей и академической прокрастинации и тревожности у студентов с разной академической успеваемостью // Психология в вузе. 2008. № 3. С. 38–49.
15. **Киселева М. А., Шустова Н. Е., Карина О. В.** Проблема влияния прокрастинации на процесс самоопределения личности // Personality and social development: materials of the II international scientific conference on March 29–30, 2014. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014. С. 22–27.
16. **Клепикова Н. М., Кормачёва И. Н.** Адаптация Шкалы прокрастинации и Шкалы иррациональной прокрастинации в методике П. Стила // Системная психология и социология. 2019. № 3 (31). С. 26–37.
17. **Ковылин В. С.** Теоретические основы изучения феномена прокрастинации // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: электронный научный журнал. 2013. № 2. С. 22–41.
18. **Кормачёва И. Н.** Взаимосвязь личностных особенностей студентов и склонность к прокрастинации в принятии решений: штрихи к современной российской практической психологии // Истоки и пути российской психологии (к 100-летию советской психологии): материалы молодежной секции I Международной научно-практической конференции. М.: Перо, 2019. С. 223–229.
19. **Леонтьев В. Г.** Мотивация и активность личности // Ежегодник РПО: материалы IV Всероссийского съезда РПО: в 3 т. Ростов н/Д: КРЕДО, 2007. Т. 3. С. 236–237.
20. **Романова Е. С., Рыжов Б. Н.** История психологии с системных позиций // Системная психология и социология. 2014. № 1 (9). С. 5–15.
21. **Рубинштейн С. Л.** Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2017. 718 с.
22. **Рыжов Б. Н.** Системная психология: монография. 2-е изд. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
23. **Рыжов Б. Н.** Системная структура личности // Системная психология и социология. 2017. № 3 (23). С. 5–11.
24. **Семенова Ф. О., Узденова А. М.** Влияние прокрастинации на развитие исполнительской деятельности в подростковом возрасте // Научный журнал КубГАУ. 2012. № 83 (09). С. 847–856.
25. **Семина А. С.** Исследование феномена прокрастинации во взаимосвязи с другими психологическими феноменами в студенческой среде [Электронный ресурс]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2240/41401_e222.pdf (дата обращения: 16.03.2019).
26. **Чекмарев О. П.** Мотивация труда: персонал, руководитель, собственник, государство. Модели и теории мотивации. [Электронный ресурс]. URL: <https://motivtrud.ru/PCost/modely.html> (дата обращения: 26.02.2019).
27. **Ярославская С.** Прокрастинация — это что? [Электронный ресурс]. URL: <http://psihotesti.ru/self-info/2013-01-15/126152-prokrastinatciya-yeto-chto.html> (дата обращения: 16.02.2019).
28. **Ясная В. А., Ениколопов С. Н.** Современные модели перфекционизма // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 29. [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/826-yasnaya29.html#e3> (дата обращения: 16.02.2019).

29. **Ferrari J. R., Wolfe R. N., Wesley J. C., Schoff L. A., Beck B. L.** Ego-identity and academic procrastination among university students // *Journal of College Student Development*. 1995. Vol. 36. P. 361–367.
30. **Haycock L., McCarthy P., Skay C.** Procrastination in college students: the role of self-efficacy and anxiety // *Journal of counseling & development*. Vol. 76. 1998. P. 317–325.
31. **Lay C. H.** At last, my research article on procrastination // *Journal of Research in Personality*. 1986. Vol. 20. P. 474–495.
32. **Lay C. H.** Trait procrastination and the perception of person-task characteristics // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1992. Vol. 7. P. 483–494.
33. **McCown W., Petzel T., Rupert P.** Personality correlates and behaviors of chronic procrastinators // *Personality and Individual Differences*. 1987. Vol. 11. P. 71–79.
34. **Milgram N. A., Tenne R.** Personality correlates of decisional and task avoidance procrastination // *European Journal of Personality*. 2000. Vol. 14. P. 141–156.
35. **Rothblum E., Solomon L., Murakami J.** Affective, cognitive, and behavioral differences between high and low procrastinators // *Journal of Counseling Psychology*. 1986. Vol. 33. P. 387–394.
36. **Specter M. H., Ferrari J. R.** Time orientations of procrastinators: Focusing on the past, present or future? // *Journal of Social Behavior and Personality*. 2000. Vol. 15. № 5. P. 197–202.
37. **Steel P. D. G.** Integrating Theories of Motivation // *Academy of Management Review*. 2006. Vol. 31. № 4. P. 889–913.
38. **Steel P. D. G.** The nature of procrastination: A meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure // *Psychological Bulletin*. 2007. Vol. 133. № 1. P. 65–94.

References

1. **Bolotova A. K., Chevrenidi A. A.** Time modus of procrastination in retrospect: types, predictors and consequences // *Cultural-Historical Psychology*. 2017. T. 13. № 4. P. 101–108. DOI:10.17759/chp.2017130411
2. **Borovskaya N. V.** Psychological and psychophysiological background of students' laziness: PhD thesis ... in Psychology. Saint-Petersberg, 2008. 23 p.
3. **Borussyak E. V.** Procrastination as a form of ineffective students' coping strategies // 18-th International Scientific and Industrial Forum «Great Rivers 2016» / ed. by A. A. Lapshin. In 3 vol. N. Novgorod: NNSUofACE, 2016. Vol. 2. C. 312–315.
4. **Varvaricheva Ya. I.** Study of the relationship between procrastination, anxiety and IQ in schoolchildren // The Proceedings of the Scientific Congress: the IV all-Russian Forum «Health of the nation — the basis of thriving in Russia». Moscow: Bakoulev Center Cardiovascular Diseases RAMS, 2008. Vol. 2. P. 147–149.
5. **Varvaricheva Ya. I.** Psychological mechanisms of the phenomenon of laziness. [Electronic resources]. URL: http://www.psy.msu.ru/science/conference/lomonosov/2007/thesis/Varvaricheva_YI.pdf (date of access: 17.03.2019).
6. **Garanuan N. G.** Perfectionism and hostility as personal factors of depressive and anxiety disorders: PhD thesis ... in Psychology (PsyD). Moscow, 2010. 42 p.
7. **Garanyan N. G., Andrusenko D. A., Hlomov I. D.** Perfectionism as a factor of student disadaptation // *Psychological Science and Education*. 2009. № 1. P. 72–81.
8. **Dvornik M. S.** Typology of socio-psychological practices of postponement. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sociosfera.com/files/conference/2013/Sociosphere_4-13/1_part/150-155_m_s_dvornik.pdf (date of access: 16.02.2019).
9. **Dementiy L. I., Karlovskaya N. N.** Features of responsibility and time perspective of students with different levels of procrastination // *Psychology of Education*. 2013. № 7. P. 4–19.
10. **Zolotareva A. A.** Diagnosis of individual differences in perfectionism personality: PhD thesis ... in Psychology. Moscow, 2012. 25 p.
11. **Ivanov D. V., Galyuk N. A.** Man as a subject of education: theoretical and applied aspects // *Journal of applied psychology*. 2006. № 6–3. P. 84–93.
12. **Ivutina E. P., Shurakova E. S.** Academic procrastination as a manifestation of students' defensive coping // *Herald of Vyatka State University*. 2013. № 4 (1). C. 146–151.
13. **Ilyin E. P.** Work and personality. Workaholism, perfectionism, laziness. Saint-Petersberg: Piter, 2011. 221 p.

14. **Karlovskaya N. N., Baranova R. A.** The relationship of general and academic procrastination and anxiety in students with different academic performance // *Psychology at the University*. 2008. № 3. P. 38–49.
15. **Kiseleva M. A., Shustova N. E., Karina O. V.** The problem of the procrastination's impact on the self-determination process // *Personality and social development: materials of the II international scientific conference on March 29–30, 2014*. Prague: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ, 2014. P. 22–27.
16. **Klepikova N. M., Kormacheva I. N.** Adaptation of the procrastination scale and the irrational procrastination scale in P. Steel's technique // *Systems Psychology and Sociology*. 2019. № 3 (31). P. 26–37.
17. **Kovilin V. S.** Theoretical bases of procrastination phenomenon // *Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*. 2013. № 2. P. 22–41.
18. **Kormacheva I. N.** Interrelation of personal features and propensity to procrastination in students' decision-making: some strokes to modern Russian practical psychology // *Origins and Ways of Russian Psychology (to the 100th anniversary of the Soviet Psychology)*. The Proceedings of the Youth section of the I International scientific and practical conference. Moscow: Pero, 2019. P. 223–229.
19. **Leontyev V. G.** Motivation and activity of personality // *The Yearbook of the Russian Psychological Society: the proceedings of the IV all-Russian Congress of the RPS*. In 3 vol. Rostov-na-Donu: KREDO, 2007. Vol. 3. P. 236–237.
20. **Romanova E. S., Ryzhov B. N.** The history of psychology from the system point of view // *Systems Psychology and Sociology*. 2014. № 1 (9). P. 5–15.
21. **Rubinshtein S. L.** The basis of general psychology. Saint Petersburg: Piter, 2017. 718 p.
22. **Ryzhov B. N.** System psychology. 2-nd ed. Moscow: T8 Izdatelskiye Tekhnologii, 2017. 356 p.
23. **Ryzhov B. N.** System structure of personality // *Systems Psychology and Sociology*. 2017. № 3 (23). P. 5–11.
24. **Semenova F. O., Uzenova A. M.** The influence of procrastination on the development of executive activity in adolescence // *Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University*. 2012. № 83 (09). P. 847–856.
25. **Semina A. S.** The study of the phenomenon of procrastination in relation to other psychological phenomena in the student environment [Electronic resource]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2240/41401_e222.pdf (data of access: 16.03.2019).
26. **Chekmarev O. P.** Labor Motivation: staff, manager, owner, state. Models and theories of Motivation. [Electronic resource]. URL: <https://motivtrud.ru/PCost/modely.html> (data of access: 26.02.2019).
27. **Yaroslavskaya S.** Procrastination — what is it? [Electronic resource]. URL: <http://psihotesti.ru/self-info/2013-01-15/126152-prokrastinatciya-yeto-cto.html> (дата обращения: 16.02.2019).
28. **Yasnaya V. A., Yenikolopov S. N.** Actual models of perfectionism // *Psychological Researches*. 2013. T. 6. № 29. [Electronic resources]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/826-yasnaya29.html#e3> (data of access: 16.02.2019).
29. **Ferrari J. R., Wolfe R. N., Wesley J. C., Schoff L. A., Beck B. L.** Ego-identity and academic procrastination among university students // *Journal of College Student Development*. 1995. Vol. 36. P. 361–367.
30. **Haycock L., McCarthy P., Skay C.** Procrastination in college students: the role of self-efficacy and anxiety // *Journal of counseling & development*. Vol. 76. 1998. P. 317–325.
31. **Lay C. H.** At last, my research article on procrastination // *Journal of Research in Personality*. 1986. Vol. 20. P. 474–495.
32. **Lay C. H.** Trait procrastination and the perception of person-task characteristics // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1992. Vol. 7. P. 483–494.
33. **McCown W., Petzel T., Rupert P.** Personality correlates and behaviors of chronic procrastinators // *Personality and Individual Differences*. 1987. Vol. 11. P. 71–79.
34. **Milgram N. A., Tenne R.** Personality correlates of decisional and task avoidance procrastination // *European Journal of Personality*. 2000. Vol. 14. P. 141–156.
35. **Rothblum E., Solomon L., Murakami J.** Affective, cognitive, and behavioral differences between high and low procrastinators // *Journal of Counseling Psychology*. 1986. Vol. 33. P. 387–394.
36. **Specter M. H., Ferrari J. R.** Time orientations of procrastinators: Focusing on the past, present or future? // *Journal of Social Behavior and Personality*. 2000. Vol. 15. № 5. P. 197–202.
37. **Steel P. D. G.** Integrating Theories of Motivation // *Academy of Management Review*. 2006. Vol. 31. № 4. P. 889–913.
38. **Steel P. D. G.** The nature of procrastination: A meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure // *Psychological Bulletin*. 2007. Vol. 133. № 1. P. 65–94.

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2019.32.4.03

**ПРОИЗВОЛЬНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ
КАК СТАДИЯ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНОСТИ¹****Ш. Р. Хисамбеев,**
РГУ им. А. Н. Косыгина,
khisam@mail.ru

В статье рассмотрен генезис произвольного выполнения различных действий в качестве этапа становления субъектности в антропогенезе и в онтогенезе. Произвольное выполнение действия как этап, или стадия, становления субъектности отождествляется с волевой регуляцией поведения. Переход от подражания к произвольному выполнению действия представляет собой фазовый переход, качественно меняющий поведение.

Статья состоит из трех разделов. В первом — приведен краткий обзор становления представлений о появлении воли с донаучного периода до современности. Рассматриваются отечественные и зарубежные подходы к произвольности, и обосновывается ее связь с развитием высших психических функций.

Второй раздел описывает гипотетическую реконструкцию появления волевой регуляции в ходе антропогенеза. Суть гипотезы заключается в следующем: возникновение социальной среды позволило древнейшим людям сохранять искусственные программы поведения и транслировать их новым поколениям с помощью механизма подражания. Это способствовало сдерживанию животных инстинктов: человек имитировал подавленные действия сформированными в социуме «дубликатами» — мимикой, жестами, криком и артикулируемыми звуками. Появление проторечи создавало возможность замены наглядного образца звуковым символом, который в ситуативном контексте сопровождался для конкретизации интонацией и указанием. Речь в качестве регулятора поведения даже в своей зачаточной форме послужила предпосылкой координации собственных действий и социальной микросреды. Тем самым речевой формат оказался способным инициировать различные протоколы поведения члена группы и уже в виде команды самому себе стал актом воли.

Третий раздел посвящен рассмотрению с позиций возрастной психологии проблемы появления волевой регуляции у современных детей. Отмечается, что в раннем детстве, когда у ребенка бурно развивается речь, одной из первых он усваивает императивную форму речи: произносимые взрослыми команды «Дай!», «Принеси!» и т. п. Затем в ходе интериоризации приказ извне превращается в самоприказ, а слово-императив становится средством самоуправления.

В заключении статьи делается вывод о том, что как в ходе антропогенеза, так и в онтогенезе с появлением речи человек приобретает орудие регуляции деятельности — волю. Появление произвольности выполнения действий становится решающим моментом становления субъектности.

Ключевые слова: воля; действие; произвольность; самоуправление; субъектность; человек; личность; природа; речь; окружающая среда.

Для цитаты: Хисамбеев Ш. Р. Произвольное выполнение действия как стадия развития субъектности // Системная психология и социология. 2019. № 4 (32). С. 30–38. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.03.

Хисамбеев Шамиль Раисович, кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии, философии и манусологии Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина, Москва.

E-mail: *khisam@mail.ru*

¹ Статья публикуется при поддержке гранта РГНФ «Психодидактический подход к развитию субъектных качеств обучающихся и педагогов на основе эконихологической модели становления субъектности» (17-06-00871).

UDC 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2019.32.4.03

VOLUNTARILY EXECUTION OF AN ACTION AS A STAGE OF SUBJECTIVITY DEVELOPMENT

Sh. R. Khisambeev,
The Kosygin RSU,
khisam@mail.ru

The article attempts to consider the genesis of voluntarily execution of various actions as a stage of subjectivity development in anthropogenesis and ontogenesis. Voluntarily performance of an action as a stage or stage of subjectivity formation is identified with volitional regulation of behavior. The transition from imitation to voluntary performance of an action is a phase transition that qualitatively changes behavior.

The main part of the article consists of three sections. The first section provides a brief overview of the formation of ideas about the appearance of will from the pre-scientific period to the present. Russian and foreign approaches to voluntariness are considered, and its connection with the development of higher mental functions is substantiated.

The second section describes a hypothetical reconstruction of the appearance of volitional regulation in the course of anthropogenesis. The essence of the hypothesis is as follows: the emergence of a social environment in ancient people, allowed to preserve artificial behavior programs and broadcast them to new generations through the mechanism of imitation. This contributed to the suppression of animal instincts, forcing to imitate repressed actions formed in society «duplicates»: facial expressions, gestures, shouting and articulate sounds. The appearance of proto-speech created the possibility of replacing the visual sample with a sound symbol, which in the situational context was accompanied by intonation and indication for concretization. Speech as a regulator of behavior, even in its rudimentary form, served as a prerequisite for the coordination of their own actions and the social microenvironment. Thus, the speech format was able to initiate various protocols of behavior of a group member and already in the team feed itself became an act of will.

The third section is devoted to consideration from the standpoint of developmental psychology of the problem of the appearance of volitional regulation in modern children. It is noted that in early childhood, when a child develops speech rapidly, one of the first children learns the imperative form of speech: commands given by adults «give me!», «Bring me!» and etc. Then, in the course of interiorization, the order from the outside turns into self-order, and the word-imperative becomes a means of self-government.

In conclusion of the article it is said that when person's speech appears for the first time in human both in the course of anthropogenesis and in ontogenesis, he acquires an instrument of activity regulation — it's volition. The emergence of arbitrariness of actions becomes a decisive moment in the formation of subjectivity.

Keywords: will, action; voluntariness; autonomy; subjectivity; human; personality; nature; speech; environment.

For citation: Khisambeev Sh. R. Voluntarily Execution of an Action as a Stage of Subjectivity Development // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 4 (32). P. 30–38. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.03.

Khisambeev Shamil Raisovich, PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of Clinical Psychology, Philosophy and Manusologii of the Kosygin Russian State University, Moscow, Russia.

E-mail: *khisam@mail.ru*

Введение

Одной из центральных тем современной психологии является содержание и происхождение субъектности, выделяющей человека как существо, обладающее этим свойством. Становление субъектности в ходе антропогенеза рассмотрено в работах А. Н. Леонтьева² и Б. Н. Рыжова [5].

Статья базируется на концепции В. И. Панова о стадийном развитии субъектности в ходе онтогенеза [4, с. 107]. Согласно этой концепции сначала человек является субъектом восприятия образца, затем последовательно становится субъектом подражания, субъектом произвольной двигательной активности при внешнем контроле и субъектом внутреннего контроля произвольной двигательной активности (самостоятельной, автономной). С другой стороны, использован подход А. Н. Леонтьева по реконструкции развития психики в антропогенезе, изложенный в его классическом труде «Проблемы развития психики» (1965). Представляется целесообразным выявить механизмы фазовых переходов от одной стадии развития субъектности к другой.

Цель данной статьи заключается в попытке сопоставления онтогенеза и антропогенеза в отношении появления и становления волевой регуляции.

Историко-психологический обзор

Поскольку интересующий нас фазовый переход к стадии произвольного выполнения действия фактически тождествен проблеме появления воли, следует кратко изложить попытки решения этой проблемы в хронологическом порядке.

Древнейшие представления о воле до сих пор составляют часть обыденного сознания и в донаучной, житейской психологии сводятся к двум различным значениям. С одной стороны, воля является практически синонимом свободы («свобода воли»), с другой — психологической силой, ассоциирующейся с решительностью, настойчивостью, упорством,

способностью сопротивляться внешним влияниям. Воля в первом значении дает возможность сделать выбор, осуществить «волеизъявление», крайнее проявление которого называется волюнтаризм. Во втором — подразумевается способность активно добиваться своей цели, преодолевая трудности (в противоположность безволию), при отсутствии гибкости ведущая к фанатизму.

В античной философии проблема воли рассматривалась прежде всего в этическом плане [2]. Так, Демокрит, исходя из принципа детерминизма, по существу, представляет поведение человека настолько внешне обусловленным необходимостью, что оно напоминает автомат. Его последователь Эпикур, выдвинув положение о возможности самопроизвольного отклонения атомов, считал, что у каждого имеется свобода воли: человек одновременно является и активно действующим субъектом, исполняющим свои намерения и смеющимся над судьбой, и человеком, испытывающим на себе различного рода воздействия и влияния внешнего мира.

Стоики полагали, что все происходит закономерно и разуму остается добровольно следовать року, так что свобода — это осознанная необходимость. Впоследствии идея покорности, подчинения судьбе была развита христианством. При этом стоики вовсе не призывали к уходу от общественной жизни, наоборот, они требовали исполнения всех гражданских обязанностей, воспитания силы характера.

Итак, воля — либо исполнение необходимого, либо свободный выбор.

Аристотель, — по выражению Маркса, «исполины мысли» — связывал происхождение воли с действием: «Все люди делают одно произвольно, другое произвольно, а из того, что они делают произвольно, одно они делают случайно, другое по необходимости; из того же, что они делают по необходимости одно они делают по принуждению, другое — согласно требованиям природы. А то, что делается людьми произвольно и причина чего лежит в них самих, делается им одно по привычке, другое под влиянием стремления, и притом одно под влиянием стремления разумного, другое — неразумного»³.

² Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Мысль, 1965. 574 с.

³ Аристотель. Поэтика. Риторика. О душе. М.: Мир книги, 2007. С. 115.

Таким образом, произвольное действие имеет основание в самом субъекте. При этом, по Аристотелю, волевое действие не тождественно произвольному, а только под влиянием разумного стремления, что предполагает расчет, взвешивание возможности достижения цели и последствий в случае осуществления действия. Отсюда вывод Аристотеля: где нет разума — там нет и воли (у животных, маленьких детей и сумасшедших). По существу, включение понятия ответственности отражает социальную природу воли.

В поздней Античности Августин Аврелий именно волю считал ядром человеческого существа. Все виды деятельности, включая мышление и самопознание, у Августина — волевые акты.

В Новое время психика стала отождествляться с сознанием, а воля выступала его важнейшим атрибутом.

Декарт связал проявления воли со «страстями души»⁴. «Самое большое, что может сделать воля, когда душевное волнение в полной силе, — это не допустить его следствий и сдержать многие движения, к которым страсть располагает тело. Если, например, гнев заставляет поднять руку для того, чтобы ударить, воля обычно может ее удержать; если ноги готовы бежать, когда мы испытываем страх, воля может их удержать и т. д. <...> То, что я называю собственным оружием воли, суть твердые и определенные суждения о добре и зле, согласно которым она решила действовать в своей жизни. Самые слабые души — те, воля которых не заставляет себя следовать определенным суждениям, а непрерывно позволяет увлечь себя страстям, часто противоположным друг другу. Они попеременно перетягивают волю то на одну, то на другую сторону, заставляя ее бороться с собой, и ставят душу в самое жалкое положение, какое только может быть»⁵.

Спиноза связывал понимание воли со стремлениями души человека, но не тела⁶. Поэтому борьба побуждений понимается как борьба идей. Следом Спиноза проводит

тождество разума и воли, где воля выступает в качестве осознания внешней детерминации, субъективно принимаемая как собственное добровольное решение⁷.

Связывал волю с разумом и Иммануил Кант. Свободу воли он усматривал в способности человека действовать не только в силу чувственных желаний, но на основе нравственного закона, т. е. представлений о полезном и вредном, исходящих от разума⁸.

У Гегеля мышление представляет собой теоретическую сторону духа, тогда как воля — его практическую сторону. Разница между ними в отношении к миру: мышление предназначено для познания мира, а воля — для его преобразования. При этом содержащиеся в сознании стремления и цели существуют как возможность, благодаря воле переходящие в действительность. Фактически у Гегеля воля основа деятельности, в первую очередь практической⁹.

Людвиг Фейербах полагал, что воля свойственна исключительно чувствующему человеку, поскольку именно желание вызывает ощущение, которым человек как субъект действия руководствуется для реализации намерения получить искомый предмет этого желания. Данная трактовка смысла воли подчеркивает ее зависимость от ощущения. Вместе с тем Фейербах не отделял волю от мышления, предполагая, что воля наделяет мышление особыми свойствами содержательности, активности и гибкости¹⁰.

Однако подлинного триумфа воля достигает у Артура Шопенгауэра: у него она становится поистине космической силой, универсальным первопринципом, давая начало интеллекту и сознанию человека¹¹.

Собственно, психологическую интерпретацию воли как механизма для принятия

⁷ Там же. С. 564.

⁸ Кант И. Собр. соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 4. Ч. 1. 543 с.

⁹ Гегель Г. В. Работы разных лет: в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2. 630 с.

¹⁰ Фейербах Л. Избранные философские произведения: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. 676 с.

¹¹ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 5 т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. 395 с.

⁴ Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 266.

⁵ Там же. С. 502, 504.

⁶ Спиноза Б. Избранное. Минск: Попурри, 1999. С. 407.

решения предложил Уильям Джемс. Он полагал, что воля способствует осуществлению выбора на основе интереса и направляет внимание на избранный объект. Выбранная идея, овладевшая вниманием в результате волевого акта, дает импульс к движению. Волевое усилие требуется для сосредоточения внимания на объекте, самом по себе непривлекательном, но признанным сознанием нужным¹².

Л. С. Выготский также связывал понятие воли со свободой выбора: «Самым характерным для овладения собственным поведением является выбор, и недаром старая психология, изучая волевые процессы, видела в выборе самое существо волевого акта»¹³. Он выделял два процесса в акте воли: первый — принятие решения и формулировка инструкции, а второй — исполнение решения, действие по инструкции. Помимо прочего, Л. С. Выготским был выделен особый вспомогательный мотив, усиливающий желание действовать, если само волевое действие требуется совершить, но оно напрямую не соотносится с желанием человека. Этот вспомогательный мотив меняет для сознания человека смысл действия. Впоследствии А. Н. Леонтьев на основе этой мысли Выготского развил понятие смыслообразующей функции мотива.

Л. И. Божович полагала, что воля — часть мотивации, сущность которой в способности подчинять действие сознательному намерению, преодолевая непосредственные побуждения ради социально значимых целей. Воля возникает благодаря опосредованию потребностей интеллектом как высшая психическая функция, как произвольная мотивация¹⁴.

В. А. Иванников считал, что воля обнаруживается в момент, когда человек ощущает недостаток побуждения к определенному действию [3: с. 27]. Во всех ситуациях, когда появляется волевое усилие, происходит изменение побуждений благодаря изменению смысла действия. Это ситуации необходимости действия вне актуальной потребности,

преодоления внутренних барьеров, сдерживания произвольных импульсов и разрешения конфликта мотивов. Для этого слабый, но сознательно выбранный мотив должен быть усилен или заменен сильным. Таким образом, с одной стороны, В. А. Иванников разделял точку зрения Л. С. Выготского и Л. И. Божович на волю как на мотивационный механизм, а с другой стороны, понимал ее как средство регуляции деятельности, когда она сталкивается с затруднениями. Собственно, и для Л. С. Выготского произвольность включает регуляцию собственного поведения благодаря использованию знаков как механизма опосредования. Такие знаки, в первую очередь слова, позволяют субъекту управлять своими психическими процессами, включая мотивацию.

В способности преодолевать препятствия при достижении поставленной цели усматривали сущность воли П. А. Рудик¹⁵ и П. В. Симонов¹⁶. Последний указывал на описанный И. П. Павловым рефлекс свободы в качестве предпосылки воли, понимая этот рефлекс как особое поведение, стимулируемое препятствием.

Реконструкция появления волевой регуляции в антропогенезе

В процессе антропогенеза древнейшие люди ощущали свою неполноценность, заменив инстинкт и свои биологические органы предметно-манипулятивной деятельностью с помощью руки как орудия орудий. Кроме того, они перестали быть особями, т. е. выжить в одиночку не могли. Поэтому они образовывали сообщество — единое сверхсущество, подобное пчелиному рою. Так возникла социальная среда, позволяющая сохранять искусственные программы поведения и транслировать их новым поколениям с помощью механизма подражания. Жизнь, по условному, социальному плану, способствовала сдерживанию животных инстинктов, заставляя

¹² Джемс У. Психология. СПб.: Питер, 2017. С. 301–340.

¹³ Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т.4. С. 274.

¹⁴ Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 398 с.

¹⁵ Рудик П. А. Психология: учебник. М.: Физкультура и спорт, 1974. 512 с.

¹⁶ Симонов П. В. Мотивированный мозг. М.: Наука, 1987. 272 с.

имитировать подавленные действия сформированными в социуме «дубликатами»: мимикой, жестами, криком, «вымещением зла» на нейтральном предмете [1]. Появление протопечи создавало возможность замены наглядного образца звуковым символом, который в ситуативном контексте сопровождался для конкретизации интонацией и указанием. Речь в качестве регулятора поведения даже в своей зачаточной форме служит предпосылкой координации собственных действий и социальной среды. Тем самым речевой формат оказывается способным инициировать различные протоколы поведения члена группы: от кооперации на охоте до таких социально-психологических феноменов, как конформизм.

Древнейшие люди утратили надежную коммуникацию с природной средой в формате инстинктивной видовой программы жизнедеятельности. В результате прачеловек перестал быть природной особью, а прачеловеческое сообщество перестало быть стадом или стаей, а превратилось в пратолпу — сверхсущество наподобие пчелиного роя или колонии муравьев (это, конечно, метафора: численность пратолпы исчислялась десятками составляющих членов). Для поддержания ее целостности был необходим постоянный обмен сигналами — звуковыми и невербальными — подобно ауканью грибников в лесу. Первые речевые структуры, по-видимому, были комплексами, включавшими жест, указание на объект и звук, который сначала сопровождал его, а затем дублировал. Такое дублирование впоследствии могло заменить указующий жест даже при отсутствии объекта. Важно, что такой жест-звук подразумевал не только обозначаемый предмет, но и действие, направленное на него: «Возьми!», «Дай!», «Смотри!» и т. п., — императив, основу приказа и затем самоприказа. Это, по-видимому, и есть момент рождения воли. В пратолпе ряд звуковых сигналов, усиленных жестикующей, приобретал значение руководства к коллективному действию (первоначально бегству или нападению). Таким образом возникает цепочка: образ животного, которому надо подражать, — имитация его клыка (рога, бивня) в камне — использование орудия, сопровождаемое звуковым сигналом, приобретающим значение указания на действие, — возникновение плана действия,

обозначенного тем же звуковым сигналом. Появляется возможность оторваться от настоящего момента, перенестись в будущее благодаря озвучиванию намерения.

К. Маркс называл первобытную деятельность духовно-практической¹⁷. В самом деле, каменные орудия представляют собой одновременно и орудия практической деятельности, и в то же время фетиши — знаки, части первобытной праречи. Прачеловек создает орудия-знаки, занимается духовно-практической деятельностью, имитируя в качестве образцов животных, а значит, находясь в психологическом симбиозе с ними. Сделать следующий шаг, окончательно вырваться из животного мира, разорвать симбиоз с животным-образцом и превратить пратолпу в человеческий коллектив позволило овладение огнем, который одновременно представляет собой и природный объект, и противопоставлен живой природе. Однако именно благодаря огню произошло отделение прачеловека от других живых существ, и первый разведенный человеком огонь послужил прототипом природной стихии, подобно тому, как острое каменное рубило явилось дубликатом клыка или бивня. Его значение также удваивается — это не только полезный предмет, но и фетиш. Костер еще и место сбора, символ более тесной коммуникации, но вместе с тем ссорит прачеловека с его живыми тотемами. Пратолпа, т. е. уже человеческое сообщество, собирает около огня (центрального фетиша) остальные символы-фетиши своих природных тотемов как в виде реальных объектов (череп, рог и т. п.), так и в искусственной форме — изготовленные из камня, кости, глины или нарисованные на стене пещеры. Приручение огня не только увеличило шансы на выживание, но и ослабило связь прачеловека с природной средой, что побудило к рекомбинации имеющегося опыта. Свободная от природной необходимости деятельность в круге света костра предоставляет возможность выбора, возможность искусственной регуляторной системы на основе звуков и жестов.

¹⁷ Маркс К. Капитал: Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 189.

Прачеловеческое сообщество постоянно дублирует, удваивает природные объекты искусственными — фетишами, изображениями, подражательными движениями и жестами, — а затем дублирует дубликаты особым образом артикулируемыми звуками — собственно вербальными структурами. Из них выделяется несколько частей. Так, ритмические и подражательные движения и звучания выражают особые состояния и переживания, став материалом будущей художественной культуры. Вербальные дубликаты предметов и явлений становятся орудием познания: накопленные знания о мире фиксируются в словах и посредством их транслируются следующим поколениям при свете костра. А вот дубликаты действий становятся средством регуляции деятельности — началом воли.

Реконструкция становления волевой регуляции в онтогенезе

Рассматриваемая в статье идея появления волевой регуляции в ходе антропогенеза приводит к попытке выявить аналогичный механизм становления воли в онтогенезе современного ребенка. На досубъектной стадии в рудиментарном сознании младенца он и мать не разделены. Однако корни произвольных действий находятся именно в младенческом возрасте, и они напрямую связаны сначала с характером взаимодействия матери и ребенка, а потом и с окружающими ребенка взрослыми людьми в целом. В этом взаимодействии, с одной стороны, предпринимаемая матерью забота о младенце в физическом и психологическом планах подчеркивает очевидную зависимость ребенка от этой заботы, его беспомощность и пассивность (к примеру, младенец не может самостоятельно обеспечить себе удовлетворение жизненно важных потребностей в еде, воде и т. д.), но, с другой стороны, младенец постепенно начинает ощущать и различать сигналы собственного тела, определяющие его нужды и необходимый результат (например, когда ребенок голоден или ощущает какой-либо физический дискомфорт, он плачет, т. е. инициирует собственную активность, добываясь внимания окружающих

до тех пор, пока не получит ожидаемого им эффекта, так как он прежде уже получал необходимые результаты), а полученный опыт закрепляется в поведении малыша, что и служит отправной точкой развития его будущей субъектности.

Дальнейшее развитие произвольного поведения ребенка связано с его познавательной активностью, а также с его способностью наблюдать за действиями окружающих людей и повторять за ними¹⁸. Производимые в этот период ребенком манипуляции с предметами приводят его к установлению важного открытия: определенная последовательность действий влечет за собой определенные события. С этого момента ребенок выполняет какую-либо последовательность действия только ради конкретного результата, т. е. совершает эти действия целесообразно. Это способствует формированию внутреннего плана действия и, как следствие, развитию понимания ребенком цели действия.

Л. И. Божович подчеркивала важность роли символического праксиса для формирования внутреннего плана действия. Для удержания в памяти цели действия ребенку необходимо развивать способность не только оперировать различными предметами на основе знаний о них, но и умение представлять эти предметы в момент их реального отсутствия, благодаря чему поведение ребенка регулируется не только реальной, но и представляемой ситуацией¹⁹. Следует отметить, что в это время у ребенка бурно развивается речь. Принципиальным моментом служит то обстоятельство, что ребенок усваивает императивную форму речи: произносимые взрослыми команды «дай!», «принеси!» и т. п. Затем в ходе интериоризации приказ извне превращается в самоприказ, а слово-императив постепенно становится средством самоуправления, а значит с этого момента ребенок обретает контроль за своими действиями.

¹⁸ Эльконин Д. Б. Психология развития человека. М.: Аспект Пресс, 2001. 460 с.

¹⁹ Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 398 с.

Заключение

Субъектность как способность к самостоятельному планированию, программированию, осуществлению и контролю действий не дана от рождения. Она складывается постепенно, проходя ряд стадий, из которых центральное место занимает становление произвольности выполнения действий. К этому выводу приводит как анализ представлений о генезисе воли в истории психологии, реконструкция антропогенеза, так и наблюдения за психическим развитием детей в раннем возрасте.

Ключевым моментом развития субъектности служит фазовый переход от стадии подражания внешнему образцу к произвольному выполнению действий, который осуществляется

благодаря речи. Речевые конструкторы дублируют не только объекты и их свойства, но и действия с ними, в частности используется императив.

Слово оказывается орудием регуляции деятельности не только во внешнем, но и во внутреннем плане в форме самоприказа. При систематических повторениях волевой импульс в значительной степени утрачивает вербальную оболочку, сохраняя побудительную силу. Человек постепенно освобождается от диктата непосредственного окружения, получает возможность, по выражению К. Левина, «встать над полем», подчиняя свое поведение не внешней ситуации, а внутреннему плану. Таким образом, появление произвольности выполнения действий становится решающим моментом становления субъектности.

Литература

1. **Вильчек В.** Алгоритмы истории. М.: Аспект Пресс, 2004. 219 с.
2. **Ждан А. Н.** История психологии. М.: Академический проект, 2012. 592 с.
3. **Иванников В. А.** Психологические механизмы волевой регуляции. СПб: Питер, 2006. 208 с.
4. **Панов В. И.** Экопсихология: Парадигмальный поиск. М.; СПб.: Психологический институт РАО; Нестор-История, 2014. 304 с.
5. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. 2-е изд. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
6. **Хисамбеев Ш. Р.** Подражание как стадия развития субъектности // Год экологии в России: педагогика и психология в интересах устойчивого развития: сб. статей. М.: Перо, 2017. С. 481–485.
7. A general benevolence dimension that links neural, psychological, economic, and life-span data on altruistic tendencies / J. Hubbard and others // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2016. № 145 (10). P. 1351–1358.
8. A transactional analysis of the relation between maternal sensitivity and child vagal regulation / N. B. Perry and others // *Developmental Psychology*. 2014. 50. P. 784–793.
9. **Causadias J. M., Umaña-Taylor A. J.** Reframing marginalization and youth development: Introduction to the special issue // *American Psychologist*. 2018. № 73 (6). P. 707–712.
10. Do cherished children age successfully? Longitudinal findings from the Veterans Affairs Normative Aging Study / L. O. Lee and others // *Psychology and Aging*. 2015. № 30 (4). P. 894–910.
11. **Dweck C. S.** From needs to goals and representations: Foundations for a unified theory of motivation, personality, and development // *Psychological Review*. 2017. № 124 (6). P. 689–719.
12. **Gardner R. S., Ascoli G. A.** The natural frequency of human prospective memory increases with age // *Psychology and Aging*. 2015. № 30 (2). P. 209–219.
13. **Geary D. C.** The origin of mind: Evolution of brain, cognition, and general intelligence. New York: American Psychological Association, 2005. 459 p.
14. **Heijden van der A. H. C.** Attention and Action // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* / ed. Neil J. Smelser, Paul B. Baltes. Elsevier Science Ltd., 2001. P. 868–871.
15. Life experience and demographic influences on cognitive function in older adults / P. W. H. Brewster and others // *Neuropsychology*. 2014. July № 8 (6). P. 846–858. DOI: 10.1037/neu0000098.
16. **Llewellyn D. T.** Role and scope of regulation and supervision / *Handbook of Safeguarding Global Financial Stability*. 2013. P. 451–464.
17. **Risen J. L.** Believing what we do not believe: Acquiescence to superstitious beliefs and other powerful intuitions // *Psychological Review*. 2016. № 123 (2). P. 182–207.

18. **Sundstrom E.** Workplace environmental psychology // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / ed. Neil J. Smelser, Paul B. Baltes. Elsevier Science Ltd., 2001. P. 16593–16598.

References

1. **Vilchek V.** History algorithms. Moscow: Aspekt Press, 2004. 219 p.
2. **Zhdan A. N.** History of psychology. Moscow: Akademicheskiy proyekt, 2012. 592 p.
3. **Ivannikov V. A.** Psychological mechanisms of volitional regulation. Saint Petersburg: Piter, 2006. 208 p.
4. **Panov V. I.** Environmental psychology: a paradigm search. Moscow; Saint Petersburg: Psychological Institute of RAE; Nestor-Istoria, 2014. 304 p.
5. **Ryzhov B. N.** System psychology. 2nd ed. Moscow: T8 Izdatelskiye tekhnologii, 2017. 356 p.
6. **Khisambeev Sh. R.** Imitation as a stage of subjectivity development // The year of ecology in Russia: education and psychology in the interests of sustainable development: coll. of articles. Moscow, 2017. P. 481–485.
7. A general benevolence dimension that links neural, psychological, economic, and life-span data on altruistic tendencies / J. Hubbard and others // Journal of Experimental Psychology: General. 2016. № 145 (10). P. 1351–1358.
8. A transactional analysis of the relation between maternal sensitivity and child vagal regulation / N. B. Perry and others // Developmental Psychology. 2014. 50. P. 784–793.
9. **Causadias J. M., Umaña-Taylor A. J.** Reframing marginalization and youth development: Introduction to the special issue // American Psychologist. 2018. № 73 (6). P. 707–712.
10. Do cherished children age successfully? Longitudinal findings from the Veterans Affairs Normative Aging Study / L. O. Lee and others // Psychology and Aging. 2015. № 30 (4). P. 894–910.
11. **Dweck C. S.** From needs to goals and representations: Foundations for a unified theory of motivation, personality, and development // Psychological Review. 2017. № 124 (6). P. 689–719.
12. **Gardner R. S., Ascoli G. A.** The natural frequency of human prospective memory increases with age // Psychology and Aging. 2015. № 30 (2). P. 209–219.
13. **Geary D. C.** The origin of mind: Evolution of brain, cognition, and general intelligence. New York: American Psychological Association, 2005. 459 p.
14. **Heijden van der A. H. C.** Attention and Action // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / ed. Neil J. Smelser, Paul B. Baltes. Elsevier Science Ltd., 2001. P. 868–871.
15. Life experience and demographic influences on cognitive function in older adults / P. W. H. Brewster and others // Neuropsychology. 2014. July № 8 (6). P. 846–858. DOI: 10.1037/neu0000098.
16. **Llewellyn D. T.** Role and scope of regulation and supervision / Handbook of Safeguarding Global Financial Stability. 2013. P. 451–464.
17. **Risen J. L.** Believing what we do not believe: Acquiescence to superstitious beliefs and other powerful intuitions // Psychological Review. 2016. № 123 (2). P. 182–207.
18. **Sundstrom E.** Workplace environmental psychology // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / ed. Neil J. Smelser, Paul B. Baltes. Elsevier Science Ltd., 2001. P. 16593–16598.

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2019.32.4.04

ИССЛЕДОВАНИЕ САМОСОЗНАНИЯ ЛИЦ С НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА ПОСРЕДСТВОМ СИТУАЦИОННОЙ МЕТОДИКИ

Т. И. Кузьмина,
МГППУ, Москва,
ta-1@list.ru

Статья посвящена изучению самосознания лиц юношеского и взрослого возраста с нарушением интеллекта. Воздействие самосознания как регулятора социального поведения на формирование адекватного поля социализации лиц данной категории очень велико и прежде всего имеет значение для организации диалогических отношений субъекта с окружающим миром, предполагающим ситуационный запрос от пространства коммуникации и ответ субъекта в виде поступка.

Субъекту с умственной отсталостью очень сложно быть в диалогических отношениях с окружающим миром. Его поведение чаще всего неосознанно, импульсивно, реактивно. Говорить об истинной осознанности поведения относительно лиц с интеллектуальной недостаточностью не представляется возможным, однако понимание причин и последствий собственных поступков им доступно, особенно при специально организованном самопознании. При этом обращает на себя внимание их определенная беспомощность в решении реальных ситуационных задач, связанных с повседневной жизнью, но требующих от субъекта ориентировки, оценки и принятия решений, в том числе и морально-нравственного плана.

Автором представлено описание диагностической методики «Ситуации» (критериально-параметрическая база оценки), позволяющая исследовать отдельные аспекты самосознания лиц с умственной отсталостью в рамках решения ситуационных задач-кейсов и обоснования своих потенциальных поступков в связи с предложенной проблематикой.

В исследовании приняли участие 48 лиц с легкой умственной отсталостью в возрасте от 17 до 29 лет, учащихся и выпускников специальных (коррекционных) школ.

Результаты исследования продемонстрировали особенности ситуационного самопознания умственно отсталых лиц на всех тематических уровнях: 1) восприятие ситуации и потенциальное поведение в ней; 2) эмоциональное отношение к ситуации; 3) анализ индивидуальных основ поступка; 4) определение контекста поступка, его причин и следствий.

Ключевые слова: ситуационная диагностика; задача-кейс; лица с умственной отсталостью; нарушение интеллекта; самосознание; самопознание; Я-концепция; возраст; социализация; специальные (коррекционные) школы.

Для цитаты: Кузьмина Т. И. Исследование самосознания лиц с нарушением интеллекта посредством ситуационной методики // Системная психология и социология. 2019. № 4 (32). С. 39–51. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.04.

Кузьмина Татьяна Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной психологии и реабилитологии Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва.

E-mail: ta-1@list.ru

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2019.32.4.04

EXPLORING THE SELF-CONSCIOUSNESS IN PERSONS WITH INTELLECTUAL DISABILITIES USING CASE STUDY TECHNOLOGIES

T. I. Kuzmina,
MSUPE,
ta-1@list.ru

The article is devoted to the study of self-consciousness in individuals with impaired intelligence of adolescence and adulthood. The impact of self-consciousness as a regulator of social behavior on the formation of an adequate field of socialization of persons of this category is very large and, first of all, is important for the organization of dialogical relations of the subject with the outside world, which involves a situational request from the communication space and the subject's response in the form of an act.

It is very difficult for a person with mental retardation to be in dialogical relationships with the outside world. His behavior is most often not conscious, but impulsive, reactive. It is not possible to talk about true awareness of behavior in relation to persons with intellectual disabilities, however, they can understand the causes and consequences of their own actions, especially with specially organized self-knowledge. At the same time, certain helplessness in solving real situational problems related to everyday life, but requiring orientation, evaluation and decision-making from the subject, including the moral plan, is noteworthy.

The author presents the diagnostic methodology "Situations" (stimulus material and criteria-parametric assessment base), which allows to study individual aspects of self-consciousness of persons with mental retardation in the context of solving situational tasks (a case study technology) and substantiating their potential actions in connection with the proposed problems.

The study involved 48 individuals with mild mental retardation aged 17 to 29 years, students and graduates of special (correctional) schools. The results of the study demonstrated the peculiarities of situational self-knowledge of mentally retarded persons at all thematic levels: 1) perception of the situation and potential behavior in it; 2) emotional attitude to the situation; 3) analysis of the individual basis of the act; 4) determination of the context of the act, its causes and consequences.

Keywords: situational diagnostics; case study; persons with mental retardation; intellectual disabilities; self-awareness; self-knowledge; self-concept; age; socialization; special-needs school.

For citation: Kuzmina T. I. Exploring the Self-Consciousness in Persons with Intellectual Disabilities using Case Study Technologies // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 4 (32). P. 39–51. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.04.

Kuzmina Tatyana Ivanovna, PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of Special Psychology and Rehabilitation of the Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia.

E-mail: ta-1@list.ru

Введение

Проблематика изучения личности как социально-коммуникативного конструкта [7; 8] актуальна, на наш взгляд, в отношении тех субъектов с интеллектуальными нарушениями, кто в силу специфики своего состояния, повзрослев, способен к самостоятельной жизни и профессиональной реализации при условии своевременного и специально организованного психолого-педагогического сопровождения в детском, подростковом и юношеском возрасте. В данном случае

речь идет об умственной отсталости, определяемой «Диагностическим и статистическим пособием по психическим расстройствам» — ДСМ-5 (Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders, fifth edition, DSM-5) как умственная отсталость (нарушение интеллектуального развития) [9], а точнее, о лицах с легкой умственной отсталостью, которую кодом F.70 определяет «Международная классификация болезней десятого пересмотра» — МКБ-10 (International Classification of Diseases (ICD-10)). Юридически лица с легкой умственной отсталостью

в силу диагноза являются дееспособными и в медицинском аспекте не имеют инвалидности.

Социализация — это не только усвоение общественных норм и правил в сочетании с контролем своего поведения, но и способность субъекта к распознаванию наличной социальной ситуации, ее оценке и выбору возможных стратегий поведения при сохранении вариативности их реализации. Социализация — актуализация поведения, не только адекватного ситуационному контексту, но и аутентичного самому субъекту [12]. Одним из важных факторов регуляции социального поведения является самосознание человека. Самосознание — процесс получения неких представлений о себе на основании способности к самонаблюдению и самопознанию, а также умение осознавать бытийный аспект соотношения человека с окружающим миром и определение своего места в нем [15; 16].

Изучение самосознания как регулятора социального поведения лиц с нарушением интеллекта

Современные направления изучения самосознания вызывают дискуссии, в результате которых исследователи встают на сторону одной из альтернатив, являющихся попыткой ответа на вопрос о том, должны ли мы предполагать, что Я (Self) является своего рода представителем человеческого самосознания (Self-consciousness)? И если да, то какие характеристики должно иметь Я [14; 19; 20]? Ответ на данный вопрос может иметь под собой основания, изложенные в рамках нескольких точек зрения, расширяющих палитру взглядов на феномен Я. Например, в позиции отсутствующего Я (no-Self), не предполагающего наличия Я как такового и рассматривающего сознание как передатчик, отражающий реальность¹; в утверждении о том, что единственное предполагаемое Я — это

нарративное Я (narrative Self)², первоначально являющееся некоей абстракцией; во взглядах, отчасти уравнивающих между собой взаимоисключающие категориальные компоненты различных подходов к пониманию Я, и рассматривающие так называемое воплощенное Я (embodied Self), принимая во внимание, что это не метафизическая субстанция и не сущность, и для ее функционирования могут понадобиться стабильные необходимые и достаточные условия [14]. И в этой связи целесообразно рассматривать воплощенное Я как часть системы воплощенного познания (embodied cognition), подразумевающего, что когнитивная сфера может быть рассмотрена только в ее взаимосвязях с поведением и физическим телом, посредством которого субъект взаимодействует с окружающей средой. Воплощенное познание — предмет исследования социально-когнитивных психологических подходов, охватывающих вопросы социального взаимодействия и принятия решений [14]. Самосознание в такой трактовке является результатом интеграции воплощенного базового аффективного потока в связи с интенциональным объектом. Я в данном случае рассматривается и как деятель, и как центр притяжения воображения или мысли, «мысль субъекта, направленная на себя самого». И эта интеграция остается закрепленной в Я. Воплощенное Я представляет собой гибкую и изменчивую сущность, которая может быть конкретизирована только четкой теорией, в центре которой стоит самость³ [10].

Развитие самосознания и сохранение способности к самопознанию погружает человека в диалогический контекст «Я – мир» при обращении к себе и установлении многообразия системных взаимосвязей, в которые

¹ Metzinger T. The no-self alternative // The Oxford Handbook of the Self / ed. Sh. Gallagher. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 279–296.

² Dennett D. C. Consciousness explained. London: Penguin Books. 1992. 528 p.; Schechtman M. Stories, lives, and basic survival: a refinement and defense of the narrative view // Royal Institute of Philosophy Supplement. 2007. Vol. 60. P. 155–178. DOI: 10.1017/ S1358246107000082; Hardcastle V. Constructing the Self. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. 186 p. DOI: 10.1075/aicr.73.

³ Gallagher S. A pattern theory of self // Frontiers in Human Neuroscience. 2013. Vol. 7 (443). DOI: 10.3389/fnhum.2013.00443.

он неизбежно включен. По сути, самосознание — диалог с собой и миром, а самопознание — анализ качества этого диалога⁴ [6].

В силу интеллектуальных особенностей, специфики развития самосознания, дисфункции процесса обобщения, неспособности к абстрагированию, ограниченной возможности понимания контекста предъявленной ситуации и прогноза ее разрешения, лица разного возраста с интеллектуальными нарушениями проявляют в своем поведении следующие особенности:

- внушаемость и ведомость в отсутствие осознания формы и содержания как наличной ситуации, так и собственных поступков;
- асоциальные тенденции поведения;
- неадекватность действий в некоей проблемной ситуации и выраженные трудности ее оценки;
- сложность идентификации себя с собой в процессе осуществления поступка и последующей его эмоциональной и моральной интерпретации. Тем не менее анализ структуры и содержания биографических представлений умственно отсталых лиц подросткового и юношеского возраста обнаруживает относительное разнообразие словаря и диапазона индивидуальных концептов судьбы, взрослости, мечты, планов, счастья [2–5].

Трудности поведения детей и подростков, а также юношей и взрослых с умственной отсталостью не являются девиациями в чистом виде и предметом рассмотрения девиантологических концепций, поскольку выступают отражением нарушенной познавательной активности, специфики усвоения номинативно-семантического поля контекстуальных значений, особенностей считывания вербальных и невербальных посланий окружающего мира и коммуникативных интенций со стороны других людей.

Более того, специфика их поведения обусловлена не только первичным интеллектуальным нарушением, но качественным

своеобразием социальной ситуации развития в детском и подростково-юношеском возрасте, которая зачастую является неблагоприятной. И. А. Коробейников отмечает: «...к категории специфических условий социализации данного контингента детей следует отнести и патогенность семейных и школьных влияний, в связи с их широкой и устойчивой распространенностью»⁵. В связи с этим необходима работа, направленная на преодоление стереотипов неконструктивного реагирования на затруднительные ситуации, прежде всего в структуре межличностного взаимодействия со сверстниками и взрослыми; развитие способности к сотрудничеству, умения действовать по правилам; формирование доступных социально-коммуникативных навыков [1: с. 37].

Методический инструментальный исследование самосознания при нарушении интеллекта достаточно узок, но способность человека быть видимым в поступке, совершенном не только в связи с реагированием на ситуацию, но и на основе представлений о себе и о своих потенциальных способностях и возможностях, заслуживает особого исследовательского внимания [2; 3].

Субъект во взаимодействии со средой постоянно сталкивается со сложными, неоднозначными, изменяющимися ситуациями, требующими динамического контроля над своими эмоциями и поведением. Регуляция эмоций и последующее осуществление поступка (или эмоциональный контроль) относятся ко всем сознательным и бессознательным регуляторным стратегиям, с помощью которых физиологический, поведенческий или субъективный компонент эмоционального ответа изменяется или контролируется⁶. Стратегии регуляции когний и эмоций включают изменение восприятия эмоционального стимула (например, отвлечение внимания), его аффективную оценку (например, когнитивную переоценку) или связанную с ним поведенческую реакцию (например, контроль эмоционального

⁴ Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 284 с.; Пантеев С. Р. Методика исследования самооотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.; Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977. 144 с.; Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Теревинф, 2005.

⁵ Коробейников И. А. Нарушения развития и социальная адаптация. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 180.

⁶ Ochsner K. N., Gross J. J. The cognitive control of emotion // Trends in Cognitive Sciences. 2005. Vol. 9. P. 242–249. DOI: 10.1016/j.tics.2005.03.010.

действия)⁷. Важно отметить, что эффективность этих различных стратегий эмоционального контроля зависит от контекстуальных и личных требований⁸. Следовательно, способность гибко переключаться между различными стратегиями контроля над эмоциями, особенно в незнакомых и быстро меняющихся ситуациях, когда лучший ход действий не определен, оказывает существенное влияние на адаптивный эмоциональный контроль⁹ [11; 13; 18].

Суммируя все вышесказанное, важно отметить, что психологическим инструментарием, релевантно обеспечивающим запрос исследователя на изучение самосознания как регулятора социального поведения лиц с легкой умственной отсталостью, может стать именно ситуационная диагностика, имеющая своей целью познание основ поведения субъекта через анализ потенциального или реального поступка, который признается как экзистенциально-смысловое, эмоциональное бытийное, событийное наполнение межличностного и социального взаимодействия

субъектов. Поступок определяет действие человека в бытийном контексте и формирует его самого¹⁰.

Ситуационное самопознание Я субъекта функционирует, на наш взгляд, в рамках следующих тем: 1) восприятие ситуации и потенциальное поведение в ней; 2) эмоциональное отношение к ситуации; 3) анализ индивидуальных основ поступка; 4) определение контекста поступка, его причин, следствий и способов осуществления.

Ситуационная диагностика доступна как минимум на двух уровнях: поведенческом и вербальном. Поведенческий уровень — процесс наблюдения за субъектом и оценка специалистом параметров диагностики внешне видимых проявлений поведения (например, грубость, агрессивность или вежливость, тактичность и т. д.). Вербальный уровень ситуационной диагностики позволяет оценить потенциальную готовность субъекта поступить тем или иным образом с помощью знакомства с некоей гипотетически описанной ситуацией. Выполнение ситуационного задания связано с оценкой человеком действий героя текста в неоднозначной ситуации. От респондента требуется примерное предположение о том, как бы он поступил при прочих равных условиях в данной ситуации и каков его субъективный потенциал для поведенческих реализаций в ситуации, схожей с описываемой [2; 3].

При конструировании ситуационных методик для диагностики самосознания целесообразно, чтобы: 1) ситуация отражала некий проблемный запрос от окружающего мира, побуждающий субъекта к действию (без уточнения того, что было до описываемых событий и что будет после); 2) желательно, чтобы описываемые события были связаны с реальным поведенческо-практическим или профессиональным опытом субъекта; 3) в ситуации должны быть отражены элементы и событийные условия нравственного выбора, морального конфликта, психологических особенностей главного действующего лица; 4) текст должен быть подобран таким образом, чтобы реализовывать принцип диагностики и коррекции,

⁷ Ochsner K. N., Bunge S. A., Gross J. J., Gabrieli J. D. E. Rethinking feelings: an fMRI study of the cognitive regulation of emotion // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2002. Vol. 14. P. 1215–1229. DOI: 10.1162/089892902760807212; Ochsner K. N., Gross J. J. The cognitive control of emotion // *Trends in Cognitive Sciences*. 2005. Vol. 9. P. 242–249. DOI: 10.1016/j.tics.2005.03.010; Roelofs K., Minelli A., Mars R. B., Peer J. van, Toni I. On the neural control of social emotional behavior // *Social Cognitive and Affective*. 2009. Vol. 4. P. 50–58. DOI: 10.1093/scan/nsn036.

⁸ Aldao A. The future of emotion regulation research: capturing context // *Perspectives on Psychological Science*. 2013. Vol. 8. P. 155–172. DOI: 10.1177/1745691612459518; Sheppes G., Scheibe S., Suri G., Radu P., Blechert J., Gross J. J. Emotion regulation choice: a conceptual framework and supporting evidence // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2014. Vol. 143. P. 163–181. DOI: 10.1037/a0030831; Sheppes G., Levin Z. Emotion regulation choice: selecting between cognitive regulation strategies to control emotion // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2013. Vol. 7. P. 1–4. DOI: 10.3389/fnhum.2013.00179.

⁹ Bonanno G. A., Burton C. L. Regulatory flexibility: an individual differences perspective on coping and emotion regulation // *Perspectives on Psychological Science*. 2013. Vol. 8. P. 591–612. DOI: 10.1177/1745691613504116.

¹⁰ Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. Киев: Next, 1994. 384 с.

т. е. на самом материале диагностического задания возможна работа по коррекции неадаптивных установок, поведенческих ориентаций, личностных блоков; 5) вопросы по тексту должны предполагать возможность спонтанного, проективного и стандартизированного ответа и предусматривать как оценку респондентом поступка героя, так и потенциальную оценку вероятного действия самого респондента в подобных условиях наряду с аргументацией высказанной позиции; 6) в вопросах не должны использоваться уточняющие детали, подводящие к размышлениям определенного рода и наталкивающие на «правильный» или «желательный» вариант ответа.

Методики ситуационной диагностики для лиц с легкой умственной отсталостью целесообразно применять в контекстной соотнесенности с наличием у них асоциальных тенденций поведения. Такой подход обусловлен тем, что прогнозирование возможных трудностей социализации является основной целью психолого-педагогического сопровождения лиц данной категории. И особенно диагностически ценным представляется анализ индивидуальных основ поступка в том случае, когда социализация тем или иным образом уже нарушена.

Метод

Методика «Ситуации» для диагностики самосознания и поведенческих ориентаций лиц с легкой умственной отсталостью является авторской и была разработана в двух вариантах на основе материалов контент-анализа бесед, анкетирования, диалогов, наблюдений за лицами с легкой умственной отсталостью разного возраста, с последующим выделением пяти кейсов, наиболее актуальных ситуаций для учащихся и выпускников школы VIII вида, а также адаптированный и модифицированный взрослый вариант для совершеннолетних лиц, уже закончивших школу и живущих самостоятельно. Ситуации представлены с учетом гендерной специфики.

Анализ результатов выполнения вербальной методики «Ситуации» целесообразно проводить качественно-количественным

способом, используя следующие параметры оценки:

1) понимание респондентом задания и адекватное восприятие описываемой реальности (да / нет);

2) эмоциональный отклик респондента на описываемые события (да / нет);

3) доступный вариант ответа на вопрос о причинах итогового просоциального поступка героя и собственного потенциального поступка:

а) спонтанный: респондент самостоятельно и развернуто отвечает на вопрос, как поступит он в данной ситуации (доступен / не доступен);

б) проективный: респондент самостоятельно или с небольшой организующей помощью экспериментатора отвечает на вопрос: 1) «Почему герой так поступил?» или 2) «Что заставило героя так поступить?»¹¹ (доступен / не доступен);

в) стандартизированный: респондент выбирает один вариант ответа из ряда предложенных или дает свой ответ после ознакомления со списком предложенных вариантов (следует отметить, какие варианты ответа респондент выбирает);

4) позиция респондента по отношению к поступку героя: обвиняющая героя, оправдывающая героя, объясняющая контекст ситуации, иная позиция респондента по отношению к герою;

5) способность вникнуть в ситуацию и представить свои действия при подобных обстоятельствах, идентифицируя свой потенциальный поступок с итоговым просоциальным поступком героя текста: «Я поступил(а) бы так же» (да / нет);

6) наличие знаний о том, как нужно поступать в аналогичной ситуации, и их содержание.

В статье отражена часть пролонгированного исследования с применением методики «Ситуации», касающаяся диагностики

¹¹ Какой из этих вопросов будет доступен для понимания респондента, не важно, главное, наличие ответа.

самосознания как регулятора социального поведения лиц юношеского возраста и взрослых лиц с легкой умственной отсталостью в долгосрочной перспективе. В данной части исследования (с 2007 по 2019 г.) приняли участие 48 субъектов с умственной отсталостью (диагноз F.70 по МКБ-10). В процессе диагностики было проведено два среза: первый срез данных проводился ближе к окончанию специальной коррекционной школы (7–9-е классы), следующий срез — через 10 лет, когда респонденты уже закончили и школу и средние специальные учебные заведения, приобрели определенный стаж самостоятельной жизни. Из 48 респондентов удалось установить связь только с 16 в силу разных причин (переезд, смена работы, отказ от участия, тяжелые хронические заболевания, в том числе алкоголизм и наркомания, нахождение в закрытых исправительных учреждениях системы ФСИН, пропажа без вести, смерть).

На первом этапе (2007–2008 гг.) 48 респондентов в возрасте 16–19 лет, учащиеся выпускных классов коррекционных школ VIII вида, из них 27 — с асоциальными тенденциями поведения, выполняли методику «Ситуации-1». На втором этапе (2018–2019 гг.) 16 респондентов из данной группы в возрасте 26–29 лет, из них девять — с асоциальными тенденциями поведения, выполнили модифицированный вариант методики — «Ситуации-2». Кроме того, использовались метод вводной и заключительной беседы, наблюдение, анализ биографических данных.

Результаты и их обсуждение

Применение методики «Ситуации» показало следующие результаты. Юноши и девушки с легкой умственной отсталостью в целом справлялись с заданием, обращения за помощью были минимальны. Непонимание задания после прочтения носило единичный характер и отмечалось в двух случаях из 48 и после дополнительных разъяснений экспериментатора было преодолено. Такой высокий показатель доступности задания был обеспечен использованием при разработке методики

принципа соответствия материала интеллектуальным и лингвистическим возможностям субъектов диагностики с легкой умственной отсталостью. Эмоциональный отклик хотя бы на один кейс из пяти предъявленных в том или ином виде был получен от каждого респондента. В основном это были одобрительные кивки, сопровождавшиеся фразами: «Да... у нас так же было», «Знаю такую историю», «Ой, я в таком участвовал...» и т. д. — или неодобрительное, порицающее отношение к самой ситуации: «Так бывает часто...», «Это плохо...», «Мне вообще не понятно, зачем так делать...», «А вот я в Интернете видел про такое...». Эмоциональный отклик возникал и в адрес ситуаций, с которыми респонденты уже сталкивались, и в адрес ситуаций, знакомство с которыми происходило впервые на материале предложенных текстов.

Обращение к себе при анализе оснований поступка героя текста («Почему герой так поступил?») вызывало некоторые сложности в связи с необходимостью прибегать к самостоятельным рассуждениям и размышлениям, что представляет для умственно отсталых лиц очевидную трудность. Варианты ответа на вопрос «Что заставило его так поступить?» также были доступны. Ответ чаще всего был таким: «Да никто его не заставлял. Сам», «Хочет поступить правильно — поступает, а не хочет — то нет <не поступает>». Стандартизированный вариант (выбор из трех вариантов ответа или свой вариант после ознакомления с возможными вариантами) практически не вызвал трудностей при выполнении и был доступен 46 респондентам из 48 (95,83 %).

Ответы участников опроса отражают следующие виды оснований поступка героя: 1) желание помочь («Хотел(а) помочь», «Хотел(а), чтобы все было справедливо» и т. д.); 2) боязнь последствий («Испугался(-ась), что...», «Побоялся(-ась), что...» и т. д.); 3) извлечение личной выгоды («Хотел(а) показать, что...», «Хотел(а) казаться, чтобы...» и т. д.). Результаты первого опроса смотрите в таблице.

Кроме того, отвечая на вопросы, респонденты часто указывали на прямую зависимость характеристики личности субъекта поступка и сам поступок: «Если человек

Ответы респондентов 16–19 лет
на вопрос «Почему герой так поступил? / Что заставило его так поступить?»

Поведенческая ориентация респондентов	Виды оснований поступков героев анализируемой ситуации			
	Желание помочь	Боязнь последствий	Личная выгода	Сочетание трех видов основания
Лица с асоциальным поведением	–	18,5 % (5 чел.)	48,14 % (13 чел.)	33,35 % (9 чел.)
Лица с нормативным поведением	14,28 % (3 чел.)	23,80 % (5 чел.)	19,04 % (4 чел.)	42,88 % (9 чел.)

поступил плохо, он плохой», «Если поступает хорошо, он хороший».

В ходе данного этапа исследования были определены по критерию Спирмена значимые корреляции при критических значениях для $N = 48$, при $p = 0,05$ (0,29) и при $p = 0,01$ (0,37).

1. Корреляция между наличием у субъекта диагностики идентификации своего потенциального поступка с итоговым просоциальным поступком героя («Я бы поступил так же») и самостоятельно предпринятыми попытками определения индивидуальных основ поступка героя и своих гипотетических действий в данной ситуации: $r_s = 0,76$. Респондентом выбиралась позиция, объясняющая преимущественно контекст ситуации и оправдывающая героя. Характерны были такие ответы, как: «Он все правильно сделал...», «Поступил потому, что так надо было...», «В таких ситуациях только так и поступать...», «Ну а как бы вы сами поступили? Так же ведь, как он...».

Когда респонденты не декларировали готовность поступить так же, как и герой, попыток определить причины и основания его поступков было меньше. В основном использовались такие ответы: «Не знаю, почему так поступил...», «Я бы вообще так не поступил...», «Я в такой ситуации не буду...»; также встречалась обвиняющая позиция респондентов по отношению к герою: «Хотел, чтобы все думали, что он хороший», «Хотел крутым себя выставить», «Выставлялся напоказ, а сам на самом деле...». Достоверной статистической связи между отсутствием у респондентов идентификации своего потенциального поступка с итоговым просоциальным поступком героя и обвиняющей позицией по отношению к герою выявлено не было.

2. Корреляция между демонстрацией социально нормативного поведения и наличием понимания социальных норм: $r_s = 0,65$. У большинства субъектов диагностики, демонстрирующих просоциальное поведение присутствовало понимание того, как нужно поступить в предлагаемых ситуациях с точки зрения общества. При этом значимая корреляция между отсутствием знания о том, как следует поступать, и демонстрацией асоциальных тенденций поведения не выявлена.

Респонденты с асоциальными тенденциями поведения также демонстрировали знание того, как надо поступать правильно, что может быть объяснено высоким уровнем воспитательного воздействия в рамках коррекционного обучения. Однако такие знания не были реализованы ими в просоциальных поступках и не мешали поступать асоциально, что связано в большей степени с низким контролем поведения и сложностями саморегуляции. Свои асоциальные поступки респонденты объясняли импульсивностью и плохим контролем, самоконтролем («Я себя плохо контролирую»), собственной ленью, хитростью («Я хитрый»), личной выгодой («Мне это надо было, так сделать»).

3. Корреляция между попыткой самостоятельно обосновать поведение героя и наличием эмоционального отклика на предлагаемую ситуацию: $r_s = 0,47$. Попытки самостоятельного обоснования поступка героя сопровождалась эмоциональной вовлеченностью. Особенно яркими эти попытки были в случае, когда у одного и того же респондента присутствовало и наличие эмоционального отклика на ситуацию, и идентификация своего потенциального поступка с итоговым просоциальным поступком героя. При этом констатировались случаи, когда от респондента был получен

эмоциональный отклик, но отсутствовала идентификация своего потенциального поступка с просоциальным поступком героя. Так, способность эмоционально вовлекаться в ситуацию сама по себе не подразумевала способности обосновывать собственное поведение и гипотетическое поведение героев, но создавала, помимо инструкций экспериментатора, дополнительные мотивационные предпосылки для анализа чужого поведения и для формирования предположений о собственном возможном поведении.

Гендерных различий в выполнении методики достоверно выявлено не было, но не исключено, что их фиксация возможна на более обширной выборке респондентов данной возрастной группы.

В группе взрослых респондентов лицами с асоциальными тенденциями поведения оказались субъекты, не имевшие этих тенденций ранее, в период обучения в школе, и «приобретшие» эту асоциальность уже в процессе самостоятельной жизни и адаптации к различным ее условиям. В основном этими асоциальными тенденциями были злоупотребление психоактивными веществами и нелегитимные способы получения дохода, который был основным и не являлся дополнительным к доходу от профессиональной деятельности. У взрослых лиц с легкой умственной отсталостью трудностей понимания задания не было, но в то же время отсутствовал и высокий уровень эмоциональной погруженности в материал задания, какой отмечался на предыдущем возрастном этапе. Эмоциональное отношение к процедуре диагностики в целом и к материалу заданий в частности можно назвать легкой заинтересованностью. При этом респонденты методику не вспомнили, не соотнесли с аналогичным заданием, которое выполняли десять лет назад, что является скорее закономерной тенденцией, нежели уникальным случаем.

Спонтанные ответы на вопрос «Как бы поступили Вы?» давались взрослыми респондентами достаточно быстро, но по содержанию чаще были редуцированы и обобщены: «Ну, не так, как он...», «Не знаю...», «Спросите что-то полегче...», но встречались и полные ответы с попытками обоснования своей позиции: «Я бы сделал так, потому что...».

Обращение к себе при анализе оснований поступка героя текста («Почему герой так поступил?») в ряде случаев сопровождалось риторическим вопросом «Да какая разница почему?». Вариант вопроса — «Что заставило его так поступить?» — респонденты в основном не игнорировали и давали такие ответы: «У него, наверно, жизнь тяжелая, вот и сам себе не хозяин», «А как жить-то?», «Если б люди могли поступать, как они хотят, было бы совсем другое дело». Значение волевого компонента поведения на данном этапе для участников опроса было существенно менее значимо, нежели на предыдущем, когда человек, поступающий так или иначе, выступал хозяином своего поступка, практически, по мнению респондентов, не соотносясь с ситуацией. На данном этапе действующий субъект выступал своего рода жертвой обстоятельств, наступление которых для респондентов имело «обезличенный» вид и не зависело от желаний и возможностей самого человека. Стандартизированный вариант выполнения задания не вызвал трудностей, и в целом большинство ответов об основаниях и причинах поступка героя сводилось к извлечению им личной выгоды из сложившейся ситуации. Однако были ответы о желании помочь (2 чел.), боязни последствий (2 чел.).

Обнаруженная на первом этапе исследования корреляция между наличием у субъекта идентификации своего потенциального поступка с просоциальным поступком героя и самостоятельно предпринятыми попытками определения индивидуальных основ поступка героя, а также своих гипотетических действий в данной ситуации ($r_s = 0,46$) не достигает уровня статистической значимости, но приближена к нему при критических значениях для $N = 16$, при $p = 0,05$ (0,50) и при $p = 0,01$ (0,64). При этом корреляция,ходящая до уровня статистической значимости, существует между идентификацией собственного потенциального поступка с итоговым просоциальным поступком героя и оправдывающе-объясняющей позицией респондента в отношении него ($r_s = 0,77$). В отсутствие идентификации своего потенциального поступка с итоговым просоциальным поступком героя позиция по отношению к основаниям

и причинам поступка героя может быть и обвиняющей, и объясняющей. Отдельное внимание взрослые уделяли разбору ситуаций «Деньги», «Алкоголь» и «Справедливость». Респонденты четко представляли себе, что чужие деньги следует вернуть владельцу, но, оценивая свой потенциальный поступок, занимали следующую позицию: «Если бы я взял деньги, то не отдал бы. Но конечно, брать не стоит. Это все плохо кончится. Я уже знаю», «Я бы отдал, наверно... хотя нет. Мне нужнее». Ситуация «Алкоголь» вызвала больше всего эмоциональных откликов и казалась респондентам «смешной», «веселой», «юморной», что в их понимании объяснялось просто: «Кто ж откажется от предложенного халявного алкоголя? Дураков нет». Ситуация «Справедливость» у многих взрослых респондентов вызвала недоумение и следующие оценки действий героя: «Он что пришелец? Никогда я не видел, чтобы так себя вели люди», «Ситуации-то эти жизненные, поведение вот только у людей ненормальное».

Понимание общественных норм взрослыми умственно отсталыми лицами не является гарантией демонстрации социально нормативного поведения, уровень корреляции этих параметров не достигает уровня статистической значимости, но не отсутствует полностью ($r_s = 0,39$). Более того, они выражают гипотетическую готовность реализовывать просоциальность в поведении в соответствующих, по их словам, «удобных», «подходящих», «нормальных» условиях. При этом у взрослых субъектов диагностики есть и негативный опыт практического применения в поведении социально желательных паттернов, когда «поступал, как надо, а получил, что не надо». В пояснениях к ответам респондентов выявлена тенденция разделения оценки человека и его поступка («Человек хороший, а поступок плохой», «Ну бывает...», «Может с любым быть») наравне с тенденцией отождествлять их («Человек хороший, поступает хорошо»).

Необходимость адаптироваться к определенным условиям социальных реалий, в которой просоциальные основы поведения не всегда срабатывают или срабатывают во вред самому человеку и окружающим (например, человек, которого не берут никуда на работу,

начинает искать альтернативные и не всегда легальные источники дохода), у умственно отсталых взрослых лиц вызывает заметное волнение. Основой этого волнения они называют, прежде всего, нестабильное материальное положение, невозможность заработать и высокий уровень конкуренции на рынке труда. Во взрослом возрасте свое асоциальное поведение лица с умственной отсталостью объясняют не как на предыдущем этапе (результат лени, плохого самоконтроля и прочее), а как вариант выхода из той социальной ситуации, в которой они находятся, и как вариант взаимодействия с той реальностью, в которой приходится жить. «Мне надо как-то жить» (о способе заработка), «А что? Я нормальный человек. Имею право иногда расслабиться. Меня не так много чего радует, да вообще уже ничего не радует» (о злоупотреблениях психоактивными веществами).

Обнаружена взаимосвязь между направленностью асоциального поведения взрослых лиц с умственной отсталостью и эмоциональным откликом на ситуацию, касающуюся смежной темы. Встречались два типа реакций: положительная и отрицательная. Например, у субъекта диагностики, злоупотреблявшего психоактивными веществами, заметно снижался эмоциональный фон при разборе ситуации «Алкоголь», а у другого респондента, имевшего такие же проблемы, эмоциональный фон, наоборот, повышался, он шутил на эту тему. Или респондент, отбывавший ранее наказание за кражу, очень оживился, ознакомившись с кейсом «Деньги», и стал давать экспериментатору советы, как «правильно взять, чтобы не заметили» и «что ни в коем случае нельзя признавать свою вину и признаваться, а то повесят на тебя все... так адвокат сказал». Другой, заметно волнуясь, начал говорить шепотом: «Было такое, но я не отдал, ну и вы бы не отдали... Так? Да?»

В процессе заключительной беседы респондентам был задан вопрос, указывавший на разницу ответов на двух этапах исследования: «Когда мы раньше делали такую методику, Вы отвечали, что... А теперь Вы отвечаете, что... Почему? Что изменилось?» Контент-анализ позволил выделить несколько групп ответов: 1) «Изменилась жизнь»; 2) «Я другой»;

3) «Просто так» 4) «Не знаю»; 5) «Не знаю, но интересно, почему?»; 6) «Я вырос»; 7) «Я так отвечал? Нет... Не мог».

Заключение

Возможность использования понятийно-категориального конструкта «Воплощенное Я» для исследования самосознания при нарушении интеллекта предполагает рассмотрение феномена «Я» в связи с двумя составляющими: потенциальным или реальным поступком и эмоциональным откликом на происходящее, соотношением поступка с окружающей ситуацией и людьми.

Ситуационные вербальные методики демонстрируют возможность изучить самосознание в его потенциальном соотношении

с поведением у лиц с легкой умственной отсталостью и при акцентировании внимания исследователя на определенных тематических направлениях ситуационного самопознания респондента дают обширный материал для качественного анализа. Такой вид диагностики непрост и требует от исследователя внимания к большому объему критериальных параметров и их взаимосвязям, что делает сам процесс обработки достаточно длительным и сложным.

С помощью ситуационной диагностики возможна фиксация процессуальных изменений самосознания лиц с умственной отсталостью в разные возрастные периоды, что помогает отслеживать динамические изменения персонально-личностных конструктов, имеющих большое значение для формирования социализационных ресурсов личности и адаптационного потенциала.

Литература

1. **Коробейников И. А.** К портрету ребенка с легкой умственной отсталостью в современной образовательной среде // Сопровождение обучающихся с ограниченными возможностями здоровья на основе ФГОС: сб. науч. тр. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 110-летию пед. образования в Иркут. обл. / под ред. Е. Л. Инденбаум. Иркутск: ИГУ, 2019. С. 35–41.
2. **Кузьмина Т. И.** Изучение самосознания в контексте специальной психологии личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 4. С. 310–314.
3. **Кузьмина Т. И.** Психологическая диагностика самосознания лиц разного возраста с интеллектуальной недостаточностью. М.: НКЦ, 2016. 192 с.
4. **Стебляк Е. А.** Внутренний мир развивающейся личности при нормальном и нарушенном развитии: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2017. 484 с.
5. **Стебляк Е. А.** Формирование социальных представлений лиц с интеллектуальной недостаточностью: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2017. 344 с.
6. **Франкл В.** Логотерапия и экзистенциальный анализ: Статьи и лекции / пер. с нем. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 344 с.
7. **Brandts J., Cooper D. J., Fatas E., Shi Qi.** Stand by Me — Experiments on Help and Commitment in Coordination Games // Management Science. 2016. Vol. 62 (10). P. 2916–2936. DOI: 10.1287/mnsc.2015.2269.
8. **Fatas E, Mateu G.** Antisocial punishment in two social dilemmas // Frontiers in Behavioral Neuroscience. 2015. Vol. 9 (107). DOI: 10.3389/fnbeh.2015.00107
9. **Frances A. J., Widiger T.** Psychiatric diagnosis: lessons from the DSM-IV past and cautions for the DSM-5 future // Annual review of clinical psychology. 2012. Vol. 8. P. 109–130. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-032511-143102.
10. **Gallagher S., Daly A.** Dynamical relations in the self-pattern // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9 (664). DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00664.
11. **Koch S.B.J, Rogier B, Mars R.B, Tonia I, Roelofs K.** Emotional control, reappraised // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. 2018. Dec. Vol. 95. P. 528–534. DOI:10.1016/j.neubiorev.2018.11.003.
12. **Lenton A. P, Slabu L., Bruder M., Sedikides C.** Identifying differences in the experience of (in) authenticity: a latent class analysis approach // Frontiers in Psychology. 2014. Vol. 5:770. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.00770.

13. **Levy-Gigi E., Bonanno G. A., Shapiro A. R., Richter-Levin G., Kéri S., Sheppes G.** Emotion regulatory flexibility sheds light on the elusive relationship between repeated traumatic exposure and posttraumatic stress disorder symptoms // *Clinical Psychological Science*. 2016. Vol. 4. P. 28–39. DOI:10.1177/2167702615577783.
14. **Newen A.** The embodied Self, the pattern theory of Self, and the predictive Mind // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9 (2270). DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02270.
15. **Newen A.** The person model theory and the question of situatedness of social understanding // *The Oxford Handbook of 4E Cognition* / eds A. Newen, L. de Bruin, S. Gallagher. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 469–492.
16. **Newen A.** Understanding others — the person model theory // *Open Mind* / eds T. Metzinger, J. M. Windt. Cambridge, MA: MIT Press, 2015. P. 1049–1076.
17. **Oravecz. Z.** Hierarchical bayesian modeling for test theory without an answer key // *PSYCHOMETRIKA*. 2015. Vol. 80. № 2. P. 341–364. DOI: 10.1007/S11336-013-9379-4.
18. **Sheppes G., Scheibe S., Suri G., Radu P., Blechert J., Gross J. J.** Emotion regulation choice: a conceptual framework and supporting evidence // *Journal of Experimental Psychology. General*. 2014. Vol. 143. P. 163–181. DOI: 10.1037/a0030831.
19. **Weisberg J.** *Consciousness*. Cambridge: Polity, 2014. 184 p.
20. **Williford K., Bennequin D., Friston K., Rudrauf D.** The Projective consciousness model and phenomenal Selfhood // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9 (2571). DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02571.

References

1. **Korobeynikov I. A.** To the portrait of a child with mild mental disabilities in the contemporary educational environment / Supporting students with special health needs, based on the FSES: coll. of scientific works on the all-Russian scientific conference with international participation dedicated to the 110th anniversary of the teacher training in Irkutsk region / ed. by E. L. Indenbaum. Irkutsk: ISU, 2019. P. 35–41.
2. **Kuzmina T. I.** Study of identity in the context of the special personality psychology // *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2015. T. 4. № 4. P. 310–314.
3. **Kuzmina T. I.** Psychological diagnostics of self-awareness of persons of different ages with intellectual disorders. Moscow: NKTS. 2016 192 p.
4. **Steblyak E. A.** The inner world of the developing personality in normal and impaired development. Moscow: Flinta: Nauka, 2017. 484 p.
5. **Steblyak E. A.** Formation of social representations of persons with intellectual insufficiency. Moscow: Flinta: Nauka, 2017. 344 p.
6. **Frankl V.** *Logotherapy and existential analysis: articles and lectures*. Moscow: Alpina non-fiction, 2016. 344 p.
7. **Brandts J., Cooper D. J., Fatas E., Shi Qi.** Stand by Me — Experiments on Help and Commitment in Coordination Games // *Management Science*. 2016. Vol. 62 (10). P. 2916–2936. DOI: 10.1287/mnsc.2015.2269.
8. **Fatas E., Mateu G.** Antisocial punishment in two social dilemmas // *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. 2015. Vol. 9 (107). DOI: 10.3389/fnbeh.2015.00107
9. **Frances A. J., Widiger T.** Psychiatric diagnosis: lessons from the DSM-IV past and cautions for the DSM-5 future // *Annual review of clinical psychology*. 2012. Vol. 8. P. 109–130. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-032511-143102.
10. **Gallagher S., Daly A.** Dynamical relations in the self-pattern // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9 (664). DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00664.
11. **Koch S.B.J., Rogier B., Mars R.B., Tonia I., Roelofs K.** Emotional control, reappraised // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2018. Dec. Vol. 95. P. 528–534. DOI:10.1016/j.neubiorev.2018.11.003.
12. **Lenton A. P., Slabu L., Bruder M., Sedikides C.** Identifying differences in the experience of (in) authenticity: a latent class analysis approach // *Frontiers in Psychology*. 2014. Vol. 5:770. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.00770.
13. **Levy-Gigi E., Bonanno G. A., Shapiro A. R., Richter-Levin G., Kéri S., Sheppes G.** Emotion regulatory flexibility sheds light on the elusive relationship between repeated traumatic exposure and posttraumatic stress disorder symptoms // *Clinical Psychological Science*. 2016. Vol. 4. P. 28–39. DOI:10.1177/2167702615577783.

14. **Newen A.** The embodied Self, the pattern theory of Self, and the predictive Mind // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9 (2270). DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02270.
15. **Newen A.** The person model theory and the question of situatedness of social understanding // *The Oxford Handbook of 4E Cognition* / eds A. Newen, L. de Bruin, S. Gallagher. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 469–492.
16. **Newen A.** Understanding others — the person model theory // *Open Mind* / eds T. Metzinger, J. M. Windt. Cambridge, MA: MIT Press, 2015. P. 1049–1076.
17. **Oravecz Z.** Hierarchical bayesian modeling for test theory without an answer key // *PSYCHOMETRIKA*. 2015. Vol. 80. № 2. P. 341–364. DOI: 10.1007/S11336-013-9379-4.
18. **Sheppes G., Scheibe S., Suri G., Radu P., Blechert J., Gross J. J.** Emotion regulation choice: a conceptual framework and supporting evidence // *Journal of Experimental Psychology. General*. 2014. Vol. 143. P. 163–181. DOI: 10.1037/a0030831.
19. **Weisberg J.** *Consciousness*. Cambridge: Polity, 2014. 184 p.
20. **Williford K., Bennequin D., Friston K., Rudrauf D.** The Projective consciousness model and phenomenal Selfhood // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9 (2571). DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02571.

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2019.32.4.05

СИСТЕМНЫЕ ИДЕИ О ЧЕЛОВЕКЕ БОРЮЩЕМСЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Д. В. Иванов,
НГПУ, Новосибирск,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

В статье рассматриваются системные идеи, значимые для отечественной психологической традиции во второй половине XIX – начале XX в. относительно феномена борьбы и человека борющегося. Человек виделся отечественным мыслителям, поборникам образования и народного просвещения — В. И. Лядову, Н. Ф. Бунакову, П. Ф. Лесгафту, В. В. Гориневскому, — отстаивавших принцип развития в психологической мысли, как индивид, способный к саморазвитию, а также как личность, готовая к самосовершенствованию. Психологическим механизмом процесса развития и самосовершенствования человека, его личности определялся такой феномен, как борьба, которая позволяет проявить свою сущность, помогает достигать вершины развития, обретать собственный человеческий образ. Борьба значилась как личностно-ценностная, общественно-полезная, армейско-военная по своей причинности. С современных системных позиций борьба, ее характеристики, присущие конкретному человеку, позволяют диагностировать интеллектуальные, эмоционально-волевые, ценностно-мотивационные особенности личности, что имело свое обоснование, как показывает историко-психологическая реконструкция и психологическая интерпретация научных текстов (статей, брошюр, пособий, лекций, монографий), уже в отечественной психологической традиции во второй половине XIX – начале XX в. Идеогенез проблемы «человек борющийся», свойственный отечественной психологической традиции, содержит системные идеи (высказывания и взгляды) и парадигму, касающиеся способов становления и совершенствования такого человека.

Ключевые слова: системные идеи; психологическая традиция; системные позиции; система; самореализация; саморазвитие; человек борющийся; высказывания; парадигма.

Для цитаты: Иванов Д. В. Системные идеи о человеке борющемся в отечественной психологической традиции (вторая половина XIX – начало XX в.) // Системная психология и социология. 2019. № 4 (32). С. 52–64. DOI 10.25688/2223-6872.2019.32.4.05.

Иванов Денис Васильевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.
E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

UDC 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2019.32.4.05

**SYSTEMIC IDEAS ABOUT STRUGGLING MAN
IN RUSSIAN PSYCHOLOGICAL TRADITION
(THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES)**

D. V. Ivanov,
NSPU, Novosibirsk,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

The article deals with systemic ideas significant for the domestic psychological tradition in the second half of the XIX – early XX centuries regarding the phenomenon of struggle and struggling man. The person was seen to domestic thinkers, advocates of education and public education: V. I. Lyadov, N. F. Bunakov, P. F. Lesgaft, V. V. Gorinevsky, who defended the principle of development in psychological thought, as an individual capable of self-development, and a personality ready for self-improvement. The psychological mechanism of the process of development and self-improvement of a person, his personality was determined by such a phenomenon as «struggle», which allows you to express your essence, helps to reach the top of the development, to find your own human image. The struggle was listed as personally valuable, socially useful, army-military in its causality. According to the modern systemic positions struggle (its characteristics inherent in a particular person) allows to diagnose intellectual, emotional-volitional, valuable motivational features of personality, which had its justification, as shown by the historical and psychological reconstruction and psychological interpretation of scientific texts (articles, brochures, manuals, lectures, monographs), already in the domestic psychological tradition in the second half of the XIX – early XX centuries. The ideogenesis of the problem of struggling man, peculiar to the domestic psychological tradition, contains systemic ideas (statements and views) and a paradigm concerning the ways of formation and improvement of such a person.

Keywords: systemic ideas; psychological tradition; system positions; struggle; struggling man; statements; paradigm.

For citation: Ivanov D. V. Systemic Ideas about Struggling Man in Russian Psychological Tradition (the Second Half of the XIX – Early XX Centuries) // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 4 (32). P. 52–64. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.05.

Ivanov Denis Vasilievich, PhD in Pedagogics, Associate Professor at the Department of General Psychology and History of Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: *ivanovdirkutsk@yandex.ru*

Введение

Российская психологическая наука традиционно глубоко подходила к рассмотрению вопросов, связанных с человеком, а также с его индивидуальной и духовной ипостасями, совершенствованием личности¹ [1; 3–5; 9;

¹ *Алексеев В. А., Маслин М. А.* Русская социальная философия конца XIX – начала XX века: психологическая школа. М.: Исследовательский центр по проблемам управления качеством подготовки специалистов, 1992. 193 с.; *Ананьев Б. Г.* Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков: моногр. М.: ОГИЗ, 1947. 168 с.; *Большакова В. В.* Проблема формирования личности в русской психологической мысли XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра

психол. наук. Л., 1987. 32 с.; *Вержболович М. И.* Обзор главнейших направлений русской психологии: отд. отт. из журн. «Вера и разум» за 1895 г. Харьков: Тип. Губ. правл., 1985, 299 с.; *Кулешова Л. Н.* История отечественной психологии воспитания, 60-е гг. XIX–XX вв.: дис. ... д-ра психол. наук. Ставрополь, 1999. 379 с.; *Марцинковская Т. Д.* Национальное самосознание и его отражение в российской психологической науке (середина XIX – начало XX века): автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1994. 34 с.; *Наумова Д. В.* Проблема личности и ее развития в отечественной психологии (вторая половина XIX – первая треть XX): автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 18 с.; *Никольская А. А.* Возрастная и педагогическая психология в дореволюционной России. Дубна: Феникс, 1995. 336 с.; *Олейник Ю. Н.* История

10: с. 158–163, 197–206; 11; 12; 14: с. 231–279; 15; 16; 17; 18: с. 126–135; 20; 22; 23]. Особенно значимыми стали различные векторы во взаимодействии истории психологии и философии психологии, педагогических учений и социальной теории, ориентация на «интеграцию» психологического знания, психологической практики² [4; 5; 9; 11–13; 19: с. 72]. История отечественной психологической мысли сегодня крайне заинтересована в систематизации и комплексном изучении таких вопросов, поскольку это способствует обнаружению ее зон роста, актуальных на данном этапе развития³. Человек рассматривается не только как продукт конкретных общественных институтов (семьи и любви, воспитания и образования, здоровья и досуга, войны и труда, организации и власти), но и как индивид, способный к саморазвитию и личность, готовая к самосовершенствованию⁴ [2; 3; 6–8; 12; 20–22]. Психологическим механизмом процесса саморазвития и самосовершенствования человека отечественным мыслителям достаточно часто, еще со времен психологической мысли эпохи Древней Руси и Московского царства, виделся такой феномен, как борьба, которая позволяет человеку проявить свою сущность, помогает ему достигать вершины развития, обретать собственный образ.

становления и развития отечественной психологии индивидуальных различий: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1990. 24 с.; *Рыжов Б. Н.* История психологической мысли. Пути и закономерности. М.: Воениздат, 2004. С. 164–182.

² *Большакова В. В.* Очерки истории русской психологии (XIX – начало XX вв.): моногр. Ч. 1: Проблема формирования личности. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятского кадрового центра, 1994. 160 с.; *Виленская Э. С.* Об особенностях формирования русской освободительной мысли в XVIII веке // Вопросы философии. 1952. № 1. С. 114–128; *Олейник Ю. Н.* Указ. соч.

³ *Романова Е. С., Рыжов Б. Н.* История психологии с системных позиций // Системная психология и социология. 2014. № 1 (9). С. 5–15.

⁴ *Братусь Б. С.* К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3–19; *Кулешова Л. Н.* Указ. соч.; *Наумова Д. В.* Указ. соч.; О человеческом человеке: сб. / под общ. ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991. 384 с.; *Олейник Ю. Н.* Указ. соч.

Как психическая реальность, борьба выступает своеобразной мерой сущностного в человеке, дифференцирует интеллектуальную, эмоционально-волевую, духовную, нравственную сферы его личности.

Идеогенез проблемы «человек борющийся» у отечественных мыслителей содержит системные идеи и парадигму, касающиеся способов становления и совершенствования такой личности.

Определение борьбы и ее значимости в психологии человека

Психология человека многогранна и требует рассмотрения ряда вопросов, среди которых поиск тех психологических механизмов, которые будут способствовать их решению. Среди таких психологических механизмов, позволяющих человеку решать проблемы личного становления и самоосуществляться, в отечественной психологической традиции исследователями, учеными выделялась борьба. Борьба, инициируемая личностно-ценностными, армейско-военными и общественно-значимыми причинами, представленная философско-психологическими характеристиками, нашла отражение в отечественной научной литературе.

В отечественной психологической традиции человек, несмотря на теологические каноны, в соответствии с которыми создавалась «ученая книжность» эпохи Древней Руси, представлялся смиренным и деятельным одновременно, искавшим правильный в тонах церковной антропологии путь для земной жизни и борющимся за лучшее в собственных помыслах и действиях. Человек уже виделся мыслителям далекого прошлого борцом в своей жизнедеятельности. Психологическая мысль времен Московского царства продолжила самодвижение в направлении идеалов для борющегося человека в его жизни, хотя и под пристальным вниманием служителей церкви, часто высказывавшихся против нее и открыто противостоявших таким свободным поискам.

Однако пришедшая эпоха Просвещения и знаковая в историческом плане деятельность Петра I способствовали расцвету творческой

общественной мысли, а равно с ней и психологической, где активную позицию заняли уже светские писатели, научные деятели и просветители, подведшие психологическую мысль с ее столетними традициями в вопросах о человеческой душе, характере (норове), сущности индивида к оформлению в научное знание, превращению в самостоятельную науку в середине XIX в. (а именно в 1863 г., когда один из основателей российской психологической науки И. М. Сеченов издал свою работу «Рефлексы головного мозга»). Человек определялся ими как достойный счастья и готовый к борьбе за него.

Генезис борьбы, отрефлексируемый в научных текстах, получил во второй половине XIX – начале XX в. целостное психологическое осмысление в антропологическом звучании психологии, которая позволила понимать человека как борющегося, представить модель (парадигму) «человек борющийся».

В плане историко-психологической реконструкции и психологической интерпретации, содержащихся в отечественной психологической мысли представлений о «человеке борющемся», необходимо обратиться к тем высказываниям и идеям, которые признавались особо ценными в широком научном дискурсе, давали повод к осмыслению и описанию модели (парадигмы) человека борющегося. Поскольку российская психология до выделения в качестве самостоятельной отрасли знания прошла путь становления и развития в близком соприкосновении с философской (общественной) и педагогической мыслью, то и психологемы борьбы опирались у отечественных мыслителей на проблемно-смысловые ориентиры многовековой национальной традиции осмысления бытия, человека и его сущности. Проблема человека рассматривалась в рамках героизма, духовного самоуглубления и аскетизма, закаливания, активного противоборства обстоятельствам, неисчерпаемости личностного опыта, понимания и описания индивидуального и общественного бытия, поиска фундаментальных этических принципов и конкретной социальной и психологической практики, осознания вселенской широты и универсальности личности и цельности духа.

Нравственно обостренное отношение (Т. Н. Панченко) к собственному бытию и самому себе, потребность в совершении личностно-ценностных, общественно полезных, армейско-военных подвигов является сквозной моделью, характеристиками русского человека в их философско-психологическом осмыслении в источниках и текстах, исполненных в отечественной психологической традиции.

**Системные идеи и парадигма
«человек борющийся» в традициях
психологических высказываний
отечественных мыслителей
второй половины XIX–XX вв.**

В XIX в. проблемы человеческой природы и возможностей человека, среди которых выделялась борьба, не только оставались в фокусе интересов, но и служили началом психологической рефлексии о возможностях благополучного расцвета человека и его способностей. Приведенные ниже примеры взглядов и идей ряда российских мыслителей второй половины XIX – начала XX в. в общем позволяют представить парадигму «человек борющийся», столь значимую для отечественной психологической традиции.

Василий Иванович Лядов (1834–1892). В развитии личности, способной к борьбе, психолог и педагог В. И. Лядов выделял очень важное направление — развитие духовных способностей как возможность становления человека. Самого человека он видел природным существом с глубокими разнообразными способностями, поэтому «работы» с ним необходимо начинать уже с раннего возраста. Ориентируясь в определенной степени на идею о сообразности развития человека в соответствии с его природной сущностью, мыслитель отмечал, что развитие духовных способностей также должно осуществляться по этому главному правилу. Здесь важным становится постепенное созревание основных сущностных сил индивида, что является залогом успеха в развитии сообразно с природою, достижением вершины человеческого становления [12: с. 139]. Сам Лядов понимает

сущностные силы человека как духовные способности, подразделяя последние на мыслительные, «чувствительные» и «желательные».

Так, мыслительная способность человека позволяет ему приобретать «представления о предметах внешнего и внутреннего мира, соединяя отдельные представления в понятия»⁵. Чувствительная же способность обнаруживает себя как возможность человека ощущать приятное и неприятное по отношению к себе, а также помогает в принятии как таковой окружающей реальности. В то же время так называемая «желательная» способность человека позволяет ему проявлять свою волю, выражать желание чего-либо. Все три способности выделил Лядов в их неразрывной связи друг с другом, как «проявление одного и того же духа, неразрывно связаны между собою и потому при каждой деятельности обнаруживаются все вместе, с тою только разницей, что одна какая-нибудь преобладает над прочими»⁶.

Будучи последовательным в своих рассуждениях и высказываниях о природе совершенствования человека, умеющего противостоять неблагоприятным ситуациям в жизни и бороться за самого себя, Лядов называет главные условия его развития, среди которых:

- создание самой возможности для «возбуждения» определенной способности к деятельности с целью ее обнаружить («Каждый человек, например, имеет способность словесного языка, но эта способность не скажется, если человек будет лишен возможности слышать других людей»⁷);

- постоянное упражнение «возбужденной» способности для ее совершенствования;

- постепенный переход от легких упражнений к более трудным (принцип постепенности);

- соблюдение меры в упражнении способностей («Слишком продолжительное упражнение одной и той же способности ослабляет ее, а слишком кратковременное не развивает»⁸);

⁵ Лядов В. И. Руководство по воспитанию и обучению детей. 4-е изд. СПб.: Изд. Н. Г. Мартынова, 1879. С. 59.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 59.

⁸ Там же. С. 60.

- изучение личностных свойств и качеств («Успех развития способностей много зависит от приравнивания к личным свойствам... Только при знании личных свойств... можно успешно воздействовать на него (человека. — Д. И.). Средством для приобретения этого необходимого знания служит постепенное, беспристрастное и рассудительное наблюдение»⁹).

Условия, предлагаемые Лядовым, позволяют разрабатывать методологические основы парадигмы развития человека борющегося — индивида, достигающего совершенства своих потенциальных возможностей. Лядов предостерегает также от ошибочного заключения о человеке:

- 1) не все способности обнаруживаются с одинаковой силой, а следовательно, по деятельности одной нельзя говорить о проявлении прочих;

- 2) одна и та же способность в различных ситуациях может проявляться по-разному: «в одном отношении может действовать превосходно, а в другом слабо»;

- 3) живость и рассудительность человека в детстве «еще не служит признаком хороших способностей»¹⁰.

Основываясь на этом, можно было, по мнению мыслителя, анализировать познавательный потенциал и возможности человека, рассуждать о специфике и перспективах его совершенствования.

Вообще, для Лядова смысл в становлении человека, судя по его психологическим высказываниям, заключался в том, чтобы «заботиться о правильном развитии способностей, полученных от природы»¹¹, что возможно в том случае, когда к нему (человеку) относятся с любовью, пониманием и стремятся к познанию его интересов, желаний, мотивов, интенций борьбы. Благодаря этому человек восходит к себе как нравственная личность, а «желательные» способности (воля) служат «орудием» борьбы за духовность. Цель нравственного совершенства заключается в том, чтобы «сделать воспитанного человека

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 5.

нравственным»¹². Достигнув этой ступени зрелости (как определенного этапа совершенства), он сможет выходить «победителем из борьбы с представляющимися трудностями». Последние — это все, что мешает человеку в достижении совершенства на пути его восхождения к своей главной вершине — человечности, что составляет лично-ценностную причинность борьбы. Психология успеха в этом случае — в идентификации каждого с образом воспитанного человека — борца-победителя, достигшего вершины нравственного совершенства.

В представлении Лядова человек борющийся (как модель, как парадигма) — это личность, развивающая свои способности, использующая «орудие» борьбы, которая позволяет влиять на ее природные, духовные возможности. Развиваясь, человек нравственно совершенствуется, активно борется за духовные ценности, что позволяет быть успешным в становлении и достижении вершины личностного развития, развития богатства внутреннего мира (психики).

Николай Федорович Бунаков (1837–1904). Одним из тех, кто работал во второй половине XIX в. над вопросами развития человека, совершенствования его личности, был Н. Ф. Бунаков, внесший свой вклад как в общий ход развития психологической мысли, так и в становление детской и педагогической психологии в России.

Бунаков замечает «великое отличие» человека от всего окружающего мира. Он предпочитает говорить о человеческой жизни, выделяя в ней, кроме требуемого здесь роста, питания, жизненного движения, «вообще телесности», еще и мысли, чувства, желания человека, преобразующие его духовную деятельность. Им выделяется также речь как способность выражения самих мыслей, чувств, желаний индивида.

Телесное и духовное как составляющие жизнедеятельность человеческого существа рассматриваются в определенной взаимосвязи, поскольку понятие «душа» синонимично понятию «духовная деятельность». Мыслитель справедливо считает, что «дурное

настроение души бывает причиною вялого, болезненного состояния тела» и высказывается в пользу активной «душевной деятельности», побуждающей к действию органы тела, руки, ноги, язык¹³. Деятельное поведение и отношение к окружающей действительности — сугубо человеческое в человеке активном, борющемся по своей природе.

К самому пониманию проблемы человека борющегося Бунаков пришел через описание потребностей развивающейся личности. Основной потребностью признавалось жизненное движение, источником которого в бунаковской теории служит борьба, являющаяся, в свою очередь, основой воли, которая формирует характер человека¹⁴. Характер проявляется в стремлении человека к идеалам, за достижение которых он фактически борется всю жизнь. Причинно-следственная связь человеческой борьбы и жизни (активной «душевной деятельности») обнаруживается в совокупности тех желаний и представлений, которые возникают, слагаются и живут как в отдельных личностях (лично-ценностная борьба), так и в целом обществе (общественно полезная, армейско-военная борьба) и составляют неудовлетворенность и «жажду чего-то более совершенного». Человек в ходе своего «человеческого становления» постепенно вырабатывает и создает требуемые идеалы как в индивидуальной, так и в общественной жизни. В понимании Бунакова, идеалы являются практически недостижимыми, но не представляют собой что-то неподвижное, поскольку перерабатываются и сменяют друг друга. Во имя этих идеалов и идет борьба, приносятся жертвы. Чем возвышеннее и благороднее идеалы, чем более отчетливо они воспринимаются обществом людей, тем больше жизненного движения, а для человека больше нравственного достоинства и благородства¹⁵. В соответствии с этими взглядами человека необходимо готовить к жизни «с энергичной работой,

¹² Там же. С. 93.

¹³ Бунаков Н. Ф. Школьное дело для народных учителей и учительниц. Лекции. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1874. 442 с.

¹⁴ Бунаков Н. Ф. Избр. пед. сочинения / введ. ст. проф. В. З. Смирнова. М.: АПН РСФСР, 1953. С. 227.

¹⁵ Там же. С. 243.

с борьбой, с яркими и возбуждающими его душу идеалами»¹⁶. Борьба в конечном итоге в бунаковской теории сама становится тем идеалом, к которому необходимо стремиться.

Петр Францевич Лесгафт (1837–1909). Идеи, сфокусированные в парадигму о человеке борющемся, волновали П. Ф. Лесгафта, разрабатывавшего психологическую типологию личности, основы телесного совершенства и физического образования, проблемы телесно-духовного становления и совершенствования человека.

Примечательно, что Лесгафт различает в человеке две стороны — телесную и духовную, определяет воспитание как физическое и нравственное, под которыми подразумевает совокупность условий, когда у личности появляется «запас энергии, необходимой вообще для деятельности».

В одной из своих работ Лесгафт высказался следующим образом: «Чтобы молодой человек выработал в себе твердые и разумные убеждения и сделал истину основанием своих действий, он должен раньше всего сознательно владеть собой»¹⁷. Сознательное владение собой (внутреннюю, личностно-ценностную борьбу) и объективное отношение к окружающей действительности необходимо было развивать и совершенствовать. Человек самостоятельно, по внутреннему убеждению и благодаря поддержке, проходит путем борьбы, развивая ее навык.

Лесгафт настаивал на существовании неразрывной связи между физическим (телесным), личностным (духовным) в каждом человеке, и прежде всего на необходимости в развитии и образовании «человека с человеческими качествами и проявлениями»¹⁸. Он считал, что назвать человека истинно образованным можно в том случае, если тот настолько умеет владеть собой, что с наименьшей затратой сил может произвести наибольшую работу в наименьший промежуток времени, руководствуясь в своих размышлениях теми общими положениями

и истинами, которые способствуют проявлению творчества и индивидуальной борьбы.

Формирование человеческих качеств, по мнению Лесгафта, происходит в разнообразной деятельности. Определенным элементом становления человека, сочетающим такие виды деятельности, как обучение, игра, труд, являлась борьба. Для Лесгафта борьба — это и есть естественное «отправление» организма, ведущий конструкт человека, обозначение его сущности. Мыслитель уделяет борьбе внимание, считая, что это одно из самых древних и распространенных явлений человеческой жизни¹⁹. В своих глубоких, сочетающих зачастую историко-культурологические, антропологические, педагогические и психологические умозаключения исследования Лесгафт показывает эволюцию феномена борьбы в исторической ретроспективе, пытаясь определить морфологию ее проявления как средства, способа, цели в жизни человека и общества. Целевой, теоретический анализ творческого наследия Лесгафта показал, что, останавливаясь на проблемах психологии борьбы, он фактически говорит о многофункциональности противоборства, отмечает ее необходимость для развития личностных качеств.

В исследованиях Лесгафта мы находим утверждение, что во все времена, начиная с древнейших времен, в Средние века, эпоху Возрождения, Новое время, правильно организованная в любом своем виде, в каждом своем проявлении борьба может служить системой совершенства человека, поскольку способствует развитию его здоровой телесности, духовности, что является необходимостью для свободной и многосторонней, взрослеющей личности²⁰.

В своих рассуждениях Лесгафт исходит из понимания того, что природное в человеке проявляется, когда на него определенным образом влияет среда и он сам может ответно реагировать на возникающие здесь ситуации. Мыслитель предлагает различать людей по их стремлению проявить себя, т. е. быть активными или пассивными по отношению к окружающему миру. Поэтому, он предлагает

¹⁶ Бунаков Н. Ф. Избр. пед. сочинения / введ. ст. проф. В. З. Смирнова. М.: АПН РСФСР, 1953. С. 243.

¹⁷ Лесгафт П. Ф. Собр. пед. сочинений: в 5 т. М.: ФиС, 1953. Т. 4. С. 226.

¹⁸ Там же. М.: ФиС, 1951. Т. 1. С. 138.

¹⁹ Там же. М.: ФиС, 1953. Т. 4. С. 96.

²⁰ Там же. М.: ФиС, 1951. Т. 1. С. 90.

личностную типологию, где представлены следующие типы личности:

1) активные, с «деятельно-повышенными проявлениями», а именно — отраженно-опытный (лицемерный), подражательно-рассудочный (честолюбивый), разумно-самостоятельный (добродушный);

2) пассивные, с «инертно-угнетенными проявлениями», — рефлекторно-опытный (мягко-забитый), подражательно-рассудочный (угнетенный), разумно-исполнительный (угнетенный) типы личности.

Такая типология позволяет выявлять меру борьбы, ее внутренне-внешний, личностно-ценностный, общественно полезный, армейско-военный потенциал, значимый для человека борющегося.

Совершенствуясь в борьбе, индивид развивает свои человеческие качества, свою личность и благодаря этому входит в культуру и общество. Осознанность поведения, способность предвидеть последствия своих действий и отношений к другому, выяснять причинную связь явлений, прогнозировать ход событий, понимать их — это то, в чем выражается мудрость борющегося человека, а направляемые ею действия «настоятельно целесообразны».

Для Лесгафта вершиной в становлении борющегося человека является обретение им мудрости. Здесь он обнаруживает знание того наследия отечественной психологической мысли, которая издревле ориентировала человека на «собрание меда» премудрости жизни, указывала на «мудролюбие», нравственное отношение к жизни как на источник последующей душевной и общественной гармонизации жизни и творчества. Идеальный, а именно мудрый, человек борющийся личностно и социально ориентирован на успех в преобразовании себя, общества, окружающего мира. Он восприимчив к ценности борьбы в ее личностном, общественном, армейском аспектах.

В описании жизненного развития человека Лесгафт использует понятия «темперамент» и «инстинкты», где первое означает динамические характеристики нервной системы, а под вторым особо подчеркивались мыслителем те действия, которые помогают человеку становиться творческой личностью.

Приоритетными считались инстинкты любознательности, впечатлительности и имитации, становившиеся при определенных условиях, возникающих в жизни человека, движущей силой его умственного и нравственного совершенства. Такие инстинкты помогают человеку нормально развиваться, осваивать окружающий мир, обогащать свою речь, обретать достойные человеческие навыки поведения. Свое развитие обретают человеческие способности предвидеть и переживать чувства красоты, дружбы, любви, самоанализа, что влечет, в свою очередь, формирование нравственных оснований, которые есть вершины представлений человека о добре, правде, справедливости и свободе и за которые он борется, чтобы претворить их в свою жизнь.

История совершенствования человеческого тела, нравственного развития, представленная Лесгафтом, позволяет ему дополнить традиционный (известный) набор телесных качеств новыми составляющими, причем постоянными, образующими духовно-телесные центры, способствующие глубокому осознанию явлений борьбы. Борьба в творческом наследии Лесгафта, в его психологических высказываниях и построениях представлена во всем функциональном многообразии, что особенно важно для понимания ее места в психологических представлениях мыслителя. Функциональные возможности борьбы способствуют раскрытию человека в деятельности, содействуют его духовному росту, формированию естественного образа жизни, объединяют людей, интегрируют взгляды отдельного индивида непосредственно в систему коллективных воззрений и поведения, выработанного культурой.

Валентин Владиславович Гориневский (1857–1937). Взглядов Лесгафта, его психологических приоритетов и традиций отечественной психологической мысли придерживался В. В. Гориневский, который был уверен, что человек борющийся должен развиваться в ходе физического (телесного) и интеллектуального (духовного) совершенствования. Для Гориневского цель разумного образования заключена в равномерном воздействии и достижении гармоничного развития человека при условии, что приоритет отдается

«известным нам» знаниям о законах природы, которым «мы подчинены»²¹. Наблюдая в реалиях своего времени возрастающий интерес к телесно ориентированной практике самосовершенствования в виде физической культуры (рекреация, гимнастика) и спорта, Гориневский писал: «Слова “телесное воспитание, спорт, гимнастика” лет двадцать тому назад во всей Европе сделались лозунгом перевоспитания молодых поколений и спасения их от призрака вырождения, который стал сильно беспокоить всех, кому дорого будущее своего народа»²².

Гориневский как последователь Лесгафта понимал, что физическая культура, спорт, о которых он много писал, способны оказывать серьезное многоплановое влияние на эффективность интеллектуального, эмоционального, волевого (и нравственного) воспитания человека, становления его личности.

Особое значение в конце XIX – начале XX в. приобретает спорт [11: с. 81–91], как подчеркивают в современной психологии, именно он способствует и успешной социализации личности, и гармоничному формированию социальных и личностных ценностей²³.

Гориневскому, в контексте его психологических высказываний, человек виделся устремленным к вершинам своего совершенства. Однако вопросы, которые приходилось решать исследователю, зачастую связаны с преодолением косности в традиционном воспитании и телесно-духовном становлении его современников. Мыслитель видел в заорганизованном, не проявляющем телесную и духовную активность человеке серьезную психологическую и педагогическую проблемы, так как заорганизованный, телесно и духовно неактивный человек — это индивид без выраженного интереса к окружающему миру, он более «угоден» тем воспитателям, наставникам и родителям, которые не ведают, что они творят²⁴. Человек

представал вне своих телесных и духовных проявлений, что становилось «прискорбной» проблемой, уничтожающей «юношеский пыл, жизнерадостность, веселье» — показатели человеческого здоровья. Взамен этому насаждалось уныние, потеря смысла в жизни, ведущие к вырождению²⁵.

Мыслитель, понимавший сущность человека, предостерегал, о том, что лишь его телесное развитие, которое станет иметь «самодовлеющие цели», окажется, безусловно, «непригодным», поскольку, в этом случае оно приводит к «преувеличениям» и психологическим (нравственным) уродствам²⁶. Обращенность к витальности, формированию телесности претендует на почетную роль в общем становлении индивида только в том случае, когда его логично дополняет умственное и нравственное развитие.

Формирование телесности входит как неразрывная и составная часть в задачу по развитию ума и души человека. Телесное и духовное в проблематике совершенствования человека у Гориневского благоприятно сочетаются вследствие восприятия системных идей и взглядов отечественной психологической литературы, где отводится существенное место вопросам созидания нравственно ориентированного борющегося человека и передового западноевропейского опыта физического воспитания личности, где вопросы здоровья выступают приматом развития. Здоровье для человека — это ценность, актуализация которой позволяет говорить о его определенном психофизическом статусе. Для Гориневского физическое здоровье «определяется совокупностью всех физических сил, а не наличием тех, которые в борьбе за существование, хотя и приобретают большую ценность, но не свидетельствуют о высоком развитии индивидуума, хотя бы в одном физическом отношении»²⁷. Гориневский требует большего, нежели только физического развития

²¹ Гориневский В. В. Избр. произведения. Т. 1 / [под общ. ред. В. В. Гориневской]. М.: ФиС, 1951. С. 87.

²² Гориневский В. В. Физическое образование. СПб.: Родник, 1913. С. 51.

²³ Вяткин Б. А. Избр. психол. исследования индивидуальности: теория, эксперимент, практика. Пермь: Книжный мир, 2005. С. 107.

²⁴ Гориневский В. В. Избр. произведения. С. 76.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 87.

²⁷ Гориневский В. В. О закаливании человеческого организма, как средстве воспитания: в 2 ч. Ч. 1. Теория закаливания. СПб.: А. Альмединген, 1900. (Энциклопедия семейного воспитания и обучения / ред. П. Ф. Каптерев). С. 13.

человека, он обращается к духовно-личностным основам реализуемых практик совершенствования, сохранившихся в отечественной психологической традиции.

Развитый, здоровый человек у Гориневского есть действенный и мужественный; изнеженный, излишне чувствительный к любым изменениям, происходящим вокруг, напротив, — слабый, безвольный индивид. Мужество и его достижение, проявление в жизнедеятельности является признаком человека борющегося [12: с. 147]. Для развития мужества необходимо побороть излишнюю чувствительность, «добиться некоторого огрубления кожи и притупления кожных нервов», что приобретает постепенно, превращаясь в привычку. Гориневский предлагает практику формирования мужественной, умственно развитой личности — закаливание, позволяющее стать человеку «более способным к борьбе с неблагоприятными внешними условиями»²⁸. Закаливание напоминает практики аскетизма и исихазма, существенно значимые в христианской антропологии и отечественной психологической мысли и традиции.

Не менее важен, по мнению Гориневского, выраженный социальный интерес к становлению человека, способного к активности в условиях противоборства, проявлению себя в разнообразных ситуациях, требующих от него как физических, так и духовных усилий.

В процессе физического и нравственного совершенствования тело и душа человека приобретают новое качество, что становится актуальным для их психологического изучения и анализа.

В плане психологического анализа физически совершенного тела Гориневский выделяет у человека «боевые» способности, представляя их как некий сплав телесных и духовных потенциалов, призывает к их развитию, что приводит в конечном итоге к общему формированию личности²⁹ [20: с. 4].

Человек борющийся может быть «опознан» по проявлению у него «боевых» способностей, позволяющих ему личностно (духовно

и телесно) развиваться. Для Гориневского тот, кто достиг вершин телесного и духовного развития, определяющих внутреннее богатство (психику) и физическое совершенство, — это еще и красивый человек. Стремление к красоте тела, движений, выразительности чувств должно быть постоянным, «почитаться вполне законным, естественным». Для автора данных идей, их психологического обоснования это стремление столь же понятно, как «стремление к красоте речи, к красоте слога, как вообще все стремления человека к прекрасному»³⁰.

Гориневский определяет борьбу как духовную основу деятельности человека, поэтому мыслитель старательно доказывает, что сам характер упражнений в борьбе — это свободный выбор и природное, а главное, общественно значимое влечение индивида. Здесь отражаются и яркое проявление эмоций, и чувство наслаждения, доводящие «до самозабвения и высших пределов увлечения». Однако, первоочередным остается стремление к усовершенствованию, что показательно для взглядов Гориневского на природу человека.

Система представлений Гориневского включает взгляды и идеи, относящиеся к пониманию и объяснению взаимосвязей борьбы внешней (физической, витальной) и внутренней (духовной), комплексно развивающих человека.

В целом человек борющийся у Гориневского — это постоянно стремящийся к своему телесно-духовному совершенству индивид. Признавая важной для себя потребность в совершенствовании, он утверждает свою мужественность, являющуюся ценностью борьбы, обретает духовный рост в ходе самосовершенствования.

В современную психологическую традицию может быть адаптирован взгляд Гориневского на проблему соотношения телесного и духовного в становлении и развитии человека, обращенность к его психофизической потребности в самосовершенствовании, где свобода выбора определяет последующее эмоциональное и нравственное самосовершенствование, где духовное начало приоритетно,

²⁸ Там же. С. 4.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 92.

поскольку идеал мужества (человек борющийся) приемлет действенность в жизненной позиции, единство помыслов и свершений, утверждение морали и нравственности. Парадигма человека борющегося остается у Гориневского — последователя Лесгафта — востребованной в контексте ценности развития телесности, но с глубоким пониманием фундаментальности духовного начала.

В целом можно заключить, что идеогенез борьбы, представленный в высказываниях и идеях одного поколения отечественных мыслителей (Лядов, Бунаков, Лесгафт, Гориневский), имеет системный характер, он отразился в анализируемых текстах (их статьях, брошюрах, лекциях, пособиях и монографиях) второй половины XIX – начале XX в., получил целостное психологическое осмысление как в теории, так и в практике, что позволяет понимать человека, проявляющего себя в борьбе, представить модель (парадигму) «человек борющийся».

Заключение

Отечественная история психологической мысли — «весьма оригинальная часть развития мировой психологической науки», отражает в большом многообразии «особенности национального исторического пути»³¹, что подтверждает реконструированная базисная психологическая идея ценности и приоритета

³¹ Рыжов Б. Н. История психологической мысли. Пути и закономерности. М.: Воениздат, 2004. С. 164.

борьбы в жизни человека, тот комплекс представлений (системных идей) — высказываний о человеке борющемся, который позволял говорить о нем во второй половине XIX – начале XX в. В. И. Лядову, Н. Ф. Бунакову, П. Ф. Лесгафту, В. В. Гориневскому как о стремящемся к физическому (телесному) и личностному (духовному) совершенству, достигающему вершины саморазвития, обретения своего образа в индивидуальной, духовной и личностной ипостасях.

Мыслители, поборники образования и народного просвещения того времени, считали человека уникальным природным явлением с большим, присущим ему потенциалом, теми способностями и возможностями, которые необходимо развивать и реализовывать в своей личной и общественной жизни. Идеальным способом и условием, психологическим механизмом всеобъемлющего развития им виделась борьба в ее многообразной причинности (личностно-ценностой, общественно полезной, армейско-военной), свойственная каждому человеку.

С современных системных позиций [19; 20] борьба, «героические» характеристики, присущие конкретному человеку, позволяют диагностировать интеллектуальные, эмоционально-волевые, ценностно-мотивационные особенности личности.

Своеобразной же вершиной развития и совершенствования человека исследователи его природы видели в обретении им нравственной (человеческой) гармонии и достижении мудрости во взаимодействии с окружающим его миром людей и вещей.

Литература

1. **Аншакова В. В.** Предпосылки становления и развития проблемы личности в отечественной психологической мысли конца XIX – начала XX в.: моногр. Астрахань: Астраханский университет, 2006. 289 с.
2. **Аншакова В. В.** Проблема личности и ее проявлений в отечественной психологической мысли конца XIX – начала XX столетия // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 2. С. 79–93.
3. **Братусь Б. С.** Русская, советская, российская психология: конспективное рассмотрение. М.: МПСИ; Флинта, 2000. 88 с.
4. **Будилова Е. А.** Труды по истории русской психологической мысли, вторая половины XIX – начало XX века / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. М.: Наука, 2008. 390 с.
5. **Булах К. В.** Развитие научной психологической мысли в диссертационных исследованиях ученых Российской империи в XIX – начале XX века: моногр. Невинномысск: НГГТИ, 2004. 160 с.

6. **Волкова В. О.** Духовно-практическая компетенция как ценностно-смысловая основа психологической культуры человека // Психология обучения. 2007. № 10. С. 4–19.
7. **Воловикова М. И.** Представления русских о нравственном идеале: моногр. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИП РАН, 2005. 332 с.
8. **Вяткин Б. А.** Homo activus (человек активный) как научный продукт интегрального исследования индивидуальности в Пермской психологической школе // Активность – индивидуальность – субъект: XXIII Мерлинские чтения / научн. ред. Б. А. Вяткин. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 16–17.
9. **Гагаев А. А., Гагаев П. А.** Русские философско-педагогические учения XVIII–XX вв.: моногр. М.: Русское слово-РС, 2002. 464 с.
10. **Ждан А. Н.** История психологии: от Античности до наших дней. 7-е изд., испр. и доп. М.: Академ. проект; Фонд «Мир», 2007. 576 с.
11. **Иванов Д. В.** Этюды эссенциальной педагогики. Основные категории воспитания «человека борющегося» в российской психолого-педагогической мысли (XIX – начало XX в.): моногр. Иркутск: ИрГСХА, 2003. 212 с.
12. **Иванов Д. В.** «Человек борющийся» в неклассической российской психологии (конец XIX – начало XX в.): моногр. Иркутск: ИрГСХА, 2005. 252 с.
13. **Мазиллов В. А.** История психологии и философия психологии: необходимо взаимодействие // Вестник Вятского гос. гум. ун-та. 2014. № 2. С. 94–100.
14. **Марцинковская Т. Д.** История возрастной психологии: учеб. пособие. М.: Акад. проект; Трикта, 2010. 312 с.
15. **Мехтиханова Н. Н.** История отечественной психологии конца XIX – начала XX в. М.: МПСИ; Флинта. 2010. 192 с.
16. **Наумова Д. В.** Проблема личности в отечественной психологии (вторая половина XIX – первая треть XX века). Петропавловск-Камчатский: КГПУ, 2004. 190 с.
17. **Пинчук В. Ю.** Метафизическая психология в русском духовно-академическом теизме XIX века: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2004. 20 с.
18. **Помогайбин В. Н.** История психологии: эволюция основ: моногр. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. 520 с.
19. **Рыжов Б. Н.** Системная психология (методология и методы психологического исследования). М.: МГПУ, 1999. 277 с.
20. **Рыжов Б. Н.** Системная структура личности // Системная психология и социология. 2017. № 3 (23). С. 5–11.
21. **Семенов В. С.** О перспективах человека в XXI столетии // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 26–37.
22. **Сиземская И. Н., Новикова Л. И.** Идеи воспитания в русской философии. XIX – начало XX века: моногр. М.: РОССПЭН, 2004. 271 с.
23. **Урунтаева Г. А.** Теоретико-методические основы изучения воспитателем ребенка-дошкольника в истории отечественной психологии (вторая половина XIX – 20–30-е гг. XX в.): дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2003. 503 с.

References

1. **Anshakova V. V.** Prerequisites for the formation and development of the personality problem in Russian psychological thought of the late XIX – early XX centuries: monograph. Astrakhan: Astrakhan University, 2006. 289 p.
2. **Anshakova V. V.** The problem of personality and its manifestations in Russian psychological thought of the late XIX – early XX centuries // Methodology and the history of psychology. 2007. Issue 2. Vol. 2. P. 79–93.
3. **Bratus B. S.** Russian, Soviet, Russian psychology: an abstract. Moscow: MPSI; Flint, 2000. 88 p.
4. **Budilova E. A.** Proceedings on the history of Russian psychological thought of the second half of the XIX – early XX centuries: collection / rev. ed. by A. L. Zhuravlev, V. A. Koltsova, T. I. Artemyeva. Moscow: Nauka, 2008. 390 p.
5. **Bulakh K. V.** The development of scientific psychological thought in dissertation research by scientists of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries: monograph. Nevinnomyssk: NGGTI, 2004. 160 p.

6. **Volkova V. O.** Spiritual and practical competence as a value-semantic basis of a person's psychological culture // *Training Psychology*. 2007. № 10. P. 4–19.
7. **Volovikova M. I.** Representations of Russians on the moral ideal: monograph. 2-nd ed. M.: IP RAS, 2005. 332 p.
8. **Vyatkin B. A.** Homo activus (active person) as a scientific product of the integral study of personality in the Perm Psychological School // *Activity – individuality – subject: XXIII Merlin readings / scientific ed.* B. A. Vyatkin. Perm: PSPU, 2008. P. 16–17.
9. **Gagaev A. A. Gagaev P. A.** Russian philosophical and pedagogical teachings of the XVIII-XX centuries: monograph. Moscow: Russian word-RS, 2002. 464 p.
10. **Zhdan A. N.** History of psychology: from Antiquity to the Present. 7-th ed. Moscow: Academicheskyy Project; Fund Mir, 2007. 576 p.
11. **Ivanov D. V.** Studies of essential pedagogy. The main categories of upbringing of a «struggling man» in Russian psychological and pedagogical thought (XIX – beginning of the XX century). Irkutsk, 2003. 221 p.
12. **Ivanov D. V.** «A Struggling man» in non-classical Russian psychology (late 19th – early 20th centuries). Irkutsk, 2005. 252 p.
13. **Mazilov V. A.** The history of psychology and the philosophy of psychology: interaction is necessary // *Bulletin of the Vyatka state gum. university of 2014*. № 2. P. 94–100.
14. **Martsinkovskaya T. D.** History of developmental psychology. Moscow: Academicheskiiy Project; Trikssta, 2010. 312 p.
15. **Mehlikhanova N. N.** The history of Russian psychology of the late XIX – early XX century. Moscow: MPSI; Flint. 2010. 192 p.
16. **Naumova D. V.** The problem of personality in Russian psychology (the second half of the XIX – the first third of the XX century). Petropavlovsk-Kamchatsky: KSPU, 2004. 190 p.
17. **Pinchuk V. Yu.** Metaphysical psychology in the Russian spiritual and academic theism of the XIX century: PhD thesis. ... PhD in Philosophy. Moscow, 2004. 20 p.
18. **Pomogaybin V. N.** History of psychology: Evolution of the fundamentals. Moscow: OLMA Media Group, 2013. 520 p.
19. **Ryzhov B. N.** Systemic Psychology (Methodology and methods of psychological research). M.: MGPU, 1999. 277 p.
20. **Ryzhov B. N.** The system structure of personality // *System psychology and sociology*. 2017. № 3 (23). P. 5–11.
21. **Semenov V. S.** On the prospects of human in the XXI century // *Questions of philosophy*. 2005. № 9. P. 26–37.
22. **Sizemskaya I. N., Novikova L. I.** Ideas of education in Russian philosophy. XIX – the beginning of the XX century. Moscow: ROSSPEN, 2004. 271 p.
23. **Uruntaeva G. A.** Theoretical and methodological foundations of an educator for a preschool-child in the history of Russian psychology (the second half of the XIX – 20–30-ies of XX century): PhD thesis. ... in Psychology (PsyD). Saint Petersburg: St. Petersburg University, 2003. 503 p.

ИЛЬЯ РЕПИН: КРУГ ЖИЗНИ

Л. И. Бершедова,
Л. П. Набатникова,
Б. Н. Рыжов,
МГПУ, Москва,
BershedovaLI@mgpu.ru,
NabatnikovaLP@mgpu.ru,
RyzhovBN@mgpu.ru

В статье представлен системно-психологический анализ жизни и творчества Ильи Репина, чей 175-летний юбилей отмечают в этом году. Представленный подход позволяет, опираясь на знание объективно существующих стадий развития мотивационно-потребностной сферы человека, предложить аргументированный взгляд на побудительные причины его отношений с близкими людьми и смысл длительного творческого кризиса, который великий художник пережил на склоне своего жизненного пути.

С системно-психологических позиций дается оценка детства и юности художника; начала его творческого пути и обстоятельствам первого брака в период молодости; а также достижению творческих вершин в период зрелости. Особое внимание уделено психологической оценке творческих поисков художника на границе взрослого и среднего возраста, в 1890-е годы. Среди детерминант переживаемого Репиным в эти годы кризиса отношений с группами близких ему лиц выделяются как происходящий на его глазах закат прежней реалистической живописи, так и специфические для возраста 48–50 лет переживания кризиса середины жизни, связанного, согласно системно-психологической концепции, с завершением периода системного развития человека и началом периода сохранения присущих ему связей и отношений. Выходом из кризиса для Репина служит его увлечение преподавательской деятельностью в Императорской Академии художеств.

Согласно системно-психологическим представлениям средний возраст человека сменяется эпохой зрелости. Экзистенциальной доминантой этого периода является альтруизм. Человек возвращается к семейным ценностям молодого возраста, но с переносом акцента с собственно репродуктивных устремлений на психологическое взаимодействие и эмоциональную поддержку друг друга. Эта особенность возрастного развития является ключом к пониманию роли второго брака в жизни художника.

Наконец, особенностью пожилого возраста, приходящего на смену зрелому возрасту, является особое внимание к вопросам самоуважения и защиты своей личности, своего «Я». Эти ценности будут оставаться доминирующими на закате жизни Ильи Репина.

Ключевые слова: Репин; психология искусства; мотивационная сфера человека; системная психология; системный анализ; творчество; кризис реалистического искусства; системные периоды жизни человека.

Для цитаты: Бершедова Л. И., Набатникова Л. П., Рыжов Б. Н. Илья Репин: круг жизни // Системная психология и социология. 2019. № 4 (32). С. 65–78. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.06

Бершедова Людмила Ивановна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и практической психологии Института психологии, социологии и социальных отношений Московского педагогического университета, Москва.

E-mail: BershedovaLI@mgpu.ru

Набатникова Людмила Петровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и практической психологии Института психологии, социологии и социальных отношений Московского педагогического университета, Москва.

E-mail: NabatnikovaLP@mgpu.ru

Рыжов Борис Николаевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогической, возрастной и социальной психологии Института психологии, социологии и социальных отношений Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru.

UDC 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2019.32.4.06

ILYA REPIN: THE LIFE CIRCLE

L. I. Bershedova,

L. P. Nabatnikova,

B. N. Ryzhov,

MCU, Moscow,

BershedovaLI@mgpu.ru,

NabatnikovaLP@mgpu.ru,

RyzhovBN@mgpu.ru

The article presents a system-psychological analysis of Ilya Repin's life and work, whose 175th anniversary is celebrated this year. The presented approach based on knowledge of the objectively existing stages of person's motivation development allows us to offer some views of the motivating reasons for his relationships with people around him and the meaning of a long artist's block that he experienced on the decline of his life.

The artist's childhood and youth, the beginning of his career and the circumstances of his first marriage in his youth as well as achieving creative heights during his adulthood are assessed from a systemic psychological points. Particular attention is devoted to the psychological assessment of the artist's creative searches on the border of his adult and middle age in the 1890s. During these years Repin experienced the most critical period linked both to disagreements between him and his close people and the decline of the old realism art movement, unfolding before him. In addition, all this came against the mid-life crisis, that is specific for the age of 48–50 years and associated with the end of the period systemic development of a person and the beginning of the period of preservation of his inherent ties and relationships, in accordance with the system-psychological concept. Repin's interest in teaching at the Imperial Academy of Arts was the way out of that crisis for him.

According to systemic-psychological concepts, the average age of a person is replaced by the age of maturity. The existential dominant of this period is altruism. A person returns to family values of a young age, but with a shift in emphasis from the actual reproductive aspirations to psychological interaction and emotional support of each other. This feature of ages and stages personality development is the key to understanding the role of second marriage in the life of an artist.

Finally, the peculiarity of old age, replacing adulthood, is a special attention to issues of self-esteem and protection of one's personality, his "Self". These values will remain dominant at the end of Ilya Repin's life.

Keywords: Repin; psychology of art; motivational sphere; system psychology; system analysis; creativity; the crisis of realism art movement; system periods of person's life.

For citation: Bershedova L. I., Nabatnikova L. P., Ryzhov B. N. Ilya Repin: the life circle // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 4 (32). P. 65–78. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.06.

Bershedova Ludmila Ivanovna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor at the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: BershedovaLI@mgpu.ru

Nabatnikova Ludmila Petrovna, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: NabatnikovaLP@mgpu.ru

Ryzhov Boris Nikolayevich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogical, Developmental and Social Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

Введение

В этом году исполнилось 175 лет со дня рождения Ильи Ефимовича Репина. Творчеству и судьбе великого русского живописца посвящено огромное количество работ. Казалось бы, что можно добавить нового к описанию жизни человека, каждая, даже самая незначительная, из работ которого имеет подробное описание, а все наиболее, хоть сколько-нибудь значительные факты биографии хорошо известны специалистам? Однако нельзя не заметить, что большая часть посвященных Репину биографических исследований носит констатирующий характер: был, создал, встретился, прекратил отношения и т. п. [7; 10]. Работ, в которых предпринята попытка понять и объяснить внутреннюю необходимость эволюции взглядов художника, значительно меньше. Там же, где такая попытка все же присутствует, она чаще всего строится не на научном представлении о закономерностях развития человеческой личности в ту или иную историческую эпоху, а на весьма субъективном представлении о мотивах деятельности художника и интерпретации его поступков [1; 14; 16].

В этой связи существенное значение приобретает системно-психологический анализ жизни и творчества Репина. Опираясь на знание основных стадий развития личности и мотивационно-потребностной сферы человека [12; 13], системный анализ позволяет предложить аргументированный взгляд на побудительные причины его отношений с близкими людьми и объяснить смысл глубокого творческого кризиса, который великий художник пережил на склоне своего жизненного пути.

Методологические основания исследования

Методологической базой исследования является теория системной психологии и построенная на ее основе системная периодизация развития человека [12]. Согласно

этой периодизации полный цикл человеческой жизни включает четыре основные эры:

– эру становления, охватывающую первые 24 года жизни человека. С позиций системной динамики эта эра соответствует фазе интенсивного развития человека как особой биосоциальной системы и разделяется на две эпохи продолжительностью приблизительно двенадцать лет каждая: эпоха детства, актуальной задачей которой является развитие организма ребенка, и эпоха юности, актуальная задача которой — вызревание человеческой личности и обретение ею необходимых обществу знаний и умений;

– эру расцвета, охватывающую следующий 24-летний период и соответствующую фазе экстенсивного развития человека. Эта эра также включает в себя две двенадцатилетние эпохи: молодость, актуальным призванием которой является биологическая репродукция — создание семьи и рождение потомства, и взрослый возраст, главной задачей которого становится самореализация человека и репродукция социальных ценностей;

– эру сохранения, охватывающую период приблизительно от 49 до 72 лет и соответствующую системной фазе диссипации. Подобно предыдущим, эта эра также включает в себя две двенадцатилетние эпохи: средний возраст, актуальной задачей которого является сохранение социума и социальных ценностей; и зрелый возраст, актуальной задачей которого является забота о близких;

– эру инволюции, начинающуюся после 73 лет и соответствующую системной фазе распада и также включающую в себя две эпохи. Двенадцатилетняя эпоха пожилого возраста, продолжается приблизительно с 73 до 84 лет. Ее психологической доминантой становится сохранение человеком своей личности, своего «Я». Завершающая пора жизни — старость, или эпоха самосохранения, начинается с 85 лет.

На рисунке 1 представлена последовательность сменяющих друг друга эр развития

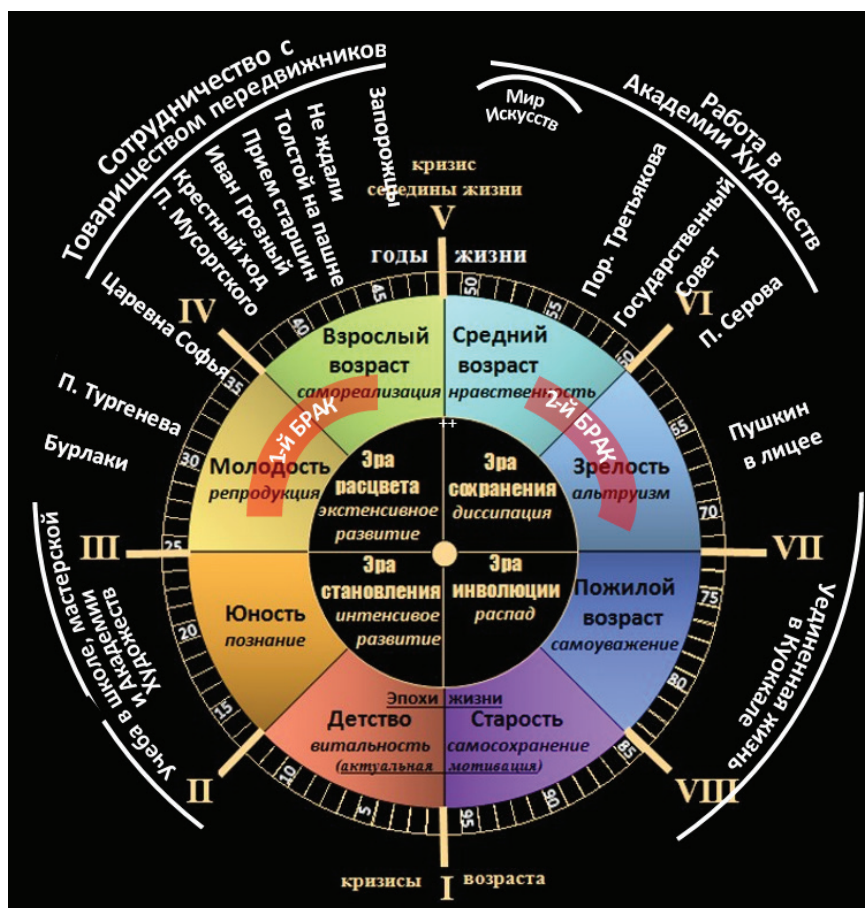

Рис. 1. Системные периоды жизни человека и наиболее важные события жизненного и творческого пути И. Репина

в виде «круга жизни», с которым соотнесены важнейшие периоды творческой, общественной и личной жизни Ильи Ефимовича Репина, а также время создания его наиболее значимых живописных произведений. Опора на этот метафорический круг позволяет объяснить системную динамику творческой активности художника и причины эволюции реального круга его жизненных интересов.

Детство и юность художника

Формирование личности человека — основная задача эпохи юности [3: с. 379–385; 8: с. 343, 357–363]. В этот период еще продолжается рост и физическое созревание организма, но в глазах общества они постепенно начинают уступать по своей значимости ценности социального развития человека

как личности и члена общества [11: с. 41–44]. Именно в период юности наиболее высоких, пиковых, за все время жизни человека достигает познавательная мотивация, направленная на создание новых элементов личности.

Однако корни любой человеческой личности уходят в детство и особенности жизни его семьи [2; 8]. Ранние годы будущего художника прошли в многопоколенной семье. Многие факты из воспоминаний Репина свидетельствуют о том, что его предки были старообрядцами. Воспитание детей в таких семьях основывалось на трех нравственных традициях: духовной порядочности, трудолюбии и телесной чистоплотности.

Дом Репиных считался достаточно богатым. Илье, равнодушному к эстетике быта, очень нравился вновь отстроенный родительский дом с широкими подоконниками, украшенными растениями, высокими потолками,

простой удобной мебелью, иконами на стенах. Совместное сосуществование поколений позволяет формировать у детей уважительное отношение к старшим членам семьи, взаимопонимание, прочные эмоциональные связи, сохраняющиеся на долгие годы. Взрослые приобщали детей к семейным традициям. Функции прародительской и родительской семей — сохранить и передать новому поколению элементы семейной культуры, привить любовь к русской литературе; эмоциональная привязанность к детям формировала у них чувство семейной идентичности и способствовала усвоению традиций. Репин не повторил жизненных стратегий предыдущих поколений. Но семейный багаж и эмоциональная атмосфера расширили возможности профессионального выбора и развития его способностей.

Детство для Репина закончилось в 13 лет, когда ему пришлось завершить короткий этап школьного обучения и, подобно многим гениям Возрождения, стать учеником в художественной мастерской. Несколько лет он будет развивать свой талант, занимаясь иконописью, пока, наконец, в 18-летнем возрасте не станет слушателем лучшего художественного училища России, Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге.

Молодость: начало творческого успеха и первая любовь

В наши дни все чаще упоминают кризис 25 лет, или кризис перехода от юности к молодости [2; 6; 12; 15; 17]. В его основе скрывается неготовность человека, все предшествующие годы занятого приобретением новых знаний, развитием своей личности и достижением физического совершенства, к погружению в мир взрослых забот и отношений [12: с. 181–182; 17]. Еще вчера, казалось бы, общество поощряло человека почти исключительно за результаты его учебной деятельности, а сегодня его личностное развитие уже никого не интересует, и успех отныне зависит лишь от того, что человек сам делает для общества.

Но для Репина этого кризиса не существует. Еще подростком ему пришлось зарабатывать

на жизнь своим мастерством. Теперь же, напротив, для него наступает пора профессионального, творческого расцвета. В самом начале периода молодости, в 27 лет, Репин создает свое первое значительное полотно — «Воскресение дочери Иаира» (1871), принесшее ему большую золотую медаль Императорской Академии художеств. А вскоре «Бурлаки на Волге» (1873) и целая галерея портретов знаменитых людей искусства заслуженно создают ему славу одного из лучших художников России.

Однако важнейшее назначение эпохи молодости, ее экзистенциальная доминанта — создание семьи и рождение нового поколения. Требование это одинаково актуально и для обычного человека, и для гения. И в этом смысле жизнь Репина не представляет исключения из общего правила. Еще в академии Репин часто посещал родительский дом своего приятеля Шевцова. Среди гостей молодые художники нередко находили удачные модели для своих полотен. Именно здесь Илья Репин нашел свою жену Верочку Шевцову, дочь хозяина дома. Молодые люди танцевали, играли в фанты. Вера умела быть внимательной собеседницей, с интересом слушала рассуждения художника об искусстве и живописи. Она благосклонно относилась к просьбам художника писать портрет и терпеливо позировала, выполняя его указания. Портрет 14-летней Веры Шевцовой, хранящийся в настоящее время в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге, был написан в 1869 году. В это время девушка становится музой художника. Молодой Репин привык к обществу девушки, она получала от него нежные письма в том случае, если они долго не виделись, но сама писем писать не любила и тем самым держала влюбленного в состоянии эмоционального напряжения.

Молодые люди обвенчались 11 февраля 1872 года, когда Репину шел 28-й год. Илья Ефимович с семьей провел в Париже около трех лет — с 1873 по 1876 год. Через два года после рождения первенца в Париже в 1874 году родилась вторая дочь Надежда. Семья увеличивалась, дети и жена становились источником творчества. Здесь были написаны детские портреты и поясной портрет любимой жены

Веры Алексеевны — изящной дамы в платье жемчужного цвета и шляпке со страусовым пером. Чуть позже, в 1879 году, Репин создал известный портрет своей жены с детьми среди луговых трав на картине «На меже».

По возвращению в Петербург в 1877 году семейство Репиных зажило «открытым» домом. Репин стал известным художником, находящимся в апогее славы и популярности. Представление об образе художника в эту счастливейшую для него пору дает его автопортрет 1878 года (рис. 2). Но именно в это самое время в его жизнь вкрадываются переживания и события, которые спустя несколько лет станут причиной острого психологического кризиса «завершения молодости», или кризиса 37 лет.

художнику и обращались к нему с этой просьбой. Репин не просто увлекался, он служил женщинам. Скромная и тихая Вера Алексеевна не могла освоить роль хозяйки светского салона, направляя заботу, внимание на воспитание четверых детей, она находилась в тени славы знаменитого художника.

Воспоминаниями о той психологически нелегкой поре для супружеской пары поделилась ученица художника Вера Верёвкина, в которую он был серьезно влюблен: свидетельница конфликтных отношений супругов, она сочувственно относилась к жене Репина, наблюдая ее огорчение по поводу очевидного равнодушия со стороны именитого супруга. Теперь моделями портретов художника становятся другие женщины. Один из них, портрет

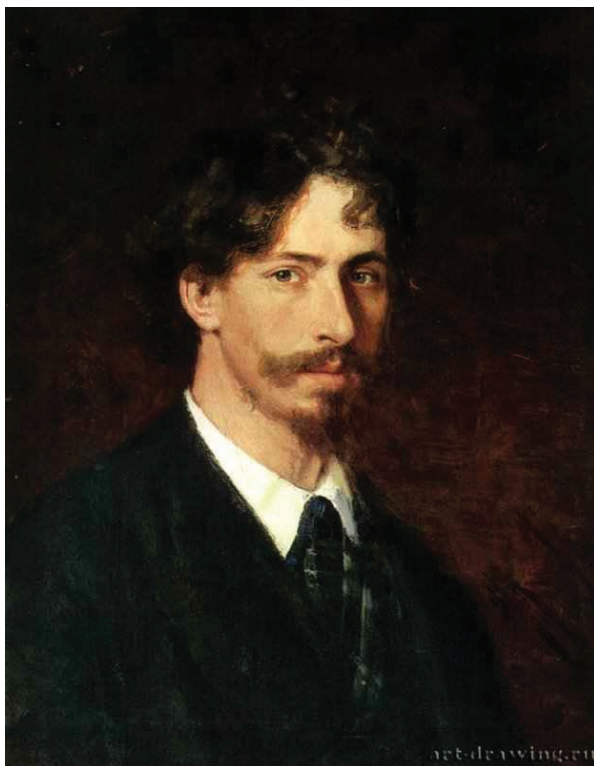

Рис. 2. И. Репин. Автопортрет. 1878 г. (34 года). Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

В многолюдном доме с большой залой для приема гостей, проведения концертов и вечеров встречались художники, актеры и музыканты, коммерсанты и писатели, ученые. В потоке гостей всегда были поклонницы Репина — дамы образованные, красивые, которые мечтали позировать знаменитому

Елизаветы Званцевой, в которую Репин также был влюблен, изображает уверенную в своей привлекательности молодую женщину с открытым взглядом карих глаз.

В общении супругов нарастала напряженность. Романтическая любовь осталась в прошлом. Полнота жизни для Ильи Ефимовича

определяется свободой творчества, утверждением своей уникальности как художника, безусловностью личной свободы. Принятые обязательства и ролевые супружеские ограничения оказались бесконечными, тягостными и непосильными, подрывающими творческие силы, вызывающими усталость [1]. Не последнюю роль в нарастающем кризисе сыграло и несовпадение духовных интересов супругов. Образовательный уровень супруги художника нельзя было назвать высоким. Теперь же обида на мужа и стремление отомстить за супружескую неверность стали источником участвовавших конфликтов, в которых она выплескивала свое раздражение не только на окружающих Репина людей, но и на его творчество.

Кризис «завершения молодости» растянется у Репина на несколько лет и предсказуемо завершится разрывом брачного союза, длившегося 15 лет. Старшие дети останутся жить у отца, младшие — у матери. Развод Репин пережил очень болезненно, и все же он был воспринят как средство, приносящее свободу от ролевых ограничений, обязанностей и внутреннего смятения.

Взрослость: вершины творчества и кризис середины жизни

Отчасти разлад семейной жизни Репина может быть связан с переходом от эпохи молодости к эпохе взрослого возраста. Экзистенциальная доминанта этой эпохи уже не биологическая репродукция, а самореализация, или репродукция социальная. Создание всего того, в чем общество находит свое материальное и духовное воплощение, — предметов, знаний, умений, образов и, конечно же, человеческих личностей, в которых отразилось создавшее их время.

Высшей и наиболее полной формой самореализации является творчество [5: с. 14]. В него Репин уходит с головой. В этот период он создает свои лучшие шедевры. В их числе знаменитые портреты Мусоргского, Толстого, Элеоноры Дузе. Обладающее поразительным психологическим эффектом полотно «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября

1581 года» (1885), которое, как бы ни относился к исторической достоверности изображенного события и трактовке образа великого государя, оказывает такое драматическое воздействие на зрителя, что уже не раз становилось предметом агрессии посетителей выставок.

В период взрослости, для большинства людей приблизительно совпадающий с эпохой 37–48 лет, Репин работает над, быть может, своим лучшим и самым известным произведением «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1880–1891). В это же время он впервые получает государственный заказ на создание изображения царствующего императора. Его итогом становится огромное полотно «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве» (1886). Во времена Рафаэля живописец непременно изобразил бы себя среди окружения царя. В конце XIX столетия такое, конечно, невозможно, но нам хорошо известно, как выглядел художник в эти годы благодаря его автопортрету 1887 года (см. рис. 3), созданному почти одновременно с выполнением госзаказа.

«Ревущими сороковыми» называют пространство между сороковым и пятидесятым градусами южной широты мореплаватели за внезапные штормы и постоянно дующие там в одном направлении сильные ветры, «оседлав» которые парусник стремительно летит по своему пути. Подходит это метафорическое выражение и для человека, переступившего сорокалетний рубеж. Устойчивый ветер избранных в молодости интересов несет корабль жизни по заданному маршруту. Лишь изредка налетевший ураган разворачивает корабль и заставляет капитана резко менять галс.

Попутным ветром для Репина в его «сороковые» стало сотрудничество с Товариществом передвижных художественных выставок, или передвижниками, — независимым объединением российских художников, стремившихся к сближению демократической интеллигенции с простым народом. Реформы Александра II захлестнули Россию, чрезвычайно обострив в образованных кругах протест против социального неравенства и тех социальных институтов, которые стояли на страже

Рис. 3. И. Репин. Автопортрет. 1887 г. (43 года). Государственная Третьяковская галерея, Москва

традиционных устоев порядка в стране. Репин сочувствует прогрессивным, как ему кажется, идеям и с энтузиазмом принимает предложение вступить в Товарищество, членом которого он становится еще на излете эпохи молодости, в 34 года. В последующий период он создаст целый ряд социально ангажированных работ, призванных без прикрас показать жизнь народа и, как тогда было принято говорить, «grimасы современного общества». Это вершины русского реалистического искусства конца XIX века — «Крестный ход в Курской губернии» (1883), «Не ждали» (1888), несколько вариантов «Ареста пропагандиста» (1889–1892).

Сотрудничество с передвижниками продлится до конца периода взрослости художника. Лишь однажды, в 1887 году, налетевший шторм разногласий прервет его на один год. Незадолго до этого Репин закончил выполнение государственного заказа, посвященного теме единства народа и царской власти. Странная тема для передвижника. Протестный настрой, который присутствует во многих полотнах членов Товарищества, находится в разительном противоречии с почти официальной

торжественностью «Приема волостных старшин Александром III», не говоря уж о том, что статус живописца Его Императорского Величества не очень подходит к образу демократически мыслящего художника. Однако это противоречие весьма характерно для мировоззрения художника. С одной стороны, он не мог остаться в стороне от идущих в обществе перемен, а с другой — всегда во всех своих художественных и общественных пристрастиях оставался консерватором в хорошем смысле этого слова. Наступит время и невозможность преодолеть это противоречие станет причиной его добровольной ссылки на дачу в Финляндии.

Не меньшим, а, возможно, и гораздо большим, угнетающим художника обстоятельством была нарастающая утрата академической живописью своих прежних позиций. Рождение Ильи Репина совпало с изобретением дагеротипии — прообраза современной черно-белой фотографии. Уже в середине XIX века дагеротипный портрет на покрытой серебряной пленкой медной пластине вытеснил привычную дотоле художественную портретную миниатюру. Теперь в Европе одни

художники становились фотографами, другие искали новые формы своего искусства, которые позволили бы живописи устоять в борьбе с наступающим на нее техническим прогрессом. В последней трети XIX столетия в живописи возникает новое течение — импрессионизм, представители которого отказались от академических традиций, предпочитая долгой и точной работе в мастерской пленэр и грубоватый, контрастный мазок.

Репин не желал следовать манере современного ему европейского искусства, находя в нем принципиальное расхождение со своим художественным восприятием. Об этом, живя в Париже, он неоднократно писал Стасову: «Учиться нам здесь нечему... у них принцип другой, другая задача, мирозерцание другое»¹. Репин был не готов видеть на полотне условность, всегда изображал настоящую жизнь. Однако процесс разложения традиционного искусства, которому он принадлежал всей душой, уже шел полным ходом, и остановить его было невозможно, и в жизни художника следует резкий поворот.

Завершение периода взрослости происходит приблизительно в возрасте 48 лет. Это время тяжелейшего кризиса в жизни человека — кризиса середины жизни, связанного, согласно системно-психологической концепции, с завершением периода системного развития человека и началом периода сохранения присущих ему связей и отношений. Важной чертой кризиса середины жизни становится стремление переосмыслить свои жизненные ценности и, нередко, попытка психологически заслониться от перспективы надвигающегося увядания и пока еще незаметной старости, обратившись взором назад, к ценностям молодого возраста.

Одним из проявлений этого кризиса станет быстрое сближение и столь же быстрый разрыв пятидесятилетнего маэстро с объединением «Мир искусства» и его основателями — художником Александром Бенуа и знаменитым театральным антрепренером Сергеем Дягилевым. Создатели «Мира

искусства» считались символистами, декадентами и провозвестниками нового стиля в изобразительном искусстве, который в России получит название модерна, а в Европе — ар-нуво и югендштиля. Однако они тяготели к русскому искусству XVIII – начала XIX века. Искли свои идеалы не в отрицании прежних традиций, а, напротив, в новом прочтении художественных образов, созданных великой европейской культурой. Восхищались ажурностью поздней готики и прихотливостью рококо, строгой размеренностью классицизма и великолепием ампира.

Символизм и любое отступление от реализма были для Репина глубоко чужды, но его увлекал талант и молодой задор мирискусников. Возможно, он видел в них «новую кровь», которая вольется в дряхлеющее академическое искусство. Но Дягилев и его единомышленники были решительными противниками как академизма, так и передвижников. Академизм, по их мнению, давно стал мертвым направлением, а передвижники переродились в профессиональных критиканов и не хотят ничего видеть, кроме лаптей и лохмотьев. Принятие такой оценки для Репина означало бы отрицание самого себя. Вскоре союз Репина и «Мира искусства» распадается и стороны переходят к взаимным и часто нелюдским и несправедливым обвинениям.

Средний возраст и зрелость: ученики и последняя улыбка судьбы

С позиций системной психологии экзистенциальная доминанта приходящего на смену взрослости среднего возраста — нравственность [12: с. 178]. Ее главным содержанием является забота об обществе и сохранении присущих ему ценностей, и прежде всего справедливости как основы нормальных отношений между людьми. В 49–60 лет человек даже далекой от творчества или преподавательской деятельности профессии нередко испытывает желание передать свой опыт и знания окружающим и особенно остро реагирует на любые проявления несправедливости.

Все эти тенденции отчетливо проявляются в судьбе Ильи Ефимовича. В том же

¹ Репин И. Е. Переписка: в 3 т. / И. Е. Репин, В. В. Стасов; письма подгот. к печати и примеч. к ним, сост. А. К. Лебедевым Г. К. Буровой; под ред. А. К. Лебедева. Т. 1. М.; Л.: Искусство, 1948. С. 80.

пятидесятилетнем возрасте, в 1894 году, он становится руководителем живописной мастерской Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге, своей альма-матер, где он тридцать лет назад начинал свой путь к славе. Репин горит желанием возродить славные традиции Академии, искренне полагает, что с его приходом она заживет новой, полнокровной жизнью, стряхнув с себя пыль скуки и псевдоучености, в которых ее обвиняли многочисленные оппоненты — от передвижников до представителей «Мира искусства».

Помня о своем бедственном материальном положении в студенческие годы, Илья Ефимович часто занимается несвойственным профессору делом, подыскивая для своих учеников должности художников в издательствах, строительных компаниях и иных местах, где они могли бы получить хотя бы небольшой заработок.

Тем не менее возродить Академию и создать свою школу ему так и не удалось. Имя Репина, безусловно, привлекало учеников, среди которых было немало будущих знаменитостей, однако педагогическим талантом Илья Ефимович, видимо, не обладал. Да и сама академическая живопись уже явно клонилась к закату. Время ее прошло и повернуть его вспять было не по силам даже самому талантливому художнику.

Но судьба предлагает своему любимцу еще один случай оставить свое имя в истории. В 1901 году, в возрасте 57 лет, Репин получил заказ от императора Николая Второго на выполнение колоссального коллективного портрета всех высших сановников тогдашней России. Картина называлась «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в день столетнего юбилея со дня его учреждения». Ее размер, более 35 квадратных метров, заставляет вспомнить титанические работы художников Возрождения. Однако полотно оставляет странное впечатление.

Мир знает несколько коллективных исторических портретов подобного масштаба. Среди них такие шедевры, как «Брак в Кане Галилейской», созданный Паоло Веронезе еще в середине XVI века, или «Коронация Наполеона» кисти Луи Давида. На каждой из этих картин мы узнаем множество знаменитостей:

вот славный французский король Франциск I и его могущественные современники, император Карл V и султан Сулейман Великолепный, — у Веронезе; вот Бонапарт и его знаменитые маршалы — у Давида. Картина Репина не менее великолепна. Все ее пространство занимает красный бархат кресел, золотое шитье мундиров и благородные седины 84 реальных исторических персонажей. Вот только у большинства сановников (не считая Витте и двух-трех путешественников) вместо лиц безликие маски, такие же пустые и незначительные, как и сами изображенные вельможи. Что ждет этих ничтожных людей в вплотную надвинувшуюся пору войн и революций? Куда приведут они великую страну? Гений художника запечатлел ответ на этот вопрос за пятнадцать лет до того, как на него окончательно ответит история.

Монументальное полотно «Заседание Государственного совета» была торжественно выставлена для всеобщего обозрения в Мариинском дворце Санкт-Петербурга в январе 1904 года. Ровно через год, 9 января 1905 года, по столице прокатились кровавые столкновения рабочих с войсками. Началась Первая русская революция. Ее кульминацией стало дарование императором Манифеста 17 октября, вызвавшего чрезвычайный энтузиазм либеральной общественности. В картине с тем же названием «17 октября 1905» Репин запечатлел восторг и безумство публики: взбудораженная толпа несет на руках своего кумира — взъерошенного человечка, по виду мелкого чиновника. Красные флаги, кричащие рты, бессмысленные лица. Законченная в 1911 году картина стала его своеобразным завещанием-предостережением, так и непонятым современниками.

Между тем в личной жизни мастера произошли очень важные для него изменения. Согласно системно-психологическим представлениям средний возраст человека сменяется эпохой зрелости, имеющей прилизительные временные границы 61–72 года. Экзистенциальной доминантой этого периода является альтруизм — забота о других, прежде всего о своих близких и родственниках. Человек как бы возвращается к семейным ценностям молодого возраста, но с переносом

акцента с собственно репродуктивных устремлений на психологическое взаимодействие и эмоциональную поддержку друг друга.

В 1900 году 56-летний прославленный художник соединяет свою жизнь с 37-летней писательницей Натальей Борисовной Нордман, происходившей из обрусевшей шведской семьи. Дочь адмирала, она была весьма образованной женщиной. Именно этого качества была лишена первая жена Репина. Поведение Нордман было ей под стать — непринужденное, свободное, иногда с некоторой экзальтацией.

На Всемирной художественной выставке 1900 года в Париже, где Репин был членом международного жюри, они оказались вместе с Натальей Борисовной и в дальнейшем уже не расставались, выбрав местом своего совместного проживания имение Нордман Пенаты, расположенное в Куоккале (Финляндия) в двух часах езды от Петербурга.

Репин гордился умом и знаниями супруги. Она владела шестью иностранными языками и переводила интересующие Репина статьи, не задумываясь, не обращая к словарям — прямо с листа. Наталье Борисовне удалось найти новую психологическую основу для супружеского союза, посредством активного участия в творчестве и организации жизни Ильи Ефимовича. С момента соединения их судеб она начала собирать и систематизировать всю опубликованную в прессе информацию о знаменитом супруге. Усадьба в Финляндии помнит их долгие интеллектуально насыщенные беседы.

Заботой и вниманием обусловлено ее вмешательство в распорядок жизни и рабочего времени мужа. Наблюдая за ситуацией, когда следующие один за другим визиты гостей препятствуют его работе, она назначила для посещений один день в неделю, организовала «среды», чтобы дать возможность художнику полноценно работать все остальное время.

По средам в дом съезжались яркие, деятельные люди, создававшие атмосферу стремительного развития русского общества, искусства и литературы. Приезжая в Пенаты, гости заходили в дом, как в другой мир: мастерская художника, в ней до сих пор сохранился запах краски и холстов, картины Репина на стенах в гостиной, низкая мебель,

сконструированный самим хозяином в 1909 году удивительный обеденный стол, на котором подача блюд регулировалась с помощью механических устройств. На цветных фаянсовых блюдах гости обнаруживали только вегетарианскую еду, в графинах виноградное вино и травяные отвары, чрезвычайно полезные, по мнению хозяйки. Наталья Борисовна была убежденной вегетарианкой и лично составляла меню для званых обедов. Однако многие гости недооценивали пристрастия к вегетарианству и, не желая оставаться голодными, съедали украдкой что-нибудь мясное в своих комнатах. Особенно весело в доме Репиных проходили Рождественские праздники. Замечательные елки придавали им сказочный колорит.

К инициативе введения «сред» для приема гостей очень одобрительно отнесся Корней Чуковский, справедливо полагая, что все действия Нордман обусловлены глубокой привязанностью и созданием наилучших условий для творчества гения.

К сожалению, экологическое мышление и новаторские идеи Натальи Борисовны иногда наносили непоправимый вред ее здоровью. Она категорически отказывалась носить меховые вещи, которые были неотъемлемой частью женского гардероба, и в любую стужу надевала легкое пальто, а потом страдала от жестокой простуды.

Второй брак Репина, казалось, счастливый и удачный, закончился трагически: Наталье Борисовне был поставлен диагноз — туберкулез. Неожиданные травматические переживания, восприятие жизни через призму своего заболевания побудили ее оставить мужа, отказавшись от его финансовой поддержки, и уехать [14]. Наталья Борисовна покинула имение Пенаты с намерением продолжить лечение за границей. Ее дни закончились в 1914 году в Локарно.

Пожилой возраст: к своим Пенатам

Особенностью пожилого возраста, границы которого приблизительно соответствуют возрастному диапазону 73–84 лет, является

подчеркнутое внимание к вопросам самоуважения и защиты своей личности, своего «Я» [12: с. 193]. Связано это с пониманием объективного снижения своих возможностей и часто достаточно обоснованными подозрениями, что окружающие будут с меньшим, чем прежде, вниманием относиться к словам и требованиям человека, отчасти утратившего прежний социальный статус. Нередко это приводит к тому, что пожилой человек начинает проявлять несвойственные ему ранее черты неуживчивости и чрезмерно настойчиво требовать скрупулезного выполнения даже самых незначительных пожеланий.

После ухода жены Репин придерживался заведенного ею образа жизни с вегетарианством и закаливанием. В воспоминаниях И. Бунина в полной мере отражена искренняя приверженность Репина заветам жены. По приглашению художника для написания портрета Бунин приезжает в Пенаты. Это честь — быть написанным самим Репиным, но встреча его обескураживает. Снежное, морозное утро, в доме художника все окна настежь: Репин встречает гостя в шубе и в валенках, ведет в мастерскую, где мороз как на улице и обещает по утрам его писать, а «завтракать как Господь Бог велел: травкой»². Писатель почувствовал, что подобные экологические принципы не соответствуют его мировоззрению и возможностям организма, вежливо раскланялся и, пообещав позировать в обозримом будущем, уехал в Петербург. Последний автопортрет художника, написанный им в 1920 году, позволяет нам увидеть Илью Ефимовича в возрасте 76 лет (рис. 4).

Репин мало работал в последние годы. Возраст брал свое. Но был и еще один момент. Наталья Нордман очень увлекалась фотографией, что было большой редкостью для женщин начала XX века. Именно это увлечение позволило ей запечатлеть Репина в разных ситуациях: за мольбертом, в обществе посетителей и гостей. Благодаря жене Репин был хорошо осведомлен об успехах, которые переживала фотография в то время. В XIX веке фотография оставалась черно-белой. Это лишало ее возможности конкурировать с живописью. Однако после того как в 1906 году

Вильгельм Бермполь наладил массовый выпуск камер для панхроматической съемки, а в 1907 году знаменитые братья Люмьер предложили свои пластинки «Автохром» для получения цветных диапозитивов, цветная фотография стала реальностью. Более того, именно в России ученик Д. И. Менделеева Сергей Прокудин-Горский создал коллекцию превосходных цветных фотопейзажей и цветных фотопортретов Льва Толстого. В 1908 году его коллекция была представлена в залах Императорской Академии художеств.

Не понимать, чем грозят новые технологии традиционной живописи было невозможно. Но и самой академической живописи в прежнем смысле слова к началу 1920-х годов уже не существовало. Императорская Академия художеств была упразднена сразу после установления советской власти. Ее место заняли Петроградские государственные свободные художественно-учебные мастерские. Пережив ряд преобразований, в 1930 году они были реорганизованы в Институт пролетарского изобразительного искусства. Здесь, как и в Европе, ценились уже совсем иные произведения. На слуху были имена Ван Гога, Пикассо и Модильяни, всходила звезда Малевича и Кандинского. Эпатажный «Черный квадрат» Казимира Малевича впервые был выставлен в Петрограде в 1915 году и имел успех. Вскоре Малевич уже формулирует в философских статьях свои взгляды на искусство, провозглашает новый вектор его развития — *supremus*, что означает «последний» и «высший». Супрематизм становится философско-эстетической концепцией, предписывающей преобразование живописи в другую духовную и материальную реальность. Живопись изживает. Малевич открыто заявляет: «О живописи в супрематизме не может быть и речи. А сам художник — предрассудок прошлого» (цит. по: [4: с. 189]). Он объявляет живописи своеобразную войну, утверждая необходимость «зарезать искусство живописное, уложить его в гроб и припечатать Черным квадратом» (цит. по: [Там же]).

Для Репина живопись была самой жизнью. Теперь нить жизни, связывающая его с миром, истончилась до предела и рвалась на глазах. По воспоминаниям художника-передвижника Я. Д. Минченкова, после Февральской

² Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М.: Советский писатель, 1990. С. 207.

Рис. 4. И. Репин. Автопортрет. 1920 г. Музей-усадьба «Пенаты»

революции 1917 года Репин последний раз приезжал в Академию художеств. Она умирала — бывшую Императорскую Академию финансировать было некому. После собрания художники расходились как с похорон. Прощаясь, академик Константин Маковский сказал: «Да-с, батеньки мои, надо и честь знать: пожили, свое сделали, а там пусть и другие что-либо скажут». Репин покидал Академию с грустью: «...А я — к холодным финским берегам, к своим пенатам... Прощайте!» [9: с. 39]. Вскоре грянет Октябрьская революция. Между Советской Россией и Финляндией пройдет граница, которую старый мастер уже не сможет преодолеть.

Заключение

Репин не мог знать, что именно на его родине, в России, реалистическая живопись испытает свой последний, неожиданный подъем, получив название искусства социалистического реализма, а само имя художника на многие годы станет символом лучших традиций отечественной культуры. Не мог знать, что всего через два года после его кончины в Ленинграде на базе прежней Императорской

Академии художеств будет создана Всероссийская академия художеств. Ее директором будет назначен его ученик, Исаак Бродский, поставивший задачу возродить традиции реалистической живописи в Советской России. В 1937 году в свет выйдет посвященная творчеству Репина монография И. Грабаря. Вскоре Репин будет объявлен классиком и самым талантливым представителем русского изобразительного искусства. А в 1947 году в нашей стране будет создана Академия художеств СССР. В ее состав войдет Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина в Ленинграде, расположенный все в том же прекрасном здании бывшей Императорской Академии художеств. Сегодня это старейшее и крупнейшее художественное учебное заведение страны называется Санкт-Петербургским ордена Трудового Красного Знамени государственным академическим институтом живописи, скульптуры и архитектуры имени Ильи Ефимовича Репина.

Литература

1. Алленова Е. М. Илья Репин. М.: Белый город, 2005. 65 с.
2. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб.: Питер, 2005. 940 с.
3. Обухова Л. Ф. Возрастная психология. М.: Юрайт, 2013. 460 с.
4. Опимах И. Живописные истории. О великих полотнах, их создателях и героях. М.: Ломоносовъ, 2014. 256 с.
5. Петрушин В. И. Психология художественного творчества. М.: Юрайт, 2017. 233 с.
6. Поливанова К. Н. Психология возрастных кризисов. М.: Академия, 2000. 184 с.
7. Прибульская Г. И. Репин в Петербурге. Л.: Лениздат, 1970. 295 с.
8. Психология человека от рождения до смерти. Психологический атлас человека / под ред. А. А. Реана. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 651 с.
9. Репин И. Е. Мысли об искусстве / сост. С. Бабанин. М.: Эксмо, 2019. 160 с.
10. Репин И. Е. Далекое близкое. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. 400 с.
11. Романова Е. С., Рябов В. В. Психологические аспекты в творчестве Ф. М. Достоевского. М.: МГПУ, 2007. 171 с.
12. Рыжов Б. Н. Системная психология. 2-е изд. М.: Т8 Издательские технологии, 2017. 356 с.
13. Рыжов Б. Н. Системная структура личности // Системная психология и социология. 2017. № 3 (23). С. 5–11.
14. Шило А. В. Репин: очерки поэтики и творческого метода. Белгород: Белгородский гос. технологический ун-т им. В. Г. Шухова, 2013. 383 с.
15. Baltes P. B., Reese H., Nesselroade J. Life span developmental psychology: Introduction to research methods. London, UK: Psychology Press, 2014. 286 p.
16. Jackson D. The Russian vision: the art of Ilya Repin. Washington: D. A. P., 2007. 304 p.
17. Robinson O. A Longitudinal mixed-methods case study of quarter-life crisis during the postuniversity transition: Locked-out and locked-in forms in combination // Emerging Adulthood. 2018. № 7 (3). P. 167–179. DOI: 10.1177/2167696818764144.

References

1. Allenova E. M. Ilya Repin. Moscow: Belyi gorod, 2005. 65 p.
2. Craig G., Baucum D. Developmental psychology. Saint-Petersberg: Piter, 2005. 940 p.
3. Obukhova L. F. Developmental psychology. Moscow: Yurait, 2013. 460 p.
4. Opimakh I. A picturesque history. On the great paintings, their creators and heroes. Moscow: Lomonosov, 2014. 256 p.
5. Petrushin V. I. The psychology of art creation. Moscow: Yurait, 2017. 233 p.
6. Polivanova K. N. The psychology of life crisis. Moscow: Akademia, 2000. 184 p.
7. Prybul'skaya G. I. Repin in Saint-Petersberg. Leningrad, 1970. 295 p.
8. The psychology of a person from birth to death. Psychological Atlas of a human / ed. by A. A. Rean. Saint-Petersberg: Praym-EVROZNAK, 2007. 651 p.
9. Repin I. E. Thoughts about Art / compiler S. Babanin. Moscow: Eksmo, 2019. 160 p.
10. Repin I. E. The distant is the close. Memories. Moscow: Zakharov, 2002. 400 p.
11. Romanova E. S., Ryabov V. V. Psychological aspects of F. M. Dostoyevsky's art. Moscow: MGPU, 2007. 171 p.
12. Ryzhov B. N. System Psychology. 2-nd ed. Moscow: T8 Izdatelskiye tekhnologii, 2017. 356 p.
13. Ryzhov B. N. System structure of personality // Systems Psychology and Sociology. 2017. № 3 (23). P. 5–11.
14. Shilo A. V. Repin: the essays of poetics and creative methodology. Belgorod: BSTU named after V. G. Shukhov, 2013. 383 p.
15. Baltes P. B., Reese H., Nesselroade J. Life span developmental psychology: Introduction to research methods. London, UK: Psychology Press, 2014. 286 p.
16. Jackson D. The Russian vision: the art of Ilya Repin. Washington: D. A. P., 2007. 304 p.
17. Robinson O. A Longitudinal mixed-methods case study of quarter-life crisis during the postuniversity transition: Locked-out and locked-in forms in combination // Emerging Adulthood. 2018. № 7 (3). P. 167–179. DOI: 10.1177/2167696818764144.

УДК 316

DOI 10.25688/2223-6872.2019.32.4.07

СИСТЕМНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ БЕЗОПАСНОГО ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ¹

П. А. Кисляков,
РГСУ, Москва,
pask.81@mail.ru

В современных условиях процесс формирования социальной идентичности молодого поколения осложняется потребительским отношением к жизни, недостаточным уровнем социально-психологической защищенности, нивелированием традиционных нравственных ценностей. Перед социальными институтами стоит задача формирования безопасного просоциального поведения, ориентированного на благо общества, а также развитие способностей противостоять факторам социального риска.

С учетом большой практической значимости этого направления в статье предложен обзор и обсуждение отечественных и зарубежных исследований, посвященных проблеме просоциального поведения, направленного на обеспечение безопасности. Сделан вывод, что данный психологический конструкт является системно-личностным и обусловлен детерминантами на уровне индивида (удовлетворение потребности в безопасности, стрессоустойчивость, психологическое благополучие, толерантность к неопределенности и пр.), личности (следование моральным нормам, смысложизненные ориентации и пр.) и субъекта деятельности (социальная идентичность, межличностные отношения и пр.).

Целью данного исследования стало определение влияния системно-личностных характеристик человека (удовлетворенность потребности в безопасности, благополучие, социальная идентичность) на уровень его просоциальности.

Выборку составили 90 человек, проживающих в Москве. Отбор респондентов осуществлялся методом стихийной выборки с помощью интернет-опроса, размещенного в социальной сети «ВКонтакте». Тестовая батарея была разработана с помощью онлайн-сервиса «Google Forms» и включала в себя следующие психодиагностические методики: «Содержание просоциальной идентичности» (GSA, A.Q. Barriga et al., 2001², адаптированная Н. В. Кухтовой³); опросник «Оценка удовлетворенности потребности в безопасности» (О. Ю. Зотова); «Шкала субъективного благополучия» (А. Перруде-Бадю, Г. Мендельсон, Дж. Чиче (A. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn, J. Chiche) в адаптации М. В. Соколовой); «Шкала идентификации с человечеством» (С. Макфарленд (S. McFarland) в адаптации Т. А. Нестика). Кроме того, для анализа использовались данные социологических исследований «Всемирный обзор ценностей» (2010–2014 гг.) и «Европейское социальное исследование – 2016». Для расчетов применены описательные статистики, корреляционный анализ, регрессионный анализ.

Проведенное исследование позволило выявить взаимосвязи между обозначенными детерминантами, что указывает на их системный характер.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-313-20001.

² Barriga A. Q. Moral cognition: Explaining the gender difference in antisocial behavior / A. Q. Barriga et al. // Merrill-Palmer Quarterly. Vol. 47. № 4. P. 532–562. DOI: 10.1353/mpq.2001.0020.

³ Кухтова Н. В. Идентичность: исследовательский поиск (адаптация методики «Содержание просоциальной идентичности») // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 2: Педагогика, психология, методика преподавания иностранных языков. 2011. № 2 (20). С. 43–51.

Ключевые слова: просоциальное поведение; психологическая безопасность; системно-личностные детерминанты; системный анализ; личность; поведение; субъективное благополучие; социальная идентичность; психологическая защита.

Для цитаты: Кисляков П. А. Системно-личностные детерминанты безопасного просоциального поведения личности // Системная психология и социология. 2019. № 4 (32). С. 79–91. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.07.

Кисляков Павел Александрович, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии труда и специальной психологии Российского государственного социального университета, Москва.

E-mail: pack.81@mail.ru

UDC 316

DOI 10.25688/2223-6872.2019.32.4.07

SYSTEM-PERSONAL DETERMINANTS OF SAFE PROSOCIAL BEHAVIOR

P. A. Kislyakov,
RSSU, Moscow,
pack.81@mail.ru

In modern conditions, the process of forming the social identity of the younger generation is complicated by consumer attitude to life, insufficient level of social and psychological protection, leveling of traditional moral values. Social institutions are faced with the task of developing safe prosocial behavior oriented to the benefit of society, as well as the formation of the ability to withstand social risk factors.

Taking into account the great practical importance of this direction, the article offers a review and discussion of domestic and foreign studies on the problem of prosocial behavior aimed at ensuring safety. The conclusion is that this psychological construct is a system of personal and due to the determinants on the individual level (satisfaction of needs for safety, stress, psychological well-being, tolerance to uncertainty, etc.), personality (adherence to moral norms, life orientation, etc.) and activity (social identity, interpersonal relations, etc.).

The aim of this study was to determine the impact of system-personal characteristics of a person (satisfaction of the need for safety, well-being, social identity) on the level of his prosociality.

The sample consisted of 90 people living in Moscow. The selection of respondents was carried out by spontaneous sampling using an Internet survey posted on the social network «VKontakte». The test battery was developed using the online service «Google Forms» and included the following psychodiagnostic techniques: «Content of prosocial identity» (GSA, Barriga et al., 2001, in the adaptation of N. V. Kuchtova); Questionnaire «Assessment of satisfaction of security needs» (O. Yu. Zotova); «Subjective well-being scale» (A. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn, J. Chiche in the adaptation of M.V. Sokolova); «Scale of identification with humanity» (S. McFarland, in the adaptation of T. A. Nestic). The data of sociological research «World Values Survey» (2010–2014) and the «European Social Survey – 2016» were also used for the analysis. Descriptive statistics, correlation analysis, regression analysis are used for calculations. The study revealed the relationship between the studied determinants, which indicates their systemic nature.

Keywords: prosocial behavior; psychological safety; system-personal determinants; system analysis; personality; behavior; well-being; social identity; psychological protection.

For citation: Kislyakov P. A. System-Personal Determinants of Safe Prosocial Behavior // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 4 (32). P. 79–91. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.07.

Kislyakov Pavel Aleksandrovich, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Labor Psychology and Special Psychology of the Russian State Social University, Moscow, Russia.

E-mail: pack.81@mail.ru

Введение

Глобальные и локальные риски современного мира обуславливают поиск социально-психологических и духовных ресурсов, способных обеспечить безопасность человека, социальной группы и общества. Таким ресурсом может стать безопасное просоциальное поведение личности, направленное на сохранение, защиту, развитие социальных общностей (другого человека, коллектива, общественной организации и пр.).

Личность человека представляет собой системное единство связанных между собой психологических структур, включающих в себя социальный и биологический статусы человека [4; 7]. Просоциальное поведение является системно-личностным социально-биологическим конструктом. На биологическом уровне просоциальное поведение детерминировано генетическими характеристиками и направлено на сохранение рода. Эмоциональной основой просоциального поведения выступает эмпатия. На социальном же уровне просоциальное поведение поддерживается такими нормами, как социальная ответственность (побуждает человека к оказанию помощи тем, кто в этом нуждается), социальная взаимность (люди должны помогать тем, кто помогает им), социальная справедливость (правила в отношении честного и справедливого распределения ресурсов) [1: с. 398].

Просоциальные мотивы связаны с бескорыстным служением обществу, солидарностью и ориентацией на позитивные формы взаимодействия [1: с. 371; 3: с. 19; 20]. Необходимость подчеркивания безопасного характера просоциального поведения действительно существует, поскольку помощь и социальная активность могут приводить к угрозам и противоправным действиям (участие в несанкционированных митингах, мошенничество при сборе пожертвований, самосуд, инициативная борьба с интернет-педофилией и пр.). Безопасный тип личности просоциален для общества, чего нельзя сказать в обратной логике, поскольку социально одобряемые поступки могут быть мотивированы как альтруизмом и духовно-нравственными нормами, так и глубоко корыстными или антагонистическими мотивами.

Подходы к изучению безопасности личности и просоциального поведения

В настоящее время в рамках социальной психологии, психологии труда и организационной психологии, экологической психологии (энвайронментологии) проводятся исследования, направленные на определение взаимовлияния психологической безопасности и просоциального поведения человека.

В работах современных исследователей [21; 8; 13; 37; 17] рассматриваются проблемы просоциального поведения человека, способствующего смягчению последствий воздействия на природную среду (проэкологическое поведение). Характерной чертой глобальной дилеммы изменения климата является взаимозависимость между экономическим развитием, которое ведет к антропогенному изменению климата, и последующей дилеммой, возникающей в связи с необходимостью смягчения негативных последствий. В своем исследовании Л. Бариль [8], сравнивая влияние различных стимулов на повышение проэкологического поведения (готовность людей перерабатывать бытовые отходы), установил, что люди более восприимчивы к моральным нормам защиты окружающей среды, чем к угрозе наказания за нарушение экологических правил.

Среди исследований, посвященных социально-политическим особенностям формирования безопасного просоциального поведения, отметим несколько работ. Так, Л. К. Тейлор с соавторами выявил особенности формирования просоциального поведения и гражданской активности молодежи в условиях затяжного политического конфликта [31]. В исследовании показано, что политический конфликт, развившийся на религиозной почве в Белфасте (Северная Ирландия) привел к снижению просоциального поведения молодежи. С. Моради с соавторами обнаружил связь между просоциальным поведением и уровнем коррупции в стране [24]. Как правило, коррупция на национальном уровне приводит к снижению благотворительности. Таким образом, обогащение аморально, когда речь заходит о просоциальном поведении, способствующем социальному развитию общества.

Опираясь на теорию социального обучения, авторы утверждают, что просоциальность зависит от моральных норм общества. М. Яковлевич указывает на то, что клинично-психологическими факторами риска глобальной безопасности выступают снижение ответственности за просоциальное политическое поведение и «синдром высокомерия» (*hubris syndrome*) у политических лидеров [19].

Влияние просоциальной мотивации сотрудников организации (руководителей, подчиненных, психологов) на их психологическую безопасность и безопасность труда — заметная тема современных исследований. М. Л. Фрейзер и С. Таппер отмечают, что, несмотря на то что помогающее поведение приобретает все большее значение по мере того, как работа становится все более взаимозависимой, сотрудники могут не решаться помогать другим, опасаясь того, что это повлияет на их способность выполнять свои собственные задачи [14]. Результаты исследования показали, что просоциальная мотивация супервизора способствовала обеспечению психологической безопасности сотрудников, что, в свою очередь, привело к развитию у них просоциального поведения по отношению к коллегам. М. Куркуруто с соавторами, изучая действия рабочих при возникновении несчастных случаев на химическом производстве, установил, что просоциальное (помогающее) поведение способствует снижению мелкого травматизма, но не позволяет предупредить крупные аварии, в отличие от инициативного, проактивного поведения (*proactive safety behaviors*) [10; 11]. Авторы отмечают, что просоциальные модели поведения проявляются в виде помощи коллегам и заботе об их благополучии, нацелены на обеспечение безопасности социальной группы и на содействие сотрудничеству и позитивным взаимоотношениям. Проактивные же модели поведения направлены на создание позитивных изменений на рабочих местах, например в области безопасности. Такое поведение больше сосредоточено на системных изменениях и фокусируется на вызове. Авторы вводят понятие «безопасное гражданское поведение в организации» (*safety citizenship behaviour*), которое характеризуется готовностью к обеспечению

корпоративной безопасности и безопасности на рабочем месте, просоциальной поведенческой ориентацией и организационной вовлеченностью. На развитие данного поведения влияют организационная поддержка участия работников в обеспечении безопасности; психологический климат в коллективе; организационная приверженность сотрудников.

В работе К. Леунг с коллегами выявлено влияние психологической безопасности сотрудников на просоциальное поведение [22]. Авторы отталкиваются от идеи, что психологическая безопасность позволяет людям устанавливать позитивные межличностные взаимоотношения и влиять на социально мотивированное поведение, такое как просоциальное поведение. Психологическая безопасность порождает позитивные межличностные отношения, которые способствуют чувству общности, а также идентификации и психологической привязанности к группе. Основной механизм заключается в том, что позитивные межличностные взаимодействия посредством кооперативного взаимодействия целей, повышения гармонии, межличностного доверия и взаимного уважения, социального обмена передают влияние психологической безопасности на просоциальное поведение.

В статье М. А. Велес с соавторами отмечено влияние индивидуального восприятия отсутствия безопасности на различные показатели просоциального поведения [33]. В полевых исследованиях с участием колумбийских фермеров, подвергшихся различным уровням насилия, было установлено, что субъективная незащищенность является ключевым фактором, определяющим различные формы просоциального поведения. Было обнаружено, что субъективная незащищенность негативно влияет на сотрудничество, но положительно влияет на доверие и альтруизм.

Исследования Б. Ю. Шен с соавторами, П. Б. Харрис с соавторами посвящены определению воздействия просоциального поведения водителей на безопасность дорожного движения [30; 15]. В центре внимания ученых находится опасное вождение как причина несчастных случаев и смерти в дорожно-транспортных происшествиях. Исследователями установлено, что люди с высоким альтруизмом

демонстрировали более просоциальное поведение за рулем, в то время как водители, ищущие острых ощущений, проявляли более агрессивное поведение.

В исследованиях О. Ю. Зотовой показано, что психологическая безопасность выступает основанием психологического благополучия личности [2, 38]. В. Г. Крысько отмечает, что просоциальное поведение ведет к хорошему социальному самочувствию человека посредством рефлексии [5]. Большой интерес у современных исследователей вызывает вопрос влияния психологического благополучия на просоциальное поведение. Ю. Ян с соавторами выявил влияние психологического благополучия подростков на их просоциальное поведение в виртуальной среде. Находя зависимость между ориентацией на счастье (как смысложизненная ориентация) и субъективным благополучием, авторы изучают косвенные эффекты просоциального поведения и поведения, вызывающего зависимость в Интернете. Исследование показало, что просоциальное поведение опосредовало позитивную связь между смысложизненной ориентацией и субъективным благополучием. Аддиктивное же поведение в Интернете разрушает эту позитивную связь. Х. Шактер и Г. Марголин показали, что участие подростков в просоциальных практиках позволяет удовлетворить социальные и эмоциональные потребности, повышая психологическое благополучие [28]. П. Шевер с соавторами установил, что психологическая безопасность, обеспеченная чувством привязанности в браке, способствует развитию просоциального поведения [29].

Отдельные ученые обращают внимание на вопрос влияния стресса на просоциальное поведение индивида [26; 35; 12; 18]. Е. Б. Рапос с соавторами показал, что просоциальное поведение может быть эффективной стратегией снижения воздействия стресса на психоэмоциональное состояние [26]. Ю. Х. Сюй с коллегами в своем исследовании основывается на положении о том, что чувство вины побуждает человека совершать альтруистические поступки [35]. Результаты показали: эмоциональное утомление (стресс) снижает у человека чувство вины, что приводит к снижению готовности

к просоциальному (помогающему) поведению. Б. Даванс с соавторами в лабораторных условиях доказал, что люди, испытывавшие острый социальный стресс, в большей степени проявляли просоциальное поведение (доверие, надежность и обмен), а также не были склонны к антисоциальному поведению [12]. Таким образом, авторы пришли к выводу, что просоциальное поведение в ответ на стресс может выступать защитным паттерном.

С. Е. Хобфолл и К. Э. Шредер [18], исследуя сексуальное поведение одиноких женщин в условиях риска заражения ВИЧ-инфекцией, выделили четыре поведенческие стратегии: активно-просоциальная, активно-асоциальная, пассивно-просоциальная и пассивно-асоциальная. Авторами было установлено, что активное и просоциальное поведение связаны между собой и приводят к положительным психологическим и поведенческим результатам (конструктивные копинг-стратегии, личностные и социальные ресурсы, безопасное сексуальное поведение, отсутствие психических расстройств).

Особенности просоциального поведения людей в зоне стихийного бедствия (землетрясение, ураган, наводнение) — одна из актуальных тем современных исследований. Л. Л. Рао с соавторами, изучая социально-психологические последствия землетрясения 2008 года во Вэньчуане (Китай), установил, что уровень просоциального (помогающего) поведения населения возрастает с увеличением разрушительных последствий, а также то, что катастрофа оказывает длительное влияние на просоциальное поведение [25]. Х. Родригес с коллегами, изучая социально-психологические последствия урагана «Катрина» в 2005 году в Луизиане (США), также пришел к выводу, что ответной реакцией (индивидуальной и групповой) на стихийное бедствие стало просоциальное (помогающее) поведение [27]. Т. Варди и К. Аткинсон изучали особенности просоциального поведения у жителей Вануату (островное государство в Тихом океане), пострадавших в 2015 году от урагана «Пэм» [32]. Исследование показало, что у людей, которые понесли значительные материальные потери, наблюдалось снижение просоциальных практик, в то время

как не пострадавшие жители демонстрировали рост просоциального поведения. С. Быстрицкий с соавторами, исследуя психологические последствия урагана Харви в Техасе в 2017 году, установил, что помогающее поведение людей с низкими психосоциальными ресурсами во время катастрофы привело в дальнейшем к посттравматическому стрессовому расстройству [9].

Изучение влияния просоциальных мотивов на рискованное поведение человека также вызывает интерес ученых. Дж. Харви с соавторами отмечает, что психологическими факторами рискованного (экстремального) поведения выступают альтруизм, героизм, мотивация оказания помощи [16]. М. Л. Вивьес и О. Фельдманхолл в лабораторных исследованиях установили, что толерантность к неопределенности выступает механизмом развития просоциального поведения (сотрудничество, доверие) [34].

Проведенный анализ указанных выше работ показал, что для безопасного просоциального поведения существенной характеристикой выступает направленность на сознательное обеспечение гражданами безопасного существования в современном социуме других людей и общества в целом, ориентация на общее благо в ситуациях минимизации рисков (экологических, природных, техногенных, социальных, групповых, производственных, психологических и пр.), а также готовность человека противостоять их факторам. Безопасное просоциальное поведение человека определяется системными детерминантами на уровне индивида (удовлетворение потребности в безопасности, стрессоустойчивость, психологическое благополучие, толерантность к неопределенности и пр.), личности (следование моральным нормам, смысложизненные ориентации и пр.) и субъекта деятельности (социальная идентичность, межличностные отношения и пр.).

Целью данного исследования стало определение влияния системно-личностных характеристик человека (удовлетворение потребности в безопасности, благополучие, социальная идентичность) на уровень его просоциальности.

Методика

Выборку составили 90 человек, проживающих в Москве: 33 % мужчины, 67 % женщины; возраст — от 20 до 30 лет, средний возраст — 22,5 года; профессии: 90 % социномического типа (психолог, педагог, врач, продавец, юрист); 10 % технономического типа (инженер, программист, техник). Отбор респондентов осуществлялся методом стихийной выборки с помощью интернет-опроса, размещенного в социальной сети «ВКонтакте». Тестовая батарея была разработана с помощью онлайн-сервиса Google Forms и включала следующие психодиагностические методики: «Содержание просоциальной идентичности» (GSA, Barriga et al., 2001⁴, адаптированная Н. В. Кухтовой⁵); опросник «Оценка удовлетворенности потребности в безопасности» (О. Ю. Зотова); «Шкала субъективного благополучия» (А. Перруде-Баду, Г. Мендельсон, Дж. Чиче в адаптации М. В. Соколовой); «Шкала идентификации с человечеством» (С. Макфарленд, в адаптации Т. А. Нестика).

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты диагностики представлены в таблице 1 и на рисунке 1.

Проведенное исследование позволило выявить преимущественно средний и низкий уровень просоциальности у большинства респондентов. Удовлетворение потребности в безопасности у половины респондентов находится на высоком уровне и у оставшейся половины — в равной степени на низком и среднем уровнях. Около трети респондентов субъективное благополучие оценивают на высоком

⁴ Barriga A. Q. Moral cognition: Explaining the gender difference in antisocial behavior / A. Q. Barriga et al. // Merrill-Palmer Quarterly. Vol. 47. № 4. P. 532–562. DOI: 10.1353/mpq.2001.0020.

⁵ Кухтова Н. В. Идентичность: исследовательский поиск (адаптация методики «Содержание просоциальной идентичности») // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 2: Педагогика, психология, методика преподавания иностранных языков. 2011. № 2 (20). С. 43–51.

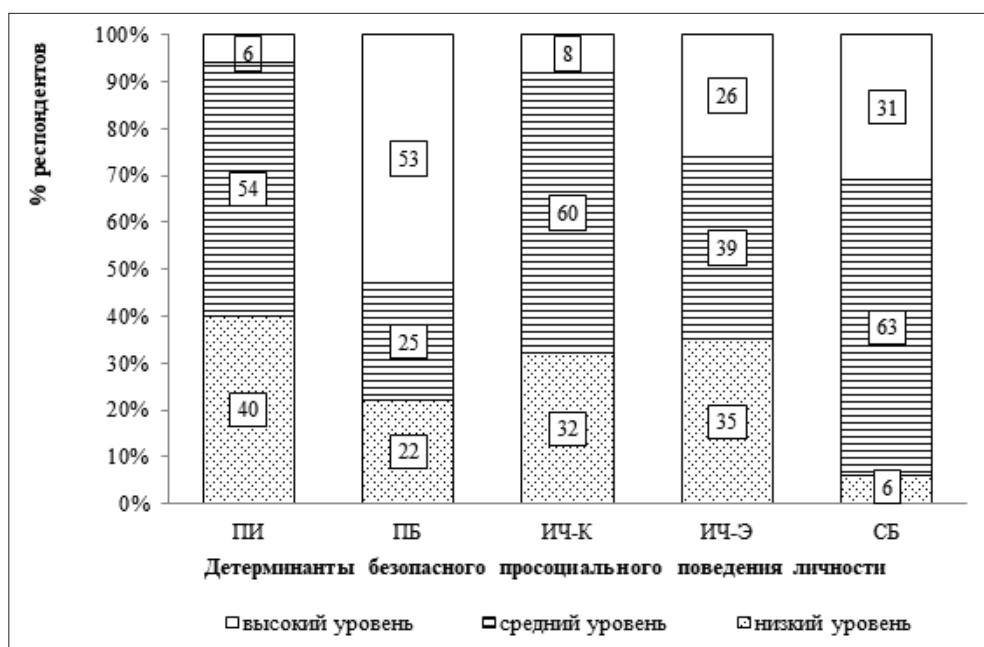

Рис. 1. Уровни сформированности системно-личностных детерминант безопасного просоциального поведения личности

Примечание к обозначениям шкал на графике:

ПИ — просоциальная идентичность;

ПБ — удовлетворение потребности в безопасности;

ИЧ-К — идентификация с человечеством (когнитивный аспект);

ИЧ-Э — идентификация с человечеством (эмоциональная вовлеченность);

СБ — субъективное благополучие.

Таблица 1

Описательные статистики

Детерминанты безопасного просоциального поведения	Минимальное значение	Максимальное значение	Среднее значение	Стандартное отклонение
Просоциальная идентичность	14,00	55,00	40,31	8,28
Удовлетворение потребности в безопасности	-14,00	12,00	2,43	5,48
Идентификация с человечеством (когнитивный аспект)	12,00	48,00	29,64	10,46
Идентификация с человечеством (эмоциональная вовлеченность)	12,00	60,00	31,46	10,66
Субъективное благополучие (напряженность и чувствительность)	5,00	21,00	12,52	4,30
Субъективное благополучие (психоэмоциональная симптоматика)	3,00	21,00	10,58	4,07
Субъективное благополучие (изменения настроения)	2,00	13,00	6,28	2,94
Субъективное благополучие (значимость социального окружения)	3,00	19,00	8,11	3,12
Субъективное благополучие (самооценка здоровья)	2,00	14,00	6,77	2,93
Субъективное благополучие (удовлетворенность повседневной деятельностью)	4,00	18,00	10,22	3,02

уровне, оставшиеся две трети — на среднем. Когнитивный аспект идентификации с человечеством у трети респондентов сформирован на низком уровне, у остальных — преимущественно на среднем уровне. Уровни сформированности эмоционального аспекта идентификации с человечеством в исследуемой выборке распределены примерно в равных пропорциях.

Корреляционный анализ с помощью корреляции Пирсона показал наличие достоверных связей между просоциальной идентичностью и удовлетворением потребности в безопасности ($r = 0,118, p = 0,005$), идентификацией с человечеством (ИЧ-К: $r = 0,479, p < 0,001$; ИЧ-Э: $r = 0,433, p < 0,001$), субъективным благополучием (самооценка здоровья) ($r = -0,297, p = 0,005$); а также между удовлетворением потребности в безопасности и субъективным благополучием (изменение настроения) ($r = 0,405, p < 0,001$), идентификацией с человечеством ($r = 0,293, p = 0,005$).

Как показал линейный регрессионный анализ методом обратных шагов ($R^2 = 0,333$; $F = 14,349$; $p < 0,001$), просоциальная идентичность связана с идентификацией с человечеством (эмоциональная вовлеченность) ($\beta = 0,478, p < 0,001$), субъективным благополучием (самооценка здоровья) ($\beta = -0,276, p = 0,003$), удовлетворением потребности в безопасности ($\beta = 0,197, p = 0,029$).

Полученные нами результаты согласуются с тенденциями, выявленными в исследованиях, проводимых европейскими социологами. В таблице 2 представлены вопросы, включенные в социологические исследования «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey — WVS, 2010–2014 гг.; www.worldvaluessurvey.org) и «Европейское социальное исследование – 2016» (The European Social Survey – 2016 — ESS8; www.europeansocialsurvey.org).

Анализ данных WVS показал, что, оценивая свои ценностные предпочтения по методике Ш. Шварца, 82,8 % россиян отметили, что для них важно сделать что-то для блага общества; для 84,6 % важно жить в безопасном окружении. При этом 72,4 % респондентов одновременно разделяют ценности просоциальности и безопасности. Около 84 % россиян разделяют ценности, связанные с социальной

идентичностью (следование традициям и забота об окружающей среде). Около 73 % россиян оценивают свое благополучие (счастье) на достаточно высоком уровне (от 3 до 4 по 4-балльной шкале). При этом 42,5 % респондентов считают себя здоровыми (от 3 до 4 по 4-балльной шкале).

В рамках исследования ESS8 получены следующие результаты: для 76,5 % россиян важно помогать окружающим людям, заботиться об их благополучии, для 79,9 % — жить в безопасном окружении. При этом около 65,3 % респондентов одновременно разделяют ценность просоциальности и безопасности. Около 90 % россиян разделяют ценности, связанные с социальной идентичностью (следование традициям и забота об окружающей среде). Около 60 % россиян оценивают свое благополучие (счастье) на достаточно высоком уровне (от 6 до 10 по 10-балльной шкале). При этом лишь 12,5 % респондентов считают себя здоровыми (от 6 до 10 по 10-балльной шкале).

Корреляционный анализ результатов исследований WVS и ESS8 с помощью корреляции Пирсона позволил выявить достоверные связи между ценностями безопасности, просоциальности, а также уровнем субъективного благополучия и социальной идентичности (табл. 3).

Выявленная зависимость между субъективным благополучием (ощущением счастья) и просоциальной активностью подтверждается результатами социологического исследования фонда «Общественное мнение», которое показало, что категории людей, высоко оценивающих уровень личного счастья, чаще совершали бескорыстные поступки: «Среди тех, кто попал в группу “высокий уровень счастья”, 57 % помогали другим людям за последний год» (<http://www.fom.ru/TSennosti/13926>).

Важнейшим механизмом формирования просоциального поведения выступает социальная идентификация, посредством которой фиксируется причастность людей к той или иной социальной общности, принятие или непринятие ее норм и ценностей на основе восприятия себя как социального субъекта [5: с. 90]. В нашем исследовании для изучения показателей социальной идентичности использовалась методика оценки глобальной

Таблица 2

Вопросы, включенные в социологические исследования ESS8, WVS

Детерминанты безопасного просоциального поведения	Код вопроса в ESS8	Код вопроса в WVS	Вопрос в бланке
Субъективное благополучие	C1	V10	Учитывая все стороны Вашей жизни, насколько Вы счастливы?
	C7	V11	Как Вы оцениваете состояние своего здоровья в целом?
Потребность в безопасности	HE	V72	Для него важно жить в безопасном окружении. Он избегает всего, что может угрожать его безопасности
Просоциальная идентичность	HL	V74	Для него очень важно помогать окружающим людям. Ему хочется заботиться об их благополучии
Социальная идентичность	HS	V78	Он твердо верит, что люди должны беречь природу. Для него важно заботиться об окружающей среде
	HT	V79	Он ценит традиции. Он старается следовать религиозным и семейным обычаям

Таблица 3

Корреляционные связи между системно-личностными детерминантами безопасного просоциального поведения по данным WVS и ESS8

	Ощущение счастья	Самооценка здоровья	Потребность в безопасности	Потребность в оказании помощи	Потребность в защите окружающей среде	Следование традициям
Всемирный обзор ценностей (WVS)						
Ощущение счастья	1	0,375**	-0,017	0,076**	0,049*	0,036
Самооценка здоровья	0,375**	1	-0,080**	-0,031	-0,083**	-0,122**
Потребность в безопасности	-0,017	-0,080**	1	0,314**	0,306**	0,314**
Потребность в оказании помощи	0,076**	-0,031	0,314**	1	0,479**	0,310**
Потребность в защите окружающей среды	0,049*	-0,083**	0,306**	0,479**	1	0,459**
Следование традициям	0,036	-0,122**	0,314**	0,310**	0,459**	1
Европейское социальное исследование (ESS8)						
Ощущение счастья	1	-0,258**	0,040*	0,151**	0,087**	0,088**
Самооценка здоровья	-0,258**	1	0,012	-0,066**	0,015	0,015
Потребность в безопасности	0,040*	0,012	1	0,367**	0,342**	0,345**
Потребность в оказании помощи	0,151**	-0,066**	0,367**	1	0,430**	0,375**
Потребность в защите окружающей среды	0,087**	0,015	0,342**	0,430**	1	0,522**
Следование традициям	0,088**	0,015	0,345**	0,375**	0,522**	1

Примечание: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$.

идентификации с человечеством, позволяющая оценить идентичность и готовность помогать людям на различном уровне (локальном, государственном, глобальном). Автор методики С. Макфарленд указывает, что глобальную идентичность можно развивать посредством демонстрации просоциальных ценностей с помощью примеров высоконравственного, героического поведения конкретных людей, защищающих права граждан независимо от их расовой и этнической принадлежности. Идентификация себя с человечеством прямо связана с уровнем моральной зрелости [23]. Глобальная социальная идентификация выполняет защитные функции, повышая самооценку членов социальной группы и укрепляя гражданскую идентичность [6].

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что системно-личностными детерминантами безопасного просоциального поведения выступают удовлетворенность в безопасности, субъективное благополучие (ощущение счастья) и социальная идентичность (идентичность с человечеством). Выявлена закономерность, состоящая

в том, что при низком уровне самооценки здоровья наблюдается высокий уровень просоциальной идентичности (обратная корреляция). Данное обстоятельство подтверждает результаты проведенных ранее исследований, указывающих на то, что люди, испытывающие эмоциональные нагрузки и имеющие проблемы на психосоматическом уровне, могут использовать просоциальное поведение как защитную копинг-стратегию, способствующую улучшению психоэмоционального состояния (ощущения здоровья) [12; 26].

Просоциальная мотивация ориентирует личность на совершение действий, приносящих пользу и благополучие другим в рамках разделяемых общественных стандартов, и вследствие этого получение социального одобрения и психологической защищенности. Комплексные исследования системно-личностных детерминантов безопасного просоциального поведения как социально-психологического явления будут способствовать накоплению информации об условиях, факторах и механизмах формирования социальной идентичности, обеспечения психологической безопасности и благополучия с целью ориентации личности на общественные нормы и ценности и противодействия деструктивным и асоциальным явлениям.

Литература

1. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Психологические законы поведения человека в социуме / пер. Л. Ордановой и др. М.: ОЛМА-Пресс; СПб.: Прайм ЕВРОЗНАК, 2002. 557 с.
2. Зотова О. Ю. Психологическое благополучие личности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. 312 с.
3. Ильин Е. П. Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия. СПб.: Питер 2013. 304 с.
4. Кисляков П. А. Психологические основы системного подхода к исследованию личности // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2014. № 1. С. 3.
5. Крысько В. Г. Социальная психология. М.: Юрайт, 2016. 553 с.
6. Нестик Т. А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 4 (8). С. 145–185.
7. Рыжов Б. Н. Системная структура личности // Системная психология и социология. 2017. № 3 (23). С. 5–11.
8. Barile L., Cullis J., Jones P. Will one size fit all? Incentives designed to nurture prosocial behavior // Journal of Behavioral and Experimental Economics. 2015. № 57. P. 9–16.
9. Bistricky S. L. Surviving the storm: Avoidant coping, helping behavior, resilience and affective symptoms around a major hurricane-flood / S. L. Bistricky et al. // Journal of Affective Disorders. 2019. Т. 257. P. 297–306.
10. Curcuruto M. The role of prosocial and proactive safety behaviors in predicting safety performance / M. Curcuruto et al. // Safety Science. 2015. № 80. P. 317–323.

11. **Curcuruto M., Griffin M.A.** Prosocial and proactive «safety citizenship behavior» (SCB). The mediating role of affective commitment and psychological ownership // *Safety Science*. 2018. № 104. P. 29–38.
12. **Dawans B.** The social dimension of stress reactivity: acute stress increases prosocial behavior in humans / B. Dawans et al. // *Psychological Science*. 2012. Vol. 23. № 6. P. 651–660.
13. **Farrow K.** The impact of goals and public rewards on a prosocial behaviour: an exploratory economic experiment / K. Farrow et al. // *Applied Economics Letters*. 2015. Vol. 22. № 4. P. 305–311.
14. **Frazier M. L., Tupper C.** Supervisor prosocial motivation employee thriving and helping behavior: a trickle-down model of psychological safety // *Group & Organization Management*. 2018. Vol. 43. № 4. P. 561–593.
15. **Harris P. B.** The prosocial and aggressive driving inventory (PADI): A self-report measure of safe and unsafe driving behaviors / P.B. Harris et al. // *Accident Analysis and Prevention*. 2014. № 72. P. 1–8.
16. **Harvey J., Erdos G.** Psychological rewards and bad risks: the roles of prosocial antisocial moral and immoral attitudes values and beliefs as determinants of individual risk-taking behaviour: a framework for further research // *Safety and Reliability*; eds. T. Bedford, P. H. A Van Gelder. 2003. P. 769–773.
17. **Hatakeyama A., Souma I.** Causal analysis of relationship between environmental concern and prosocial behavior // *International Journal of Psychology*. 2000. Vol. 35. № 3–4. P. 176–176.
18. **Hobfoll S. E., Schroder K. E. E.** Distinguishing between passive and active prosocial coping: Bridging inner-city women’s mental health and AIDS risk behavior // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2001. Vol. 18. № 2. P. 201–217.
19. **Jakovljević M.** Hubris syndrome and a new perspective on political psychiatry: need to protect prosocial behavior, public benefit and safety of our civilisation // *Psychiatria Danubina*. 2011. Vol. 23. № 2. P. 136–138.
20. **Kislyakov P. A.** Research on prosocial behavior of Russian youth: statement of the problem in the context of security of the individual and society / P. A. Kislyakov et al. // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018)*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg Polytechnic University, 2019. P. 519–523.
21. **Kline R.** Differentiated responsibilities and prosocial behaviour in climate change mitigation / R. Kline et al. // *Nature Human Behaviour*. 2018. Vol. 2. № 9. P. 653–661.
22. **Leung K.** Beyond risk-taking: effects of psychological safety on cooperative goal interdependence and prosocial behavior / K. Leung et al. // *Group & Organization Management*. 2015. Vol. 40. № 1. P. 88–115.
23. **McFarland S., Brown D., Webb M.** Identification with all humanity as a moral concept and psychological construct // *Current Directions in Psychological Science*. 2013. Vol. 22. № 3. P. 194–198.
24. **Moradi S., Van Quaquebeke N., Hunter J.A.** Flourishing and prosocial behaviors: A multilevel investigation of national corruption level as a moderator // *Plos One*. 2018. Vol. 13. № 7. e0200062.
25. **Rao L. L.** Disadvantage and prosocial behavior: the effects of the Wenchuan earthquake / L. L. Rao et al. // *Evolution and Human Behavior*. 2008. Vol. 32. № 1. P. 63–69.
26. **Raposa E. B., Laws H. B., Ansell E. B.** Prosocial behavior mitigates the negative effects of stress in everyday life // *Clinical Psychological Science*. 2016. Vol. 4. № 4. P. 691–698.
27. **Rodriguez H., Trainor J., Quarantelli E. L.** Rising to the challenges of a catastrophe: The emergent and prosocial behavior following Hurricane Katrina // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2006. № 604. P. 82–101.
28. **Schacter H. L., Margolin G.** When it feels good to give: Depressive symptoms, daily prosocial behavior, and adolescent mood // *Emotion*. 2019. T. 19. № 5. P. 923–927.
29. **Shaver P. R., Mikulincer M., Cassidy J.** Attachment, caregiving in couple relationships, and prosocial behavior in the wider world // *Current Opinion in Psychology*. 2019. T. 25. P. 16–20.
30. **Shen B. Y.** The different effects of personality on prosocial and aggressive driving behaviour in a Chinese sample / B. Y. Shen et al. // *Transportation Research Part F-Traffic Psychology and Behaviour*. 2018. № 56. P. 268–279.
31. **Taylor L. K.** Impact of political conflict on trajectories of adolescent prosocial behavior: implications for civic engagement / L. K. Taylor et al. // *Developmental Psychology*. 2018. Vol. 54. № 9. P. 1785–1794.
32. **Vardy T., Atkinson Q. D.** Property damage and exposure to other people in distress differentially predict prosocial behavior after a natural disaster // *Psychological Science*. T. 30. № 4. P. 563–575.
33. **Velez M. A.** Prosocial behavior and subjective insecurity in violent contexts: field experiments / M. A. Velez et al. // *Plos One*. 2016. Vol. 11. № 7. e0158878.

34. **Vives M. L., FeldmanHall O.** Tolerance to ambiguous uncertainty predicts prosocial behavior // *Nature Communications*. 2018. Vol. 9. № 2156.
35. **Xu H. Y., Begue L. B., Bushman B. J.** Too fatigued to care: Ego depletion guilt and prosocial behavior // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. Vol. 48. № 5. P. 1183–1186.
36. **Yang Y.** Orientations to happiness and subjective well-being in chinese adolescents: the roles of prosocial behavior and internet addictive behavior / Y. Yang et al. // *Journal of Happiness Studies*. 2017. Vol. 18. № 6. P. 1747–1762.
37. **Zabkar V., Hosta M.** Willingness to act and environmentally conscious consumer behaviour: can prosocial status perceptions help overcome the gap? // *International Journal of Consumer Studies*. 2013. Vol. 37. № 3. P. 257–264.
38. **Zotova O. Yu., Karapetyan L. V.** Psychological security as the foundation of personal psychological wellbeing (analytical review) // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2018. T. 11. № 2. P. 100–113.

References

1. **Aronson E., Wilson T. D., Akert R. M.** *Social Psychology. Psychological laws of human behavior in society* / translated by L. Organovo etc. Moscow: OLMA-Press; Saint-Petersburg: publishing house of Prime EVROZNAK, 2002. 557 p.
2. **Zotova O. Yu.** *Psychological well-being of the individual*. Yekaterinburg: University of the Humanities, 2017. 312 p.
3. **Ilyin E. P.** *Psychology of help. Altruism, egoism, empathy*. SPb.: Peter 2013. 304 p.
4. **Kislyakov P. A.** *Psychological foundations of a systematic approach to the study of personality* // *Modern studies of social problems (electronic scientific journal)*. 2014. № 1. P. 3.
5. **Krysko V. G.** *Social psychology*. Moscow: Yurayt Publishing House, 2016. 553 p.
6. **Nestik T. A.** *Global identity as a socio-psychological phenomenon: theoretical and empirical research* // *Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*. 2017. T. 2. № 4 (8). P. 145–185.
7. **Ryzhov B. N.** *System structure of personality* // *System psychology and sociology*. 2017. № 3 (23). P. 5–11.
8. **Barile L., Cullis J., Jones P.** Will one size fit all? Incentives designed to nurture prosocial behavior // *Journal of Behavioral and Experimental Economics*. 2015. № 57. P. 9–16.
9. **Bistricky S. L.** Surviving the storm: Avoidant coping, helping behavior, resilience and affective symptoms around a major hurricane-flood / S. L. Bistricky et al. // *Journal of Affective Disorders*. 2019. T. 257. P. 297–306.
10. **Curcuruto M.** The role of prosocial and proactive safety behaviors in predicting safety performance / M. Curcuruto et al. // *Safety Science*. 2015. № 80. P. 317–323.
11. **Curcuruto M., Griffin M.A.** Prosocial and proactive «safety citizenship behavior» (SCB). The mediating role of affective commitment and psychological ownership // *Safety Science*. 2018. № 104. P. 29–38.
12. **Dawans B.** The social dimension of stress reactivity: acute stress increases prosocial behavior in humans / B. Dawans et al. // *Psychological Science*. 2012. Vol. 23. № 6. P. 651–660.
13. **Farrow K.** The impact of goals and public rewards on a prosocial behaviour: an exploratory economic experiment / K. Farrow et al. // *Applied Economics Letters*. 2015. Vol. 22. № 4. P. 305–311.
14. **Frazier M. L., Tupper C.** Supervisor prosocial motivation employee thriving and helping behavior: a trickle-down model of psychological safety // *Group & Organization Management*. 2018. Vol. 43. № 4. P. 561–593.
15. **Harris P. B.** The prosocial and aggressive driving inventory (PADI): A self-report measure of safe and unsafe driving behaviors / P.B. Harris et al. // *Accident Analysis and Prevention*. 2014. № 72. P. 1–8.
16. **Harvey J., Erdos G.** Psychological rewards and bad risks: the roles of prosocial antisocial moral and immoral attitudes values and beliefs as determinants of individual risk-taking behaviour: a framework for further research // *Safety and Reliability*; eds. T. Bedford, P. H. A Van Gelder. 2003. P. 769–773.
17. **Hatakeyama A., Souma I.** Causal analysis of relationship between environmental concern and prosocial behavior // *International Journal of Psychology*. 2000. Vol. 35. № 3–4. P. 176–176.
18. **Hobfoll S. E., Schroder K. E. E.** Distinguishing between passive and active prosocial coping: Bridging inner-city women's mental health and AIDS risk behavior // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2001. Vol. 18. № 2. P. 201–217.

19. **Jakovljević M.** Hubris syndrome and a new perspective on political psychiatry: need to protect prosocial behavior, public benefit and safety of our civilisation // *Psychiatria Danubina*. 2011. Vol. 23. № 2. P. 136–138.
20. **Kislyakov P. A.** Research on prosocial behavior of Russian youth: statement of the problem in the context of security of the individual and society / P. A. Kislyakov et al. // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018)*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg Polytechnic University, 2019. P. 519–523.
21. **Kline R.** Differentiated responsibilities and prosocial behaviour in climate change mitigation / R. Kline et al. // *Nature Human Behaviour*. 2018. Vol. 2. № 9. P. 653–661.
22. **Leung K.** Beyond risk-taking: effects of psychological safety on cooperative goal interdependence and prosocial behavior / K. Leung et al. // *Group & Organization Management*. 2015. Vol. 40. № 1. P. 88–115.
23. **McFarland S., Brown D., Webb M.** Identification with all humanity as a moral concept and psychological construct // *Current Directions in Psychological Science*. 2013. Vol. 22. № 3. P. 194–198.
24. **Moradi S., Van Quaquebeke N., Hunter J.A.** Flourishing and prosocial behaviors: A multilevel investigation of national corruption level as a moderator // *Plos One*. 2018. Vol. 13. № 7. e0200062.
25. **Rao L. L.** Disadvantage and prosocial behavior: the effects of the Wenchuan earthquake / L. L. Rao et al. // *Evolution and Human Behavior*. 2008. Vol. 32. № 1. P. 63–69.
26. **Raposa E. B., Laws H. B., Ansell E. B.** Prosocial behavior mitigates the negative effects of stress in everyday life // *Clinical Psychological Science*. 2016. Vol. 4. № 4. P. 691–698.
27. **Rodriguez H., Trainor J., Quarantelli E. L.** Rising to the challenges of a catastrophe: The emergent and prosocial behavior following Hurricane Katrina // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2006. № 604. P. 82–101.
28. **Schacter H. L., Margolin G.** When it feels good to give: Depressive symptoms, daily prosocial behavior, and adolescent mood // *Emotion*. 2019. T. 19. № 5. P. 923–927.
29. **Shaver P. R., Mikulincer M., Cassidy J.** Attachment, caregiving in couple relationships, and prosocial behavior in the wider world // *Current Opinion in Psychology*. 2019. T. 25. P. 16–20.
30. **Shen B. Y.** The different effects of personality on prosocial and aggressive driving behaviour in a Chinese sample / B. Y. Shen et al. // *Transportation Research Part F-Traffic Psychology and Behaviour*. 2018. № 56. P. 268–279.
31. **Taylor L. K.** Impact of political conflict on trajectories of adolescent prosocial behavior: implications for civic engagement / L. K. Taylor et al. // *Developmental Psychology*. 2018. Vol. 54. № 9. P. 1785–1794.
32. **Vardy T., Atkinson Q. D.** Property damage and exposure to other people in distress differentially predict prosocial behavior after a natural disaster // *Psychological Science*. T. 30. № 4. P. 563–575.
33. **Velez M. A.** Prosocial behavior and subjective insecurity in violent contexts: field experiments / M. A. Velez et al. // *Plos One*. 2016. Vol. 11. № 7. e0158878.
34. **Vives M. L., FeldmanHall O.** Tolerance to ambiguous uncertainty predicts prosocial behavior // *Nature Communications*. 2018. Vol. 9. № 2156.
35. **Xu H. Y., Begue L. B., Bushman B. J.** Too fatigued to care: Ego depletion guilt and prosocial behavior // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. Vol. 48. № 5. P. 1183–1186.
36. **Yang Y.** Orientations to happiness and subjective well-being in chinese adolescents: the roles of prosocial behavior and internet addictive behavior / Y. Yang et al. // *Journal of Happiness Studies*. 2017. Vol. 18. № 6. P. 1747–1762.
37. **Zabkar V., Hosta M.** Willingness to act and environmentally conscious consumer behaviour: can prosocial status perceptions help overcome the gap? // *International Journal of Consumer Studies*. 2013. Vol. 37. № 3. P. 257–264.
38. **Zotova O. Yu., Karapetyan L. V.** Psychological security as the foundation of personal psychological wellbeing (analytical review) // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2018. T. 11. № 2. P. 100–113.

УДК 316.2

DOI 10.25688/2223-6872.2019.32.4.08

**СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ СОВРЕМЕННОСТИ И УГРОЗЫ ИДЕНТИЧНОСТИ:
СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ З. БАУМАНА**

О. А. Добрина,
НГПУ, Новосибирск,
dobrina-o@mail.ru

Цель статьи — обобщить, систематизировать и уточнить основные понятия концепции социального риска и угроз идентичности в научном творчестве польско-британского философа и социолога З. Баумана. Отмечается вклад Баумана в разработку объединительного подхода, характерного для современной постнеклассической социологии. Анализируются понятия неопределенности и текущей современности, взаимодействия свободы и морали и ретропии.

Текущая современность представлена как особое состояние общества постмодерна, размывающее традиционные социальные устои, структуры, социальные связи. Основными ценностями текущей современности являются свобода и потребление. Человек постмодерна стремится освободиться от связывающих его социальных и межличностных обязательств и воплотить идеал ничем не ограниченного потребления новых впечатлений и наслаждений. В исследовании представлены социальные последствия данной социальной установки: распространение и легитимизация насилия, организационное манипулирование, социальное неравенство и «самопричиненное» одиночество. Рассматривается понятие ретропии как социального конструкта идеализированного прошлого. Выявляется наиболее значимый элемент идеальной социальной реконструкции — диалог, который восстанавливает отношения ученичества, дисциплины и равноправия.

Выявляются представления о социальных рисках и угрозах идентичности, имплицитно присутствующие в теории Баумана. Социальные риски связаны с угрозой потери личностной, профессиональной, семейной, этнической и гражданской идентичности; снижением социальной сплоченности и других приоритетов устойчивого развития; с непредсказуемостью последствий случайных и иррациональных выборов человека; с возрастанием социального напряжения и фрустрирования. Данные тенденции также приводят к обострению социально негативных переживаний одиночества, отверженности и ненужности; порождают риски дефектов социализации для детей, рожденных и воспитываемых вне семейной стабильности и защищенности.

Подчеркивается высокий уровень перспективности теории Баумана для развития интегративной парадигмы современной социологии и возможности введения деонтологического подхода в современную теоретическую социологию.

Ключевые слова: неопределенность; текущая современность; свобода; мораль; ретропия; социальные риски; идентичность; системный анализ; З. Бауман.

Для цитаты: Добрина О. А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции З. Баумана // Системная психология и социология. 2019. № 4 (32). С. 92–102. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.08.

Добрина Ольга Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.

E-mail: *dobrina-o@mail.ru*

UDC 316.2

DOI 10.25688/2223-6872.2019.32.4.08

**SOCIAL RISKS OF MODERNITY AND THREATS TO IDENTITY:
SYSTEMATIC ANALYSIS OF Z. BAUMAN'S CONCEPT****O. A. Dobrina,**
NSPU, Novosibirsk,
dobrina-o@mail.ru

This paper purposes to generalize, systematize and clarify the basic concepts of the theory of social risk and threats to identity in scientific work of the Polish-British philosopher and sociologist Z. Bauman. Bauman's contribution to the development of the unifying approach characteristic of modern post-non-classical sociology is noted. The concepts of uncertainty and fluid modernity, the interaction of freedom and morality and retrotopia are analyzed.

Liquid modernity is presented as a special status of postmodern society, eroding traditional social foundations, structures, social ties. The core values of liquid modernity are freedom and consumption. Postmodern man seeks to free himself from the social and interpersonal obligations that bind him and to embody the ideal of unlimited consumption of new experiences and pleasures. The study presents the social consequences of this social attitude: the spread and legitimization of violence, organizational manipulation, social inequality and «self-inflicted» loneliness. The concept of retrotopia as a social construct of the idealized past is considered. The most significant element of the ideal social reconstruction is revealed: dialogue that restores the relations of discipleship, discipline and equality.

The author reveals the ideas about social risks and threats to identity, implicitly present in Bauman's theory. Social risks are associated with the threat of loss of personal, professional, family, ethnic and civic identity; reduction of social cohesion and other priorities of sustainable development; unpredictability of consequences of random and irrational human choices; increasing social tension and frustration. These trends also lead to an exacerbation of socially negative experiences of loneliness, rejection and uselessness; they create risks of socialization defects for children born and brought up outside the family stability and security.

The author emphasizes the high level of perspective of Bauman's theory to the development of the integrative paradigm of contemporary sociology and the possibility of introducing a deontological approach to modern theoretical sociology.

Keywords: uncertainty; liquid modernity; freedom; morality; retrotopia; social risks; threats to identity; systematic analysis; Z. Bauman.

For citation: Dobrina O. A. Social Risks of Modernity and Threats to Identity: Systematic Analysis of Z. Bauman's Concept // Systems Psychology and Sociology. 2019. 4 (32). P. 92–102. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.08.

Dobrina Olga Aleksandrovna, PhD in Sociology, associate professor at the Department of Social Psychology and Victimology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: *dobrina-o@mail.ru*

Введение

Современная социология устойчиво ориентирована на исследование социальных рисков и угроз идентичности. Концепции ускользающего мира и дисконнектированной идентичности британского ученого Энтони Гидденса, теория культурной травмы польского социолога Петра Штомпки, разработка понятия символического насилия французским мыслителем Пьером Бурдьё представляют

собой убедительные примеры подобной профессиональной установки. Достаточно близки к этому концептуальному кластеру идеи польско-британского социального философа, социолога и культуролога Зигмунта Баумана, рассмотренные в данной статье. Она продолжает серию исследований социальных рисков и угроз идентичности в аспекте их системного анализа [6] и имеет своей целью рассмотреть концепции социального риска и угроз идентичности в научном творчестве Зигмунта

Баумана (1925–2017), выдающегося польско-британского социолога, известного оригинальными концепциями альтерглобализма, текучей современности, свободы и морали, ретротопии.

Становление и кристаллизация профессиональной позиции З. Баумана отражало все этапы его жизненного пути: добровольное служение в рядах просоветской польской армии; преподавательская работа в Варшавском университете в 50–60-е годы прошлого столетия; стажировка в Лондонской школе экономики, связанная с изучением особенностей британского социалистического движения, и, наконец, переселение в Великобританию и работа в качестве профессора социологии в университете города Лидса. Среди источников формирования социологических воззрений Баумана хотелось бы отметить влияние его учителей — польских социологов Юлиана Хохвельда (1911–1966) и Станислава Оссовского (1897–1963), британо-канадского социолога и политолога Роберта Маккензи (1917–1981); прослеживаются также влияния итальянского философа и политического деятеля Антонио Грамши (1891–1937), немецкого социолога, основоположника философии жизни и классической социологии конфликта Георга Зиммеля (1858–1918), отдельных идей представителей Франкфуртской школы.

Эволюция мировоззренческих и теоретико-методологических социальных позиций Баумана демонстрирует постепенный сдвиг от левой, отчетливо марксистской идеологии до космополитически ориентированной, мультидисциплинарной позиции социального философа-постмодерниста, одного из наиболее авторитетных лидеров теории альтерглобализма.

Творческое наследие Баумана и основные его концепты достаточно активно разрабатываются как в русскоязычной, так и в англоязычной социологии в ракурсах анализа постсовременности [1; 3; 15; 18; 19] и ее основных характеристик [4; 7; 12; 13]; особенностей взаимодействия человека и социальных структур [10; 11; 14; 16; 17; 20]; отношений человека с социальным временем [9].

В аспекте обозначенной нами проблемы системного анализа, понимаемого вслед

за Б. Н. Рыжовым [8] как выявление многомерных внутренних связей объекта исследования, социальных рисков и угроз идентичности наиболее релевантными представляются концепции неопределенности и текучей современности, соотношения свободы и морали и ретротопии, имплицитно объединенные системообразующими связями в целостную исследовательскую парадигму как в аспекте концептуально-логическом (субъект – предикат – объект), так и в аксио-методологическом (онтология – аксиология – деонтология).

Понятие неопределенности и текучая современность

Одной из основных категорий, объясняющих и определяющих характеристики общества постмодерна, Бауман считает неопределенность, формируемую некоторыми значимыми утратами в его структуре и ментальности.

В первую очередь это утрата идеи прогресса и позитивного образа будущего, вследствие чего декларируемые политические ценности и обещания размываются и девальвируются.

Второе — это размывание сложно взаимодействующей социальной структурированности, основанной на сети регламентированных взаимодействий, обязательств и ограничений, определяющих векторы жизненного пути индивида.

Третье — критичность и рефлексивность сознания человека постсовременной эпохи, направленные на реалии окружающего мира и свои собственные воззрения, намерения и действия.

В работе «Текущая современность»¹ Бауман трактует эти изменения как «смешанные блага свободы». Одним из главных ресурсов постсовременного общества становится неопределенность, дающая человеку возможность ускользать от длительных контактов и обязательств. Текучая современность, подобно жидкости в физическом смысле, способна обтекать (например, моральные нормы и запреты); просачиваться в привычный

¹ Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

жизненный уклад; растворять социальные и межличностные связи и структуры; уносить человека из освоенного им социального пространства и т. п.

Это создает характеристику постсовременности, определяемую Бауманом как «сиюминутная жизнь». Сиюминутность создается размытостью и изменчивостью целей, неспособных определять рациональность поведения и направленность деятельности. Вместо целей в качестве оснований выбора постсовременному человеку представлен в потоке текучего времени «калейдоскоп возможностей», одни из которых актуальны, другие уже упущены, третьи пока не обнаружены. Краткосрочные и поверхностные связи («социальные соприкосновения») создают вихреподобные социальные потоки, в которых сложно разобраться и которыми практически невозможно эффективно управлять. Вследствие этого девальвируется ценность гражданства и патриотизма, сменяясь приоритетом космополитизма, поскольку индивидуалистические интенции побуждают человека к свободе выбора страны и территории.

В этом аспекте наиболее значимым достижением постсовременности является скорость, понимаемая как время, необходимое для освоения определенного пространства, причем как в географическом, так и в ментальном смысле, поскольку быстрота схватывания новых возможностей определяет экономическую эффективность субъекта и в конечном счете скорость его продвижения по стратификационной лестнице к большей власти и могуществу. Таким образом, Бауман обнаруживает новое и оригинальное понимание социальной мобильности как качественно-субъектной характеристики, определяемой скоростью «захвата» социальных возможностей и высокой степенью готовности к освобождению от фиксирующих его положение в данной точке социального пространства связей и обязательств.

Подобная концепция социального пространства и времени может трактоваться как социальный риск, связанный с угрозой потери этнической и гражданской идентичности, снижению социальной сплоченности и других приоритетов устойчивого развития.

Аналогичные трансформации происходят также в других сферах социального бытия. В сфере труда привязанность к рабочему месту и усилия по планомерному построению карьеры в рамках одной организации или одной профессиональной области сменяется тенденцией перехода к работе по краткосрочным контрактам или фрилансу. В области личной жизни ценность устойчивых брачно-семейных отношений размывается стремительно растущей популярностью краткосрочных, свободных от обязательств и привязанностей сексуальных контактов и распространением услуг виртуального секса. Данные тенденции также содержат в себе риски и угрозы идентичности профессиональной, семейной и личной; приводят к обострению социально негативных переживаний одиночества, отверженности и ненужности; порождают риски дефектов социализации для детей, рожденных и воспитываемых вне семейной стабильности и защищенности.

В условиях текучей современности изменяется, по Бауману, и само восприятие идентичности: вместо вопроса выбора и достижения избранной идентичности постсовременный человек одержим проблемой быстрой и своевременной смены идентичности, если ранее избранная теряет для него социальную притягательность.

На смену устойчивой и относительно непротиворечивой идентичности человека нового времени в обществе постмодерна приходит «потребительский синдром», связанный не столько с приобретением новых вещей, стабильных социальных контактов и статусов, сколько с «коллекционированием ощущений». Основными характеристиками данного синдрома являются доступность, скорость, затраты; основным приобретением — чувство новизны; основным социальным результатом — формирование человека выбирающего. В качестве характеристик этого нового социального типа Бауман выделяет иррациональность выбора, основанного не на расчете, а на интуиции; амбивалентность и плюрализм оценивания и толерантность, которая подменяет утраченный идеал солидарности в текучем индивидуализированном социуме, представители которого не желают

солидаризироваться для достижения общих целей и решения общих задач.

Социальный риск здесь видится в том, что иррациональные и слабо скоординированные между собой выборы, осуществляемые индивидуализированными субъектами в локальном измерении, могут вызвать непредсказуемые и даже катастрофические изменения глобального масштаба.

Таким образом, в концепции текучей современности выявляются социальные риски утраты социального идеала (позитивного образа будущего), размывания социальной структуры и трансформации ментальности в плане возрастания рефлексивности и критичности, что приводит к разрушению самого представления об идентичности.

Мораль и свобода в текучей современности

Соотношение морали, свободы и ценностей потребительского общества Бауман рассматривает в работах «Труд, потребительство и новый бедный»² и «Свобода»³. Текучая современность, формирующая потребительский синдром и провозглашающая в качестве ценности освобождение человека от стабильных привязанностей и обязательств, размывает также традиционное представление о морали как ограничителе и регуляторе человеческих выборов. Она формирует особое восприятие морали, основанное на принципах амбивалентности, толерантности и плюрализма, в рамках которого человек оказывается способным на противоположные решения и поступки, которые могут противоположно оцениваться таким же морально амбивалентным социальным окружением. В силу изменчивости ситуаций моральные нормы не могут быть неизменными, они постоянно переоцениваются, вследствие этого моральные конфликты относятся к числу неразрешимых, поскольку отсутствуют неизменные и разделяемые

всеми этические императивы. Ограничения морального контроля делают невозможным существование рационального порядка, обеспечивающего стабильное развитие общества и минимизацию социальных рисков. Бауман допускает в текучей современности единственную форму существования морали в качестве временной этической конструкции, обслуживающей неустойчивые и меняющиеся формы межличностного взаимодействия, вызываемые сиюминутными желаниями «быть для другого».

Подобного рода моральный релятивизм ничем не способен ограничить основную ценность текучей современности — свободу, понимаемую Бауманом как основной принцип взаимодействия отдельно взятого индивида с другими. Она определяет отношения человека с социальными группами, общностями, институтами и человеческим сообществом в целом. Однако свобода в интерпретации Баумана — понятие относительное; она доступна немногим, в первую очередь привилегированным и экономически обеспеченным слоям. Даже капиталистический строй, традиционно трактуемый как общество свободной конкуренции, позволяющий человеку подняться из социальных низов на достаточно высокие ступени социальной пирамиды, в современных условиях представляет собой довольно ограниченное пространство, разделенное между отдельными и немногочисленными рыночными гигантами. В этом аспекте декларируемая идея свободы для всех превращается в строго дозированную и дифференцированную для большинства свободу социальных достижений.

Однако общество текучей современности оставляет большинству доступную и открытую для всех возможность ничем не ограниченной самореализации — сферу потребления символических атрибутов успеха, которая не регулируется правилами жесткой конкуренции и позволяет удовлетворить основную потребность человека выбирающего — потребность новизны.

Понимаемая таким образом концепция свободы имплицитно содержит в себе ряд допущений и социальных рисков.

Во-первых, сфера потребления символических знаков успеха, новизны и удовольствий

² *Bauman Z. Work, consumerism and the new poor. Philadelphia: Open University Press, 1998. 106 p.*

³ *Бауман З. Свобода / пер. с англ. Г. М. Дашевского, предисл. Ю. А. Левады. М.: Новое изд-во, 2006. 132 с.*

также жестко детерминирована материальными возможностями человека и доступна лишь тем, кто недостаточно обременен заботами о хлебе насущном. Индивидуализированный и ничем не ограниченный свободный выбор социального пространства, страны проживания и гражданства, социального окружения, образа жизни требует изначально стартовых материальных вложений и средств для поддержания ежедневно реализуемых свободных выборов.

Во-вторых, подобное социальное конструирование формирует достаточно отчетливую и ценностно окрашенную идеологическую дихотомию: следование принципам свободного потребления новизны и удовольствий означает принадлежность к демократически ориентированному западному сообществу, прочие альтернативы общественного развития объявляются тоталитарными и, невзирая на декларируемую толерантность, подвергаются однозначному осуждению.

И, наконец, в-третьих, свобода в обществе текучей современности, формирующего менталитет сиюминутности социального бытия, является «свободой от» (значимых связей, обязательств, моральных ограничений и т. п.) и не может быть «свободой для» в обществе, не обременяющем себя разработкой и тиражированием идеалов прогресса и образа будущего.

Ретротопия:

тоска о прошлом, которого не было

Сочинением, венчающим научное наследие Зигмунта Баумана, является его книга «Ретротопия» [2], выпущенная в русском переводе издательством ВЦИОМ в 2019 году через два года после смерти автора. Понятие ретротопии, вынесенное в заглавие анализируемой работы, представляет собой унаследованное от двадцатого столетия переосмысление ценности прогресса как социального конструирования позитивного образа будущего. Популярный в двадцатом веке жанр антиутопии продемонстрировал устрашающий образ нежелательного и неприемлемого будущего как воплощения экзистенциальных

и социальных страхов современного человека [5]. Введенное Бауманом понятие «ретротопия» определяется им как реконструкция образа утраченного или несостоявшегося, но желательного и окрашенного позитивными эмоциями прошлого [2: с. 18].

Композиционно работа автора разбивается на введение, связанное с обоснованием понятия ретротопии; четыре главы, каждая из которых посвящена определенному аспекту современной социальности: первая глава («Назад к Гоббсу») раскрывает проблему насилия в обществе постмодерна; вторая («Назад к племенам») рассматривает механизмы, обеспечивающие принадлежность человека к группе и организации в сфере труда; третья («Назад к неравенству») анализирует процессы социального и экономического неравенства, богатства и бедности; четвертая («Назад в утробу») акцентирует внимание на проблеме экзистенциального одиночества человека в современном мире.

Анализируя проблему насилия, Бауман проводит демаркационную линию между «хорошим» (легитимным, социально одобряемым, охраняющим) и «дурным» (нелегитимным, осуждаемым, разрушающим) насилием, отмечая различие в целях и сходство в средствах между ними. Если целью «хорошего» насилия является установление и сохранение правопорядка, то «дурное» направлено на его разрушение, однако средства и методы насилия изобретаются представителями последнего, а лица, осуществляющие «хорошее» заимствуют их у враждебных им антисоциальных индивидов и групп. Однако функцию легитимизации насилия выполняет государство (аллюзия на Т. Гоббса, постулирующего государство как воплощение правоохранительного насилия), выражающее волю и интересы финансовой и политической элит, превращаясь таким образом из оберегающей и охраняющей силы в карающего субъекта власти. С этим связан социальный риск невротизации населения, вынужденного мириться с условиями незащищенности своего существования ради сохранения стабильности и порядка, тем более что сцены насилия неоправданно широко транслируются средствами массовой информации.

Еще одну форму насилия Бауман видит во власти рекламы и шопинга, понуждающих человека осуществлять спонтанные покупки и необдуманные траты в целях получения ярких позитивных эмоций, а также самоутверждения в личностной значимости: «покупаю — следовательно, существую». Потребители, неспособные осуществлять подобные необдуманные траты, воспринимаются общественным мнением как неудачники, лишённые права на полноту наслаждения и уважение со стороны окружающих.

Третье измерение насилия Бауман видит в отношениях конкуренции, пронизывающих все уровни современного общества — от решения вопроса о лидерстве в неформальной группе до гонки вооружений в мировом сообществе. Это приводит к девальвации межличностных связей и разрушению конструктивных взаимодействий социальных структур.

Помимо выявленных социальных рисков в рассуждениях Баумана о насилии прослеживаются имплицитно присутствующие угрозы идентичности, связанные с потерей доверия и чувства безопасности, что представляет угрозу личностной идентичности; с утратой самоуважения или замены его суррогатами собственной значимости; с разрывом близких, доверительных и референтных отношений, что приводит к социально-психологической деидентификации.

Проблема социальности, обсуждаемая во второй главе «Ретротопии», снова возвращает читателя к теме конкуренции в аспекте самоутверждения и борьбы за статус и престиж. Описывая отношения работника и организации, автор анализирует, какими способами современный менеджмент регулирует не только отношения «труд – вознаграждение», но и эмоциональные привязанности сотрудников, отношения притяжения и отталкивания в трудовых коллективах, вкусы и предпочтения, личные цели и намерения, оценивая и дифференцируя их не только по профессиональным, но и по личностным критериям. Индивидуальные особенности не только приветствуются, но и поощряются с целью последующего их деформирования и перестройки под прокрустово ложе ценностей корпоративности и лояльности.

Ситуация осложняется субъективностью и непредсказуемостью управленческих ожиданий и решений, которые работник должен угадать и которым обязан соответствовать, если хочет получать достойное вознаграждение и построить успешную карьеру в данной организационной структуре. Организация монополизирует все временные и личностные ресурсы сотрудника, предполагая, что он должен заботиться об интересах компании не только в рабочее, но и в свободное время.

В этом отчетливо прослеживается угроза как личностной, так и профессиональной идентичности, связанная с профессиональными деформациями, эмоциональным и творческим выгоранием и иными негативными последствиями. Глубокая интервенция современного менеджмента в личностные структуры и межличностные отношения человека представляет серьезную угрозу его автономности и многомерности.

Описывая проблемы социального и имущественного расслоения, Бауман приходит к выводу, что в современном обществе постулируется ценность неравенства, что приводит не только к обострению отношений имущих и малоимущих, но и к фрустрациям внутри данных социально-стратификационных групп. В соответствии с теорией стратификации наиболее обеспеченными и социально успешными становятся самые ресурсные, усердные и мотивированные члены общества. Их быстрое социальное продвижение чревато социальным риском возникновения синдрома растущих ожиданий, суть которого заключается в том, что любое замедление или остановка в построении карьеры воспринимается ими как обида или унижение со стороны социальной системы. С другой стороны, малоимущие и неуспешные ощущают себя изначально обделёнными неравенством распределения социального капитала. Все это приводит к риску снижения социальной солидарности и росту протестных настроений.

Проблему экзистенциального одиночества Бауман рассматривает с двух позиций: самореференции и нарциссизма, порождаемых выбором баланса между несовместимыми альтернативами — свободой и безопасностью.

Жизнь современного человека представляется Бауману насыщенной событиями и контактами, но не наполненной внутренним смыслом. Утверждать себя и добиваться одобрения со стороны окружающих, которые в современной гонке за наслаждением просто не успевают стать для нас «значимыми другими» и чем-либо обогатить наше существование, — это не может быть смыслом жизни. Ситуация осложняется тем, что непредсказуемость оценок окружающих несет угрозу нашей психологической безопасности. Единственным выходом из подобной ситуации видится самореференция — опора на устойчивое самопринятие и самоодобрение, горячо поддерживаемая современными психотерапевтическими доктринами. Это приводит к глубокому осознанию и болезненному переживанию одиночества, в попытках преодолеть которое человек обогащает производителей антидепрессантов и психотерапевтических услуг, растворяется в работе или гонке за наслаждениями.

Средством преодоления одиночества Бауману видится любовь, однако вследствие декларируемой самореференции она в современном обществе носит нарциссический характер. Современный нарциссист озабочен проблемами снятия чувства вины за безграничную любовь к себе, поиском средств психологической защиты от нарциссических посягательств других либо способов получить максимальное наслаждение от переживаемых страданий. Решение проблемы одиночества, а также получение одобрения со стороны человек покупающий находит в русле философии потребления: покупает на рынке услуг консультантов и психотерапевтов.

Ученый ставит вопрос о том, является ли нарциссизм болезнью человека или болезнью общества, лежит ли ответственность за подобное состояние в сфере медицины или в области социологии, однако не дает на него ответа.

Анализ концепции «самопричиненно» одиночества З. Баумана обозначает социальные риски разрушения солидарности и сотрудничества и позволяет выявить угрозы социальной и личностной идентичности современного человека.

В целом «Ретротопия», эта своеобразная тетралогия страданий современного человека, поднимает больше вопросов, чем дает на них ответов. Автор приходит к неутешительному выводу о том, что ностальгия о прошлом, которого не было, сама по себе свидетельствует о наличии у современного человечества стремления к поиску идеала, который от него сокрыт. Главным средством постижения идеального общественного устройства Бауману видится диалог, который восстанавливает отношения ученичества (личностной и социальной преемственности), дисциплины (социального порядка) и равноправия. Диалог также приучает человека к совместному поиску решения проблем вместо конкурентного отстаивания антагонистических позиций. Диалог не должен ограничиваться узкой сферой влияния профессиональных политиков, преследующих свои индивидуалистические или корпоративные интересы, его миссия — вовлечь максимальное число участников и охватить все возрастные категории и социальные слои. Это поможет преодолеть социальные риски разрыва с прошлым, социального насилия и социальной изоляции современного человека и воссоздать социальные идеалы, утраченные или не осуществленные в реальном или воображаемом прошлом.

Заключение

Творческое наследие Зигмунта Баумана вносит значимый вклад в формирование объединительной парадигмы современной теоретической социологии, а также в разработку проблематики изучения социальных рисков современности и угроз идентичности. Его концепция текучей современности описывает состояние общества постмодерна, основной характеристикой которого является неопределенность, связанная с утратой идеи прогресса, позитивного образа будущего, размыванием и изменчивостью социальных структур, критичностью и рефлексивностью сознания человека. Эти трансформации формируют феномен проживания человеком «сиюминутной жизни», не укорененной в ценностях и традициях, но движимой потоком

случайных выборов из калейдоскопа предлагаемых ему многочисленных возможностей.

Свободный от власти традиций и моральных запретов, человек эпохи постмодерна руководствуется притягательным фантомом свободы, понимаемой как «свобода от», т. е. освобожденность от ограничений морали, обязательств, привычек и устойчивых привязанностей. При отсутствии осознанных целей и стремлений обретенная человеком освобожденность устремляется потоком текущей современности в единственную доступную ему область — сферу потребления символических атрибутов успеха, которая позволяет удовлетворить основную потребность человека выбирающего — потребность новизны.

Социальные риски, порождаемые подобной социальной ситуацией, связаны с угрозой потери личностной, профессиональной, семейной, этнической и гражданской идентичности; снижением социальной сплоченности и других приоритетов устойчивого развития; с непредсказуемостью последствий случайных и иррациональных выборов человека; с возрастанием социального напряжения и фрустрирования. Данные тенденции также приводят к обострению социально негативных переживаний одиночества, отверженности и ненужности; порождают риски дефектов социализации для детей, рожденных и воспитываемых вне семейной стабильности и защищенности.

В условиях текущей современности выявляются риски разрушения самого представления об идентичности: современному человеку не нужно тратить усилия на построение собственной идентичности, он скорее озадачен потребностью быстрой и своевременной смены идентичности, если ранее избранная

теряет для него социальную притягательность. Таким образом, соблазненный иллюзией освобождения от сковывающих его традиций, современный человек становится жертвой легитимизированного насилия, организационной интервенции, замаскированного социально-экономического неравенства и «самопричиненного» одиночества, следствием чего становится ретротопия — попытка социального реконструирования утраченных идеалов забытого или отвергнутого прошлого.

Концепция Баумана описывает текущую современность западного общества и может быть применена для анализа социальных процессов, происходящих в привилегированных стратах развитых и обеспеченных стран. Думается, в менее обеспеченных социальных слоях подобные механизмы функционируют иначе. Однако сам методологический подход представляется достаточно продуктивным, а многие идеи носят универсальный характер.

Несмотря на обращающую на себя внимание метафоричность и беллетристичность изложения, все творчество Зигмунта Баумана обладает внутренней структурированностью и жестко выстроенной концептуальной системностью, последовательно раскрывающейся в трех измерениях: онтологическом (как есть), аксиологическом (на каких приоритетах основано) и деонтологическом (как должно быть). Определяющей ценностью социальной реконструкции идеализированного прошлого Бауману представляется диалог, который восстанавливает отношения ученичества, дисциплины и равноправия. Социальная деонтология слабо представлена в современных науках об обществе, однако данный аспект представляется весьма перспективным как один из векторов будущего развития социологии.

Литература

1. **Баньковская С.** Прощальный взгляд на постсовременность: между «свободой» и «безопасностью». Зигмунт Бауман (1925–2017) // Социологическое обозрение. 2017. № 1. С. 326–329.
2. **Бауман З.** Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
3. **Василькова В. В.** «Текущая современность»: базовые параметры неопределенности // Мир человека: неопределенность как вызов. Серия: Синергетика: от прошлого к будущему. М., 2019. С. 146–158.
4. **Де Бовер А., Оберемко О. А., Кристалл Э.** Когда обрываются связи: интервью с Зигмунтом Бауманом // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 1. С. 156–176.
5. **Добринина О. А., Кравчук А. С.** Литературная антиутопия как художественное воплощение социальной модели страха перед будущим // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 6 (18). С. 132–139.

6. **Добринина О. А.** Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции Э. Гидденса // Системная психология и социология. 2019. № 1 (29). С. 100–108. DOI: 2223-6872.2019.29.1.09.
7. **Мартыненко Т. С.** Социальное неравенство в социологической теории Зигмунта Баумана // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. Т. 25. № 1. С. 28–48.
8. **Рыжов Б. Н.** Системная психология: монография. 2-е изд. М.: Т8 Издательские технологии. 2017. 356 с.
9. **Старовойтенко А. Д.** Между ностальгией и ретротопией // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019 № 18. С. 125–135.
10. **Чистякова О. В.** Образы человека в культуре модерна и постмодерна // Культурное наследие России. 2016. № 4. С. 85–93.
11. **Чугунова Н. В.** Зигмунт Бауман о проблеме труда и занятости в контексте концепции информационного общества // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2015. № 4. С. 58–64.
12. **Barsukova D.** Conceptual features of the ethno-political conflict in chiapas within the framework of the modern globalism // International Scientific Review. 2016. № 14 (24). P. 50–51.
13. **Bulavka L., Buzgalin A.** The oligarch, the state and the Khodorkovsky as a mirror of the counterpoints of post-Soviet Russia // Science and Society. 2016. V. 80. № 2. P. 248–256.
14. **Bukhartseva N. G.** Intellectual potential of contemporary man: Structure and ways of formation // Педагогическое образование в России. 2014. № 11. С. 30–35.
15. **Chumakov A. N.** Globalization from a philosophical point of view: Russian vision // Between Orthodoxies and the Future of Globalization: Contemporary Philosophical Problems. 2016. P. 9–21.
16. **Heuer W.** The Temptation of lying // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 4. С. 25–36.
17. **Kieliszek Z.** National identity as an important topic of the research of the man in the future: “Opening” the potential of the fichtean concept of national identity // Philosophy and Cosmology. 2018. V. 20. P. 83–91.
18. **Lysenko A. E.** Antiglobalism as a modern public movement // Хроноэкономика. 2019. № 4 (17). С. 48–50.
19. **Martianov V.** Apologia of modernity // Changing Societies & Personalities. 2017. V. 1. № 2. P. 152–168.
20. **Nurgaliyeva M. Ye., Ganiyeva M. Y.** Intellectual potential of modern man: structure and ways of formation // Философско-педагогические проблемы непрерывного образования: сборник научных статей: [материалы III Международной научно-практической конференции, г. Могилев], 26–27 апреля 2018 г. / [под ред. М. И. Вишневого, Е. И. Снопковой]. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. С. 265–271.

References

1. **Bankovskaya S.** A farewell look to Postmodernity: Between «Freedom» and «Security». Zygmunt Bauman (1925–2017) // Sociological review. 2017. № 1. P. 326–329
2. **Bauman Z.** Retrotopia. Moscow: VCIOM, 2019. 160 p.
3. **Vasilkova V. V.** «Liquid Modernity»: basic parameters of the uncertainty // Human World: uncertainty as a challenge. Seriya «Synergetics»: from the past to the future. Moscow, 2019. P. 146–158.
4. **De Boever A., Oberemko O. A., Kristal E.** Disconnecting acts: an interview with Z. Bauman // Sociological Journal. 2017. T. 23. № 1. P. 156–176.
5. **Dobrina O. A., Kravchuk A. S.** Literary dystopia as an artistic embodiment of the social model of fear of the future // Humanities and Education in Siberia. 2014. № 6 (18). P. 132–139.
6. **Dobrina O. A.** Social risks of Modernity and threats of identity: systematic analysis of A. Giddens’s concept // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 1 (29). P. 100–108. DOI: 2223-6872.2019.29.1.09.
7. **Martynenko T. S.** Social inequality in the sociological theory of Zygmunt Bauman // Bulletin of Moscow University. Seriya 18: Sociology and Political sciences. 2019. T. 25. № 1. P. 28–48.
8. **Ryzhov B. N.** System psychology. 2nd ed. Moscow: V. 8 Publishing Technologies. 2017. 356 P.
9. **Starovoytenko A. D.** Between nostalgia and retrotopia // Interaction. Interview. Interpretation. 2019. № 18. P. 125–135.
10. **Chistyakova O. V.** Images of a human in Modern and Postmodern Culture // Cultural Heritage of Russia. 2016. № 4. P. 85–93.
11. **Chugunova N. V.** Zygmunt Bauman on the problem of labor and employment in the context of the concept of information society // History. Historians. Sources: Electronic Scientific Journal. 2015. № 4. P. 58–64.

12. **Barsukova D.** Conceptual Features of the Ethno-Political Conflict in Chiapas within the Framework of the Modern Globalism // *International Scientific Review*. 2016. № 14 (24). P. 50–51.
13. **Bulavka L., Buzgalin A.** The Oligarch, the State and the Khodorkovsky as a Mirror of the Counterpoints of Post-Soviet Russia // *Science and Society*. 2016. V. 80. № 2. P. 248–256.
14. **Bukhartseva N. G.** Intellectual Potential of Contemporary Man: Structure and Ways of Formation // *Pedagogical Education in Russia*. 2014. № 11. P. 30–35.
15. **Chumakov A. N.** Globalization from a Philosophical Point of View: Russian Vision // *Between Orthodoxies and the Future of Globalization: Contemporary Philosophical Problems*. 2016. P. 9–21.
16. **Heuer W.** The Temptation of Lying // *Sociological review*. 2018. V. 17. № 4. P. 25–36.
17. **Kieliszek Z.** National Identity as an Important Topic of the Research of the Man in the Future: “Opening” the Potential of the Fichtean Concept of National Identity // *Philosophy and Cosmology*. 2018. V. 20. P. 83–91.
18. **Lysenko A. E.** Antiglobalism as a Modern Public Movement // *Chronoeconomics*. 2019. № 4 (17). P. 48–50.
19. **Martianov V.** Apologia of Modernity // *Changing Societies & Personalities*. 2017. V. 1. № 2. P. 152–168.
20. **Nurgaliyeva M. Ye., Ganiyeva M. Y.** Intellectual potential of modern man: structure and ways of formation // *Philosophical and sociological problems of lifelong education: collection of scientific articles*. Mogilev: MGU imeni A. A. Kuleshova, 2018. P. 265–271.

Д И С К У С С И Я

УДК 316

DOI 10.25688/2223-6872.2019.32.4.09

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ МОРАЛИ И ПРАВА В ОБРАЗОВАНИИ ЧЕЛОВЕКА

В. М. Кондратьев,
МГПУ, Москва,
KondratyevVM@mgpu.ru

Тема XXIV Всемирного философского конгресса «Учиться быть человеком», состоявшегося в Пекине в 2018 году, интерпретируется автором как задача современного образования, для решения которой нужно ответить на вопросы: каким быть человеком; как им стать; зачем учиться быть человеком? Обращение к истории человечества, предпринятое автором, показывает первичность морали и вторичность права. По природе человек — существо моральное, а по обучению — правовое. Образование человека происходит не только в стенах школы или университета, но и в обществе, в реальном жизненном мире. Основным противоречием развития современного общества является противоречие между правом и моралью, доминирование права над моралью. Одним из следствий этого доминирования являются непрекращающиеся в мире межнациональные конфликты и войны. Автор задается вопросом о миротворческой функции образования. Возможность влиять на общественные процессы определяется уровнем осознанной самостоятельности человека — целью образования. Одним из ресурсов современного образования является концентрация знаний и навыков преподавателей в решении студентами исследовательских задач. Таким образом, автором предложены подходы к решению задачи «учиться быть человеком».

Ключевые слова: человек; личность; социализация; мораль; право; образование; осознанная самостоятельность.

Для цитаты: Кондратьев В. М. Проблема соотношения морали и права в образовании человека // Системная психология и социология. 2019. № 4 (32). С. 103–108. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.09.

Кондратьев Виктор Михайлович, кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: KondratyevVM@mgpu.ru

UDC 316

DOI 10.25688/2223-6872.2019.32.4.09

THE PROBLEM OF BALANCE BETWEEN MORALITY AND LAW IN HUMAN EDUCATION

V. M. Kondratyev,
MCU, Moscow,
KondratyevVM@mgpu.ru

Theme of the XXIV World philosophical congress «Learning To Be Human», held in 2018 in Beijing, is interpreted by the author as a task of modern education, to realize which one must answer the questions: what kind of human being to be; how to become one; why should we learn to be a human being? The consideration

© Кондратьев В.М., 2019

of the history of mankind, undertaken by the author, shows the primacy of morality and the secondary nature of law. By nature, man is a moral being, and by training, a legal one.

The author proceeds from the fact that human education occurs not only within the walls of a school or university, but also in society, in the real life world of the person. The main contradiction in the development of modern society is the contradiction between law and morality, the domination of law over morality. One of the consequences of this domination is the incessant interethnic conflicts and wars in the world. The author puts forward a question about the peace-making function of education. The ability to influence social processes is determined by the level of the person's conscious self-determination, which is a goal of education. One of the resources of modern education is the concentration of knowledge and skills of teachers in students' solving the research problems. Thus, the author suggests approaches to solving the problem of «learning to be human».

Keywords: human; personality; socialisation; morality; law; education; conscious self-determination.

For citation: Kondratyev V. M. The Problem of Balance between Morality and Law in Human Education // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 4 (32). P. 103–108. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.09.

Kondratyev Viktor Mikhaylovich, PhD in Philosophy, associate professor at the University-wide Department of Philosophy and Social Sciences at the Institute of Humanities Sciences of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: KondratyevVM@mgpu.ru

Введение

Тема XXIV Всемирного философского конгресса — «Учиться быть человеком» — отразила озабоченность философского сообщества состоянием образования в мире, и в первую очередь его гуманитарной составляющей, т. е. образованием человека как человека [15–20]. Видимо, существующие цивилизационные и национальные различия в образовании человека не способствуют достижению согласия между народами, их мирному сосуществованию и процветанию. Выявление природы указанных различий, чему посвящена данная статья, будет способствовать поиску путей бесконфликтного существования народов. С этой целью обратимся к истории человечества.

Истоки развития человека

Первые чувства, которые испытывает человек при своем рождении и дальнейшем развитии, есть чувства зависимости и неопределенности. Будучи естественными и базовыми для развития человека, они формируют его основные потребности, желания и интересы. Для безопасного их удовлетворения была создана мораль — система запретов, а позднее право как «образ свободы» (Гегель).

Удовлетворение основных потребностей в каждую историческую эпоху у каждого народа происходило по-разному, в зависимости от природных условий и достигнутого уровня культурного развития. Возникновение схожих способов их удовлетворения началось с возникновением производительной деятельности — труда. «Труд, — как характеризовал его К. Маркс, — есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. <...> Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» [6: с. 188–189]. Развитие дремлющих в человеке сил, обретение власти над силами природы говорит о приобретенной человеком способности уменьшать его зависимость от сил природы, т. е. о фактическом обретении им свободы действий. Обретение свободы происходило и в процессе освоения человеком своего жизненного пространства еще на стадии собирательства, определения полезных и вредных для жизни предметов, т. е. в процессе уменьшения неопределенности его жизненного мира. Однако природные различия, свойственные данной территории,

обусловливали различия в содержании и характере деятельности людей, не способствуя сближению их культур.

Одновременно с удовлетворением природных потребностей, с формированием языка, развитием мышления и воображения человек осознавал свою зависимость от сил природы и общества и выражал ее не только словами, но и образами. Следствием этого процесса явились ранние формы религиозных верований: тотемизм, фетишизм, анимизм и магия. В дальнейшем человек создал образы богов и других сверхъестественных существ. Посредством отношения к идеальным образам человек идентифицировал себя, стал зависимым от них. Каждый народ придавал им особые черты. Общим же для всех верований являлась необходимость создания норм отношения к богам — религиозного культа и дальнейшего создания религиозной морали. Если в начале человеческой истории люди верили в неотвратимость судьбы, то с возникновением национальных религий, как считали верующие, они обрели возможность влиять на свою настоящую и будущую жизнь. Таким образом, возникновение религий гармонизировало соотношение зависимости (морали) и свободы (права) на основе религиозных ценностей. В дальнейшей истории человечества противоречивое единство морали и права служило источником развития общественного сознания. Развитие в процессе труда «дремлющих сил» человека стимулировало его к расширению пространства свободы. «Свобода!» — вот лозунг буржуазных революций XVII–XVIII вв. в Европе. Право становится основой создания буржуазных государств в Европе и Америке. Возвышение статуса права привело к падению в общественной жизни роли морали. Реакцией на превосходство права над моралью в XX веке стали социалистические революции в России, Европе, Азии. Однако попытка поставить мораль выше или вровень с правом в новых исторических условиях не выдержала испытания временем. В конце XX века Россия и бывшие европейские социалистические страны фактически отказались от социалистических нравственных идеалов, лишь Китайская Народная Республика, Республика Куба и Боливарианская

Республика Венесуэла отстаивают сегодня социалистические идеалы, ориентированные на гармонию морали и права.

Предпринятый исторический экскурс служит основанием для понимания феномена человека. Ведь все, что есть в мире, создано человеком, его трудом, его талантом, его фантазией и умом. Однако судить о человеке по делам его означает судить о его прошлом, а человек — единственное существо на земле, который живет и будущим. И более верно судить о человеке по задачам, за решение которых он берется, несмотря на существующие преграды. Именно это качество выделял Гете в характеристике человека: «Человеком был я мире, — Это значит — был борцом!» [2: с. 252]. Однако для постановки задач человек должен иметь представление об историческом процессе, чтобы найти себе место в нем, которое определяется не только уровнем развития производительных сил, но и соотношением в обществе морали и права. Именно оно устанавливает степень самостоятельности человека как гражданина. Как известно, в истории действует тенденция возрастания степени самостоятельности работника и гражданина. Однако нас интересует уровень осознанной самостоятельности человека, позволяющей ему влиять на эту закономерность. И изменение этого уровня зависит от качества образования человека. Таким образом, цель образования, в нашем понимании, заключается в обретении человеком осознанной самостоятельности, уровень которой в разных странах будет определяться уровнем культуры, соотношением морали и права.

Роль веры и морали в определении задач образования

В определении задач образования следует принять во внимание уровень религиозности населения. Однако вопреки религиозным заповедям религиозные войны продолжаются и сегодня. Может ли образование повлиять на уровень осознанной самостоятельности верующего человека? Полагаю, может и должно, проясняя соотношение права и морали. По мнению Ф. Ницше, «без заблуждений,

которые лежат в основе моральных допущений, человек остался бы зверем. Теперь же он признал себя чем-то высшим и поставил над собой строгие законы. Поэтому он ненавидит более близкие к зверству ступени...» [9: с. 268]. Мы же ставим мораль выше права как феномен более объективный по сравнению с правом. Субъективность права подтверждается, в частности, наличием различных его определений в истории человечества. Так, согласно Гегелю, «право государства... это свобода в ее самом конкретном образе, подчиненная лишь высшей абсолютной истине мирового духа» [1: с. 95]. В марксизме же право понимается как воля экономически господствующего класса, возведенная в закон. Понятием, объединяющим значение морали и права, является справедливость.

Сегодня мы высказываемся за приоритет общечеловеческой морали над национальной, за гармонизацию морали и права. Избавлению от «моральных заблуждений» может способствовать государственная идеология как арбитр в споре за первенство между моралью и правом. Как отмечает современный исследователь А. В. Жукоцкая, «идеология может... быть средством стабилизации, самоопределения и самоутверждения соответствующего класса или социальной группы» [3: с. 34].

Опыт Китая, использующего идеологию в системе образования, заслуживает серьезного изучения [12: с. 367]. Мы согласны с подходом к определению стратегии развития образования китайскими учеными: «Выбирая стратегию развития образования, необходимо положить в ее основу человека и руководствоваться научным мировоззрением... стимулировать развитие как общества, так и личности» [Там же: с. 45].

В России же, согласно статье 13 Конституции, «признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [5: с. 8]. И, согласно статье 2, человек, его права и свободы признаются высшей ценностью [Там же: с. 4]. Однако в статье 55 говорится о необходимости защиты нравственности [Там же: с. 21]. В статье 59 Конституция обращается к ключевому понятию морали — долгу: «Защита Отечества

является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации» [Там же: с. 22]. Долг — это выражение зависимости человека от мира природы, общества и самого себя. Очевидно, защита Отечества — не единственный долг человека.

Приведенные положения Конституции РФ служат основой для разработки стратегии развития российского образования, которое Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» трактуется как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения...» [14: с. 3]. Основаниями воспитания закон рассматривает социокультурные, духовно-нравственные ценности и принятые в обществе правила и нормы поведения, осуществляемые в интересах человека, семьи, общества и государства [Там же: с. 3]. В определении образования Закон говорит лишь о способе (форме) его обретения, нам же важно знать и цель (результат) образования, которую мы определяем как обретение человеком осознанной самостоятельности.

В этом же направлении видят развитие образования современные американские исследователи. Так, авторы монографии «Четырехмерное образование» считают: «чтобы наилучшим образом подготовить учащихся к меняющемуся миру, их надо научить универсальности, вдумчивости, самостоятельности и самодостаточности» [13: с. 181]. К. Роджерс и Д. Фрейберг видят задачу учителя в создании условий для «самостоятельного и осмысленного учения...» [11: с. 10]. Марта Нуссбаум отмечает необходимость «научить студентов самостоятельно думать и аргументированно спорить, а не полагаться на общепринятое или авторитетное мнение» [10: с. 69–70]. На наш взгляд, и смысл так называемого свободного обучения заключается в повышении уровня осознанной самостоятельности, достигаемого путем повышения ответственности учащихся за свои действия. Александр Нилл, основатель школы Саммерхилл — школы свободного воспитания, видит его смысл в том, чтобы ребенок смог «прожить свою собственную жизнь, а не ту, которую выбрали ему беспокойные родители» [8: с. 27].

В XXI веке высшее образование в России реформировалось по европейскому

образцу, принимая за образец Болонскую систему, но без учета морально-правовых различий. Конфликт между новой формой и традиционным содержанием образования (обучения и воспитания) сохраняется и сегодня. На разрешение этого конфликта ориентирован национальный проект «Образование 2019–2024». В проекте две цели: внешняя — «обеспечение глобальной конкурентноспособности российского образования, вхождение РФ в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования» — и внутренняя — «воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ, исторических и национально-культурных традиций» [7]. От успешности достижения этих целей зависит будущее российского образования.

Касаясь тактики обучения в решении задачи «учиться быть человеком», укажем на одну реальную, но не используемую в высшем образовании возможность. Мы имеем в виду возможность реализации интегрированного подхода (сотрудничества преподавателей разных специальностей) в обучении

и исследовательской деятельности, при выполнении курсовых и дипломных работ студентами. Основаниями его реализации служит уровень методологической и нравственной культуры преподавателей, проявлением заботы о развитии человека учащегося.

З а к л ю ч е н и е

Реализация отмеченных в статье подходов к обучению позволит сделать жизнь человека более достойной, более счастливой. Как отмечает английский исследователь образования Стефан Коллини, «высшее образование — это общественное благо, а не просто сумма частных выгод, получаемых теми, кому посчастливилось иметь к нему отношение» [4: с. 15]. Поступим так, как советует Ф. Ницше: «вперед по пути мудрости, бодрым шагом и с бодрым доверием! Каков бы ты ни был, служи себе самому источником опыта! Отбрось неудовольствие своим существом, прости себе свое собственное Я: ибо во всяком случае ты имеешь в себе лестницу с тысячью ступенями, по которым ты можешь подыматься к познанию» [9: с. 393].

Л и т е р а т у р а

1. Гегель Г. В. Ф. *Философия права*: пер. с нем. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Гёте И. В. *Стихотворения. Фауст*: пер. с нем. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1997. 798 с.
3. *Идеология: социальная теория и практика: монография* / [А. В. Жукоцкая и др.]; под ред. А. В. Жукоцкой. М.: Социальный проект, 2017. 207 с.
4. Коллини С. *Зачем нужны университеты?* М.: ВШЭ, 2016. 264 с.
5. *Конституция Российской Федерации*. М.: Изд. Центральной избирательной комиссии РФ, 2003. 63 с.
6. Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии* / пер. И. И. Скворцова-Степанова. Т. 1. Кн. 1. *Процесс производства капитала*. М.: Политиздат, 1978. 908 с.
7. Национальный проект «Образование 2019–2024». URL: <https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsional-nuuy-proyekt-obrazovaniye> (дата обращения: 05.10. 2019).
8. Нилл А. *Школа Саммерхилл — воспитание свободой* / пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. Москва: АСТ, 2014. 480 с.
9. Ницше Ф. *Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов* // Ницше Ф. *Сочинения*: в 2 т. / сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна; пер. с нем. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 231–490. (Литературные памятники)
10. Нуссбаум М. *Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки* / пер. с англ. М. Бендет; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ВШЭ, 2014. 192 с.
11. Роджерс К., Фрейберг Д. *Свобода учиться*. М.: Смысл, 2002. 527 с.
12. *Россия – Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв.: сравнительный анализ: [сборник]* / Российская акад. образования, Центральная акад. пед. исслед. КНР; [отв. ред. и сост.: Н. Е. Боровская, В. П. Борисенков, Чжу Сяомань]. Москва: [б. и.], 2007. 591 с.

13. **Фадель Ч., Бялик М., Триллин Б.** Четырехмерное образование: Компетенции, необходимые для успеха: пер. с англ. М.: Точка, 2018. 240 с.
14. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» М.: Омега-Л, 2013. 135 с.
15. **Хачатрян М. А.** Ценности и атрибутивные процессы в социальном познании // Социальная психология и общество. 2014. № 1. С. 84–98.
16. **Anderson C.** The local-ladder effect: social status and subjective well-being / C. Anderson et al. // Psychological Science. 2012. Vol. 23. № 7. P. 764–771.
17. Global citizenship education. An emerging perspective // Outcome document of the Conference «Technical Consultation on Global Citizenship Education». Paris, UNESCO, 2014. ISBN: 978-89-7094-802-7. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0022/002241/224115E.pdf> (date of access: 05.10. 2019).
18. **Niehaus E., Williams L.** Faculty transformation in curriculum transformation: The role of faculty development in campus internationalization // Innovative Higher Education. 2016. № 41 (1). P. 59–74. DOI: 10.1007/s10755-015-9334-7.
19. **Teo P.** Teaching for the 21st century: A case for dialogic pedagogy // Learning, Culture and Social Interaction. 2019. Vol. 21. June 2019. P. 170–178. Doi.org/10.1016/j.lcsi.2019.03.009.
20. Transforming our world: the 2030 agenda for sustainable development. Retrieved URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld> (date of access: 05.10. 2019).

THE PROBLEM OF BALANCE BETWEEN MORALITY AND LAW IN HUMAN EDUCATION¹

V. M. Kondratyev,

MCU, Moscow,

KondratyevVM@mgpu.ru

Theme of the XXIV World philosophical Congress «Learning To Be Human», held in 2018 in Beijing, is interpreted by the author as a task of modern education, to realize which one must answer the questions: what kind of human being to be? how to become one? why learn to be a human being? The consideration of the history of mankind, undertaken by the author, shows the primacy of morality and the secondary nature of law. By nature, man is a moral being, and by training, a legal one.

The author proceeds from the fact that human education occurs not only within the walls of a school or university, but also in society, in the real life world of the person. The main contradiction in the development of modern society is the contradiction between law and morality, the domination of law over morality. One of the consequences of this domination is the incessant interethnic conflicts and wars in the world. The author puts forward a question about the peace-making function of education. The ability to influence social processes is determined by the level of the person's conscious self-determination, which is a goal of education. One of the resources of modern education is the concentration of knowledge and skills of teachers in students' solving the research problems. Thus, the author suggests approaches to solving the problem of «learning to be human».

Keywords: human; personality; socialisation; morality; law; education; conscious self-determination.

For citation: Kondratyev V. M. The Problem of Balance between Morality and Law in Human Education // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 4 (32). P. 109–112. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.10.

Kondratyev Viktor Mikhaylovich, PhD in Philosophy, associate professor at the University-wide Department of Philosophy and Social Sciences at the Institute of Humanities Sciences of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: KondratyevVM@mgpu.ru

Introduction

The theme of the forthcoming World Philosophical Congress expresses the concern of the philosophical community about the state of education in the world, and, first of all, its component of humanities, i.e. education of man as a human being [15–20]. It seems that the existing civilizational and national differences in human education are not conducive to the achievement of harmony among peoples, their peaceful coexistence and prosperity. Revealing the nature of these differences, which is the task of the present article, will help to find ways of conflict-free existence of peoples. To this end, let us consider the history of mankind.

The Sources for Human Development

The first feelings that a person experiences during his/her birth and further development are feelings of dependence and uncertainty. Being natural and basic for human development, they form his/her basic needs, desires and interests. To safely satisfy them, morality was created as a system of prohibitions, and later the law as an «image of freedom» (Hegel). The satisfaction of basic needs in each historical era for each people took place in different ways, depending on the natural conditions and the achieved level of cultural development. The emergence of similar ways of satisfying them began with the emergence of productive activity, labor. «Labor», as K. Marx characterized it, «is primarily a process taking place between man and nature, a process in which a person mediates, regulates

¹ Перевод статьи на английский язык: Л. Б. Вертгейм, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математики Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия.

and controls the substance exchange between him/herself and nature through his/her own activity. <...> By acting through this motion on the external nature and changing it, he/she changes, at the same time, his/her own nature. He/she develops the forces dormant in nature and subordinates the play of these forces to his/her own power» [6: 188–189]. The development of the dormant forces in man, the attainment of power over the forces of nature testifies to the ability acquired by man to reduce his dependence on the forces of nature, that is, this testifies to the actual gaining of the freedom of action. The attainment of freedom took place also in the process of human mastering his/her life space already at the stage of foraging, identification of the useful and harmful objects for life, i. e. in the process of diminishing the uncertainty of his/her life world. However, the natural differences, inherent in a given territory, caused the differences in the content and nature of people's activities, not promoting the convergence of their cultures.

Simultaneously with the satisfaction of natural needs, with the formation of language, the development of thinking and imagination, the human being was becoming aware of his/her dependence on the forces of nature and society and expressed it not only in words but also in images. The consequence of this process was the early forms of religious beliefs: totemism, fetishism, animism and magic. Later, the human being created images of gods and other supernatural beings. Through the relation to the ideal images, the person identified him/herself, became dependent on them. Each people gave them some special features. The common thing for all beliefs was the need to create norms of relation to gods: religious cult and the further creation of religious morality. While in the beginning of human history people believed in the inevitability of fate, later with the emergence of national religions, believers started to think that they have a possibility to influence their present and future lives. Thus, the emergence of religions harmonized the relation between dependence (morality) and freedom (law) on the basis of religious values. In the subsequent history of mankind, the contradictory unity of morality and law served as a source of development of public consciousness. The development of the «dormant

forces» of the human being in the process of labor stimulated him/her to expand the space of freedom. «Freedom!» was the slogan of bourgeois revolutions of the 17th and 18th centuries in Europe. Law becomes the basis for the creation of bourgeois states in Europe and in America. The elevation of the status of law led to diminishing of the role of morality in public life. A reaction to the superiority of law over morality in the twentieth century was the socialist revolutions in Russia, Europe and Asia. However, the attempt to place morality higher or equal with law did not stand the test of time in the new historical conditions. At the end of the 20th century, Russia and the former European socialist countries effectively abandoned the socialist moral ideals; only the People's Republic of China, the Republic of Cuba and the Bolivarian Republic of Venezuela are defending today socialist ideals that are oriented toward the harmony of morality and law.

The journey into the history undertaken by us serves as the basis for understanding the phenomenon of man. After all, everything that is in the world is created by man, his work, his talent, his imagination and his mind. However, to judge the person by his/her deeds means judging his/her past, while the human being is the only being on Earth who is living not just in the present but also in the future. And it is more correct to judge the person by the problems he/she is trying to solve despite the existing obstacles. It was this quality that was highlighted by Goethe in the characterization of man: «I was a man in the world: this means, I was a fighter!» [2: p. 61]. However, in order to formulate problems, the person must have some ideas about the historical process in order to find a place for him/herself in it, which is determined not only by the level of development of the productive forces, but also by the balance between morality and law in the society. It is this balance that determines the degree of self-determination of the person as a citizen. As is known, in history, a tendency is manifested of increasing the degree of self-determination of the worker and citizen. However, we are interested in the level of the person's conscious self-determination, which allows him/her to influence this regularity. And the change in this level depends on the quality of person's education. Thus, the goal of education, in our understanding,

is the person's attainment of conscious self-determination, the level of which in different countries will be determined by the level of culture, the balance between morality and law.

The Role of the Level of Religiousness of the Population in Identifying the Objectives of Education

While identifying the objectives of education, one should take into account the level of religiousness of the population. However, contrary to religious precepts, religious wars continue even today. Can education influence the level of the conscious self-determination of a believer? I think, it can and should, clarifying the balance between law and morality. According to F. Nietzsche, «without the self-deceptions that underlie the moral assumptions, the human being would remain an animal. And now he recognizes himself as somebody supreme and sets strict laws for himself. Therefore, he hates the stages which are closer to beastliness...» [9: p. 268]. We put morality above law as a phenomenon more objective in comparison with law. The subjectivity of law is confirmed, in particular, by the presence of its various definitions in the history of mankind. Thus, according to Hegel, «the law of the state... is freedom in its most concrete image, subject only to the highest absolute truth of the world spirit» [1: p. 95]. In Marxism, however, law is understood as the will of the economically dominant class, elevated to the level of legislation. The notion that unites the meaning of morality and law is justice.

Today we speak in favor of the priority of universal morality over national morality, for the harmonization of morality and law [3; 5; 11; 13; 14]. The state ideology can help to get rid of «moral self-deceptions». The experience

of China, which uses ideology in the education system, deserves serious study [12: p. 367]. We agree with the Chinese scientists' approach to defining the development strategy of education: «When choosing a strategy for the development of education, it is necessary to put the human being in its foundation and be guided by the scientific worldview... to stimulate the development of both society and person» [12: p. 45]. Concerning the tactics of teaching in solving the problem of «learning to be human», we point out a possibility that is real but not used in higher education. We have in mind the possibility of implementing an integrated approach (cooperation of teachers of different specialties) in training and research, in the students' carrying out the course and diploma work. The basis for its implementation is the level of methodological and moral culture of teachers, the manifestation of concern for the development of the learning human being [7; 8; 10].

Conclusion

The implementation of the approaches to learning, indicated in our article, will make human life worthier and happier. As the English educational researcher Stefan Collini once noticed «Higher education is not just a sum of private benefits received by those who are lucky enough to be related to it» [4: p. 15].

Let us proceed as Nietzsche advises: «move forward along the path of wisdom, with a cheerful step and cheerful confidence! Whatever you are, serve as a source of experience to yourself! Discard the displeasure with your being, forgive yourself your own Self: because in any case you have in yourself a ladder with a thousand steps, by which you can rise to cognition» [9: p. 393].

References

1. **Hegel G. W. F.** Philosophy of law. Transl. from German. Moscow: Mysl, 1990. 524 p.
2. **Goethe J. W.** Selected works. Moscow: Detgiz, 1963. 512 p.
3. Ideology: social theory and practice. / ed. by A. V. Zhukotskoy. Moscow: Sotsialniy proyekt, 2017. 208 p.
4. **Collini S.** Why do we need universities? Moscow: HSE, 2016. 264 p.
5. Constitution of the Russian Federation. Moscow: Izdaniye tsentralnoy izbiratelnoy komissii RF, 2003. 63 p.
6. **Marx K.** Capital. Critique of political economy. (Transl. by I. I. Skvortsov-Stepanov.) Vol I. Book. I. The process of production of capital. Moscow, Politizdat, 1978. 908 p.

7. National project «Education» 2019–2024. URL: <https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsionalnyy-proyekt-obrazovaniye> (date of access: 05.10. 2019).
8. **Nil A.** Summerhill school — education by freedom / tr. by E. N. Gusinsky, Yu. I. Turchaninova. Moscow: AST, 2014. 480 p.
9. **Nietzsche F.** Human, all too Human. A book for free minds // Nietzsche, F. Essays in 2 volumes, vol. 1. Literary monuments / Preparation, ed., intr. article and notes by K. A. Svasyan; Transl. from German. Moscow: Mysl, 1990. P. 231–490.
10. **Nussbaum M.** Not for profit: why democracy needs the humanities / tr. by M. Bendet; A. Smirnov: HSE. Moscow: HSE, 2014. 192 p.
11. **Rodgers K., Fraiberg D.** The freedom to learn. Moscow: Smisl, 2002. 527 p.
12. Russia-China: educational reforms at the turn of XX–XXI centuries: Comparative analysis / Exec. ed. E. N. Borevskaya, V. P. Borisenkov, Zhu Xiaoman. Moscow, 2007. 592 p.
13. **Fadel Ch., Byalik M., Trilling B.** A Four-dimensional education: competencies needed for success. Moscow: Tochka, 2018. 240 p.
14. Federal law «On Education of the Russian Federation» Moscow: «Omega-L», 2013. 135 p. URL: <http://mostinfo.su/286-samyebolshie-religii-po-chislu-veruyuschih.html> (date of access: 05.10. 2019).
15. **Khachatryan M. A.** Values and Attribution Processes in Social Cognition // Social Psychology and Society. 2014. №1. P. 84–98.
16. **Anderson C.** The local-ladder effect: social status and subjective well-being / C. Anderson et al. // Psychological Science. 2012. Vol. 23. № 7. P. 764–771.
17. Global citizenship education. An emerging perspective // Outcome document of the Conference «Technical Consultation on Global Citizenship Education». Paris, UNESCO, 2014. ISBN:978-89-7094-802-7. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0022/002241/224115E.pdf> (date of access: 05.10. 2019).
18. **Niehaus E., Williams L.** Faculty transformation in curriculum transformation: The role of faculty development in campus internationalization // Innovative Higher Education. 2016. № 41 (1). P. 59–74. DOI: 10.1007/s10755-015-9334-7.
19. **Teo P.** Teaching for the 21st century: A case for dialogic pedagogy // Learning, Culture and Social Interaction. 2019. Vol. 21. June 2019. P. 170–178. Doi.org/10.1016/j.lcsi.2019.03.009.
20. Transforming our world: the 2030 agenda for sustainable development. Retrieved. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld> (date of access: 05.10. 2019).

Ю б и л е й

Ждан Антонина Николаевна — корифей отечественной психологии!

Поколение детей войны, к которому относится Антонина Николаевна Ждан, можно назвать поколением мечтателей. Людям, пережившим в детстве тяготы войны и вступившим в юности в эпоху политической «оттепели», открывались перспективы творчества и самореализации. Это было время «оттепели» прежде всего в духовной жизни. Начиналось время первых покорителей космоса, возрождения поэзии, философии и подъема во многих сферах жизни общества. Антонина Николаевна пошла за своей мечтой и стала известным ученым. В этом году отмечается 85-летний юбилей доктора психологических наук, профессора, член-корреспондента РАО, почетного профессора МГУ А. Н. Ждан.

Увлечение психологией как предметом, который в то время преподавался в школе, определило выбор дальнейшего пути. Антонина Николаевна для продолжения учебы предпочла отделение психологии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и, поступив после школы в университет, в 1957 году окончила его. Во время учебы она слушала лекции и общалась с такими выдающимися представителями отечественной психологии, как А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, А. А. Смирнов, П. Я. Гальперин, Б. М. Теплов и другие. С 1958 года она начала работать на отделении психологии философского факультета. На факультете в то время начали проводиться экспериментальные исследования типов ориентировки процесса учения, руководил которыми П. Я. Гальперин.

Антонину Николаевну интересовали идеи П. Я. Гальперина и, работая на факультете, под его руководством она проводила исследования, направленные на формирование умственных действий. Под его же руководством в 1968 году она защитила кандидатскую диссертацию уже на вновь образованном психологическом факультете, на котором она и продолжила свою преподавательскую и научную деятельность.

В 1970-х годах А. Н. Ждан заинтересовалась историей психологии и начала ею заниматься. В дальнейшем она наряду с преподавательской деятельностью участвовала в создании хрестоматий по истории психологии; сначала совместно с П. Я. Гальпериным, а затем самостоятельно готовила программы и пособия для помощи студентам в освоении курса. Под ее редакцией вышло несколько хрестоматий по истории психологии, в том числе хрестоматия «История психологии: XX век» (М., 2003).

Знакомясь с новыми зарубежными и отечественными подходами к научным знаниям, в которых уже обозначились идеи комплексности и системности, она пересмотрела взгляды своих предшественников и предложила новую концепцию для рассмотрения истории психологии. История психологии с точки зрения этого подхода рассматривается как процесс, комплексно раскрывающий природу психического как объекта научного познания. Проанализировав с новой точки зрения развитие истории психологии, А. Н. Ждан оформила свои идеи в научную работу и в 1994 защитила докторскую диссертацию на тему «История психологии как становление ее предмета».

На основе нового концептуального подхода А. Н. Ждан разработала учебный курс по истории психологии для студентов психологических факультетов, составила программы и выпустила учебные пособия. За свою активную высокопрофессиональную работу она в 1997 году получила звание профессора кафедры общей психологии.

В дальнейшем по итогам многолетней преподавательской работы на психологическом факультете она написала учебник «История психологии. От Античности до наших дней» (М., 2004). В учебнике с современных методологических позиций рассматривается история отечественной и зарубежной психологии, начиная с Античности до настоящего времени. Книга адресована студентам, аспирантам и преподавателям психологических факультетов университетов. Учебник выдержал многочисленные переиздания, последнее переработанное вышло в 2018 году.

Курс по истории психологии Антонина Николаевна дополняет авторскими спецкурсами, среди которых «Отечественные научные школы в психологии». По отзывам студентов, она обладает феноменальной памятью и глубокими знаниями своего предмета. Кроме преподавательской работы продолжает заниматься изучением первоисточников и преподносит новую информацию из них в статьях и лекциях в соответствии со своей концепцией. Антонина Николаевна ведет активную работу по распространению научных знаний на конференциях, съездах, симпозиумах.

Работая на факультете психологии МГУ уже более шестидесяти лет, Антонина Николаевна вывела в жизнь многочисленных своих учеников; некоторые из них уже сами стали профессорами. Один из таких учеников — доктор психологических наук В. Т. Кудрявцев — несколько лет назад поздравил ее на странице Интернета с очередным юбилеем. В своей статье «Особый дар историка» он назвал ее главным историком психологии нашей страны и отметил, что она была свидетелем и участником многих исторических событий, которые исследует.

Среди ее благодарных учеников можно назвать Б. Н. Рыжова, который сам уже являясь доктором психологических наук, профессором и автором учебников по истории психологии, продолжает и развивает подходы своего учителя.

А. Н. Ждан — признанный и авторитетный специалист в области истории психологии. Антонина Николаевна — пример служения своему делу, постоянно творчески развивающийся ученый и стремящийся донести свое новое осмысление истории психологии до следующих поколений. Ее творческая энергия воплощается в новых статьях, дополнениях к учебникам, разработках спецкурсов. Свои глубокие знания и современный взгляд на исторические события она реализует в студенческих аудиториях, на конференциях, симпозиумах и различных собраниях ученых. Пожелаем же ей успехов в ее нелегком служении на поприще отечественной психологии.

С юбилеем Вас, глубокоуважаемая Антонина Николаевна!

Информация

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ЖУРНАЛА «СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ», 2019, № 4 (32)

«SYSTEMS PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY» AUTHORS, 2019, № 4 (32)

РОМАНОВА Евгения Сергеевна — доктор психологических наук, профессор. Исполняющий обязанности директора Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ, заведующая кафедрой общей и практической психологии ИПССО МГПУ. Заслуженный учитель Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Лауреат премии Президента Российской Федерации 1998 в области образования, лауреат премии Правительства Российской Федерации 2009 в области образования. Почетный профессор МГПУ, член президиума УМО университетов Российской Федерации. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Москва (Россия).

ROMANOVA Evgeniya Sergeevna — Doctor of Psychological Sciences, full professor. Acting director of the Institute of Psychology, Sociology and Social relations of the MCU. Head of the Department of General and practical Psychology at IPSSR of the MCU. Honorary Teacher of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. Laureate of the President of the Russian Federation Education Award in 1998. Laureate of the Russian Federation Government Education Award in 2009. Honorary Professor of the Moscow City University, member of the Presidium of Educational and Methodological Consolidation of the Universities of the Russian Federation. Honorary Worker of Higher School of the Russian Federation, Moscow (Russia).

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

АБУШКИН Борис Михайлович — кандидат психологических наук, доцент; заместитель директора Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ, Москва.

ABUSHKIN Boris Mikhailovich — PhD in Psychology, associate professor. Deputy director at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the MCU, Moscow (Russia).

E-mail: AbushkinBM@mgpu.ru

РЫЖОВ Борис Николаевич — доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой педагогической, возрастной и социальной психологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ; лауреат премии Правительства Российской Федерации 2009 года в области образования; почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Москва.

RYZHOV Boris Nikolayevich — Doctor of Psychological Sciences, professor. Head of the Department of Pedagogical, Developmental and Social Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the MCU. Laureate of the Russian Federation Government Education Award in 2009, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Moscow (Russia).

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

КУЗЬМИНА Татьяна Ивановна — кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной психологии и реабилитологии МГППУ, Москва.

KUZMINA Tatyana Ivanovna — PhD in Psychology, associate professor at the Department of Special Psychology and Rehabilitation of the MSUPE, Moscow (Russia).

E-mail: ta-1@list.ru

КЛЕПИКОВА Наталья Михайловна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии НГПУ, Новосибирск.

KLEPIKOVA Natal'ya Mikhaylovna — PhD in Psychology, associate professor at the Department of General Psychology and History of Psychology of the NSPU, Novosibirsk (Russia).

E-mail: nataliaklepikova@yandex.ru

КОРМАЧЁВА Ирина Николаевна — аспирант кафедры общей психологии и истории психологии НГПУ, руководитель Психологического центра «Ирис», Новосибирск.

KORMACHEVA Irina Nikolaevna — a post-graduate student at the Department of General Psychology and History of Psychology of the NSPU, Head of the Psychological center «Iris», Novosibirsk (Russia).

E-mail: irina@kormacheva.ru

ХИСАМБЕЕВ Шамиль Раисович — кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии, философии и манусологии РГУ им. А. Н. Косыгина, Москва.

KHISAMBEEV Shamil Raisovich — PhD in Psychology, associate professor at the Department of Clinical Psychology, Philosophy and Manusologii of the Kosygin Russian State University, Moscow (Russia).

E-mail: khisam@mail.ru

ИВАНОВ Денис Васильевич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии НГПУ, Новосибирск (Россия).

IVANOV Denis Vasilievich — PhD in Pedagogics, associate professor at the Department of General Psychology and History of Psychology of the NSPU, Novosibirsk (Russia).

E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

БЕРШЕДОВА Людмила Ивановна — доктор психологических наук, профессор; профессор кафедры общей и практической психологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ, Москва.

BERSHEDOVA Ludmila Ivanovna — Doctor of Psychological Sciences, professor. Professor at the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the MCU, Moscow (Russia).

E-mail: BershedovaLI@mgpu.ru

НАБАТНИКОВА Людмила Петровна — кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры общей и практической психологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ, Москва.

NABATNIKOVA Ludmila Petrovna — PhD in Psychology, associate professor. Associate professor at the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the MCU, Moscow (Russia).

E-mail: NabatnikovaLP@mgpu.ru

КИСЛЯКОВ Павел Александрович — доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии труда и специальной психологии РГСУ, Москва.

KISLYAKOV Pavel Aleksandrovich — Doctor of Psychological Sciences, associate professor. Head of the Department of Labor Psychology and Special Psychology of the RSSU, Moscow (Russia).

E-mail: pack.81@mail.ru

ДОБРИНА Ольга Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии НГПУ, Новосибирск, Россия.

DOBRINA Olga Aleksandrovna — PhD in Sociology, associate professor at the Department of Social Psychology and Victimology of the NSPU, Novosibirsk (Russia).

E-mail: dobrina-o@mail.ru

КОНДРАТЬЕВ Виктор Михайлович — кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, Москва.

KONDRATYEV Viktor Mikhaylovich — PhD in Philosophy, associate professor at the University-Wide Department of Philosophy and Social Sciences at the Institute of Humanities of the MCU, Moscow (Russia).

E-mail: KondratyevVM@mgpu.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Журнал «Системная психология и социология» публикует оригинальные теоретические работы и исследования по проблемам системных описаний в психологии и социологии.

В научном журнале размещаются следующие виды работ:

- методологические и теоретические статьи;
- статьи, описывающие новый метод, тест, опросник и т. д.;
- эмпирические исследования;
- информационно-аналитические материалы;
- рецензирование статей, книг и т. д.

В зависимости от жанра статья должна иметь определенную структуру. Если статья описывает эмпирические исследования, новые методические приемы, тесты, опросники и т. д., то структура статьи должна включать следующие разделы: «Введение», «Методика», «Результаты и их обсуждение», «Выводы», «Заключение», «Литература».

Информационно-аналитические статьи, методические и теоретические статьи предполагают наличие таких разделов, как «Введение», «Результаты», «Выводы», «Заключение», «Литература».

В редакцию принимаются материалы объемом до одного авторского листа (не более 40 тыс. знаков с пробелами). Объем статей, подготовленных по заказу редакции, не ограничивается. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, 14 кеглем через 1,5 интервала с выравниванием по ширине. Поля: слева — 2 см, справа — 1 см, верхнее и нижнее — по 2 см соответственно. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Заголовки разделов статьи печатаются шрифтом Times New Roman, полужирным 14 кеглем без курсива, по центру столбца. В конце заголовков разделов точка не ставится (например, Результаты).

Заголовок статьи оформляется по образцу: название (по центру страницы, заглавными буквами, полужирным шрифтом, 14 кегль, не более 7 слов, без точки в конце названия).

Ниже инициалы и фамилия автора. Например: И. И. Иванов

Статья должна начинаться с расширенной аннотации (не менее 200 и не более 250 слов, или 1600–1850 знаков с пробелами), в которой полностью раскрывается структурная логика статьи, т. е. в аннотации формально должны быть включены следующие разделы: введение, методология и методика исследования, результаты исследования, заключение.

После аннотации указывается перечень ключевых слов (5–10 слов). Ключевые слова отделяются друг от друга точкой с запятой. Текст аннотации набирается прямым (без курсива) шрифтом с точкой в конце.

Название статьи, равно как и аннотация, ключевые слова, обязательно предоставляются с переводом на английский язык.

Библиографические ссылки при цитировании приводятся в конце статьи в алфавитном порядке на русском и английском языках. Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках.

Например: [15: с. 140], где первая цифра означает порядковый номер из списка литературы, а вторая — номер страницы источника (если это цитата). Упоминание всех персоналий в тексте статьи обязательно с инициалами.

В списке литературы желательно указывать **не менее 20 источников**. Из них, желательно, чтобы **половина была на английском языке**, при этом **цитируемые источники** (как русскоязычные, так и англоязычные, индексируемые в РИНЦ, Scopus и WoS) — это издания **за последние 5 лет**. Также следует указывать DOI для тех источников, у которых он есть (о наличии DOI можно узнать по ссылке: <http://search.crossref.org>) и на которые есть ссылки в тексте статьи. При упоминании (ссылке) источников более раннего года выпуска их библиографическое описание указывается в постраничной сноске (внизу листа со сквозной нумерацией) и в список литературы эти ссылки не включаются. Количество ссылок на работы автора статьи должно быть ограничено одним-двумя источниками, при ссылке на работы других авторов допускается упоминание двух-трех источников.

Рисунки, графики, схемы нельзя сканировать, они должны выполняться в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения. К статье отдельно прилагаются файлы с рисунками, графиками в таком формате, чтобы легко можно было внести правки согласно требованиям публикации. К статье необходимо приложить следующие сведения об авторе: фамилия, имя и отчество полностью; ученая степень и звание; место работы и должность; контактный телефон и адрес электронной почты, подписанное фото каждого автора 3 × 4 (в формате *.jpg). Сведения об авторе (кроме контактных данных) должны быть представлены на русском и английском языках.

Рецензирование проходит в период от одного до трех месяцев. Решение о публикации принимается на основе результатов рецензирования редколлегией. В случае положительного решения публикация происходит в порядке очередности поступления материалов в редакцию.

Материалы предоставляются как по электронной почте журнала: systempsychology@mgpu.ru, так и в распечатанном виде (+ копия статьи на диске в электронном формате *.doc. Word 2000, 2003 (и выше)) в Институт психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

Адрес редакции журнала: 127287, Москва, Петровско-Разумовский пр., д. 27.

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Телефон: 8 (495) 612 67 16

AUTHOR GUIDELINES

An article should ordinarily not exceed 40 000 of signs, including references and tabular material. It should be typed in standard Times New Roman 11 print, with 1 line spacing in MS Office files (Word 2000, 2003 and etc.). Exceptions may be made with prior approval of the Editor in Chief.

It is authors' responsibility to ensure their reviews are comprehensive and as up to date as possible so the data are still current at the time of publication.

Article Structure

Abstract

A concise and factual abstract is required (**not exceeding 200–250 words**). The abstract should state briefly the introduction, purpose of the research, research methods, the principal results and major conclusions. References here should be avoided.

Keywords

Immediately after the abstract, provide a maximum of **5–10 keywords**. Be careful with abbreviations: only abbreviations firmly established in the field may be eligible.

Introduction

Research methods

Results and discussion

Conclusion

Literature (**at least 20 references or more and over the last 5 years predominantly**). As the author of your research article, you should refer to your own works not more than twice, but in so doing every other authors of the works you need to refer should be cited not more than twice or three times.

Graphical abstract and Tables

A graphical abstract is optional, its use is encouraged as it draws more attention to the article. The graphical abstract should summarize the contents of the article in a concise, pictorial form designed to capture the attention of a wide readership. Graphical abstracts should be submitted as a separate file via email. The image should be readable using a regular screen resolution. Preferred file types: *.tiff, *.pdf or MS Office files. Please submit tables as editable text and not as images. Tables can be placed either next to the relevant text in the article, or on separate page(s) at the end. Number tables consecutively in accordance with their appearance in the text and place any table notes below the table body.

Every author should send the following information: his full surname, name, his academic status and degree; the place of his work and information about the post he takes; contact information, including e-mail and his photo 3 × 4 (Preferred file types: *.tiff, *.jpg).

Contact Details for Submission

Authors are requested to submit their articles and contact details electronically via e-mail: systempsychology@mgpu.ru. Authors also should remember to supply the names and contact details of all co-authors, mentioned in the article.

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Tel.: 8 (495) 612 67 16

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

2019

№ 4 (32)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1

Телефон: + 7 (499) 181-50-36

Подписано в печать: 15.01.2020 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объем 7,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.